
НОЙ
ЛОЗ
19

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАРДВАН ВАРЖАПЕТЯН

МОСКВА
1996

СПАСИБО.

ВЫ ОЧЕНЬ ПОМОГЛИ ВЕСТНИКУ «НОЙ»!

Александр АЛАВЕРДЯН
Мария АННИНСКАЯ
Мария АРБАТОВА
Марина АРОНЗОН
Юрий АРУСТАМОВ
Ирина АРУСТАМОВА
Анаида БЕСТАВАШВИЛИ
Александр БОВИН
Юдифь ВЯЗЬМИНА
Семён ГРИНБЕРГ
Владимир ГИРШОВИЧ
Ион ДЕГЕН
Даниил ДОМБРОВСКИЙ
Татьяна КАЛЕЦКАЯ
Татьяна КОНОНЕНКО
Юрий КОНОНЕНКО
Яков КУМОК
Григорий ОСИПОВ
Михаил ПОЛАДЯН
Михаил РУМЕР
Маркс ТАРТАКОВСКИЙ
Ефим ФАВЕЛЮКИС
Нора ШАПИРО
Клара ЭЛЬБЕРТ
Николай ЭСТИС

Уроки для Армении

Ара НЕДОЛЯН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ПУТЬ В XXI ВЕК.

Конец XX века мы, как и многие народы, встречаем в поисках национальной идеологии, в поисках своей миссии и своего места в мире. При этом есть соблазн полагать, что миссия народа, национальная идеология — это некие отвлечённые метафизические понятия, которые лежат принципиально в иной плоскости, нежели реальная политика, экономика, задачи общественного устройства. Как бы ко всем этим задачам, являющимся нашим внутренним делом, приплюсовывается ещё несколько — исторический долг Ай-Дата (Армянский вопрос — *Ред.*), отчасти в форме Арцахского вопроса, отчасти в форме единения с диаспорой, а также — задача формирования национальной идеи, национальной легенды, национальной метафизики. Располагая приоритеты подобным образом, мы впадаем в присущий современной цивилизации грех дуализма — разделения материального и духовного, реального и идеального. Духовное и идеальное всегда откладывается на потом, после того, как будут решены задачи материальные и реальные, а до тех пор остаётся в своеобразных резервациях духа — религии, культуре, сказочном мире, "национальной идеологии". Однако проблема состоит именно в том, что материальные и реальные задачи принципиально не могут быть решены без основополагающих идей, без водительства Духа. В условиях, когда Дух, основополагающая идея изгнаны из сфер реальной политики, экономики и общественного устройства, их место занимают эрзацы — весь тот политико-общественно-экономический словарь, который служит у нас причиной разделения на партии, образует те мутные воды "политики", которая совершенно обоснованно считается после этого тёмным и нечистым делом.

Теряется чувство градации целей. Да, основные цели, декларированные в 1988 году в качестве исторических задач армянского народа, сегодня формально достигнуты — Армения обладает государственной независимостью и контролирует территорию Арцаха. Однако называть эти достижения становлением

национальной государственности не приходится, так как утерян смысл дальнейшего существования государства и народа, чувство цели и миссии, и, следовательно, чувство нахождения в собственной истории. Не сформулированы идеалы построения армянского общества, у народа отсутствует столь ярко ощущаемое в 1988 г. чувство того, что армянская история находится в его руках. В сфере общественных отношений наступило господство чистой необходимости, без малейших элементов свободы.

Между тем 1988 г. был для нас годом духовного возрождения именно потому, что в общественных отношениях мы были свободны, общественные отношения основывались на принципах долга перед народом, страной и историей; была достигнута содержательная свобода от любых ограничительных контекстов, которая позволила осуществить невозможное — победу и выживание в тяжелейших условиях. Тогда сложилось новое духовное явление — свободная страна, внутренняя духовная родина армян, была преодолена трагическая детерминированность армянской истории геноцидом, произошло чудо локального воскрешения уничтоженной страны армян в какой-то её части — Арцахе.

Сегодня, когда в воздухе сгустилась тоска и предчувствие грозных, непонятных перемен — следует пристально вдуматься в свои истоки. Где мы были не правы, от чего сможем освободиться и избавиться, как от исторических ошибок, в чём заключено то непреложное содержание, составляющее сущность и оправдание нашей новейшей истории, тот краеугольный её камень, выдернуть который — и рухнет обветшавшее здание, столь ослепительно взметённое народной мечтой в 1988-90-х годах? Не уйти от того, что пристальное рассуждение о началах и исходе этого десятилетия — это рассуждение об Арцахе.

Арцах послужил началом новой армянской государственности. С Арцахского движения начался мощный геополитический и идеологический процесс, завершившийся крушением советской империи и... здесь самое печальное — не принесший народам никакого конечного позитивного содержания. На месте империи — хаос и вакуум, наша государственность испытывает симптомы обречённости, народ — в бездне отчаяния. И лишь на периферии внутреннего взора по прежнему тихо светится Арцах — как последнее живое оправдание происшедшему, единственный якорь в океане отчаяния, утверждающий наличие смысла происходящего, наличие будущего, скрытый источник света, за-

пасённый идущими в неведомое. Абсолютный, легендарный импульс Арцаха немедленно срезонировал в мире и проявился не в виде политической (политика пришла потом), а в первую очередь в виде этической реакции человечества — подобно тому, как сверхъестественные явления вроде революции или всемирной войны вызывают в первую очередь нравственный резонанс, затем гаснущий в волнах политики и баланса интересов.

Арцах и Армения как символы свободы держались недолго. Задача создания свободной и справедливой страны и общества отодвинулась так далеко, что сегодня о ней практически не вспоминают. Сильнейший духовный импульс Арцаха сравнительно долго (до конца 1993 г.) позволял ему, по крайней мере, быть чрезвычайно весомым фактором региональной политики, на чём основывалось и наличие политической субъектности Армении. Уже более двух лет, как мы являемся лишь объектами большой политики, проводя линию "сбалансированных отношений", то есть пассивного реагирования на вызовы внешнего мира. К этому же периоду относится утрата правящей элитой последних оснований для своего бытия. Люди являются народом, территория — страной, отношения между людьми — отношениями общественными, власть — государством и властители — элитой нации в том случае, когда существует национальный идеал и исходящее из него целеполагание (идеология). Общество, страна, народ и государство являются субъектами, когда их пронизывает воля к созиданию. Когда они творят свой Закон, а не "приводят законодательство в соответствие со сложившимися реалиями". Закон Арцаха, лежащий в основе современной армянской государственности, да и любой подлинной государственности, гласит: "Мы пришли, чтобы творить свободу и справедливость. Сейчас и здесь". Поступать так — значит творить историю. История всегда должна быть чудесна, всегда должна быть равна легенде, ведь ей суждено быть рассказанной в веках. Нам нечего рассказать про 1993-1996 годы. История обойдёт это время стыдливым молчанием. Но на границе нашего пыльного и серого безжизненного пространства и времени ещё стоит Арцах — воплощённая легенда, надежда на Вечное Возвращение.

К сожалению, армянская общественно-политическая и духовная мысль не сформулировала после Арцаха никаких других целей, процесс осмысления и конструирования внутренней духовной родины и её внешних воплощений не был продолжен, в

итоге чего и Арцах недолго смог оставаться духовным символом, свободной страной, постепенно подпадая под власть необходимости и теряя статус духовного явления. Когда останавливается процесс национального творчества — в страну начинает вползать Зло — всё, чем гордились, на что надеялись, оборачивается своей противоположностью, внезапно подступает тотальный, системный кризис — расплата за успокоенность и самолюбование тогда, когда требовалась концентрация всех творческих возможностей для того, чтобы взять процесс в свои руки, чтобы не что-то *происходило*, а нечто *делалось* — осознанно и свободно.

Причины резкого экономического, политического, нравственного кризиса, который переживает наше общество последние несколько лет, коренятся не в злой воле той или иной группы личностей, а в том обстоятельстве, что в современной Армении ни одно собственно армянское явление не находит основы для своего существования. После крушения советской империи начался стремительный процесс нашей идейной унификации с остальным миром, в результате которого мы сегодня задаём вопрос: а зачем нам нужна собственная территория? Как бы ни развилась Армения экономически, всё равно, условия жизни ещё долго будут оставаться предпочтительнее в Лос-Анджелесе и в Москве. Зачем нам собственная культура, тем более в её сегодняшнем кризисном и бесплодном состоянии, когда к нашим услугам европейская либо американская, элитарная либо попмассовая,кому что по вкусу) культура? Зачем нам нужны национальные научные центры — ведь хороший учёный всегда пробьётся и за границей, и так далее. Продолжая этот ряд — а зачем нам беспокоиться о развитии собственной промышленности и сельского хозяйства? — мы спокойно можем потреблять выращенное и произведённое другими, и, в конечном счёте, зачем нам нужны собственная политика и государственная независимость?

Резюмируя — мы сегодня не имеем убедительного обоснования целесообразности нашего дальнейшего существования в качестве независимой нации — ведь, на первый взгляд, нам, гражданам бедного и слабого государства, это не приносит ничего, кроме унижений и неудобств. В качестве подобного обоснования можно привести традиционный ответ, звучащий примерно так: "Да, сегодня мы перестали понимать, почему мы живём здесь и то, как живём, но эта жизнь ниспослана нам свыше и мы обязаны сохранить Армянскую страну и передать её следующим

поколениям. Наши предки тысячелетиями проливали кровь и создавали Армянскую страну, кто мы такие, чтобы допустить её утрату?" Это возвышенная, героическая и трагическая позиция, благодаря которой армянам действительно удавалось преодолеть многие мрачные и трагические страницы своей истории. Но остаётся детский вопрос: "А зачем?"

Найти и сформировать ответ на него и призвана национальная идеология. Следует основываться на том, что этот вопрос не является неразрешимым и многократно в течение армянской истории имел положительный ответ — когда при Ервандидах мы стали страной и государством, когда приняли зороастризм — первую из монотеистических религий, когда во времена Тиграна Великого мы пытались олицетворить собой принцип тройственности между противостоящими римской и персидской цивилизациями, когда первыми приняли христианство, отказавшись по ныне забытым причинам войти в семью православных народов, когда создавали алфавит, философию, литературу и историю, архитектурный стиль, когда возрождались из надвигающегося небытия в Ани, в Киликии, вновь возродились на рубеже XIX–XX веков. Последний раз мы имели положительный ответ в 1988 году. На вопрос "быть или не быть" нация имеет положительный ответ, когда ей есть что дать миру: новую Страну. Превращая некую землю в Страну, новую нацию, новую религию, новую Церковь, новую геополитическую концепцию, новый язык, новый алфавит, новую культуру, новую справедливую войну либо революцию (или их синтез), как в 1988 году, которые побуждают мир заново сделать некий нравственный выбор (как в 1988-м) и когда все эти проявления пронизаны определённым духом, символизирующим национальное "Я", которое в течение тысячелетий имело вселенскую миссию и свою единую, может быть, трагическую роль.

Таким образом, цель национальной идеологии — обобществление и осмысление основных символов, выражающих национальную сущность, слияние их в единый целенаправленный текст, в котором соединятся мир и нация, история, настоящее и будущее, человек, природа и высшая сила, создание национального космоса — вечного и вечно юного.

Подобный текст с неизбежностью будет содержать исток важнейших доминант современной цивилизации (либо альтерна-

тивную, потенциальную редакцию их развития). Всеобщий кризис современной цивилизации, отражением которого являются и наши сегодняшние трудности, давно требует критического переосмысления истории, история на наших глазах всё более теряет свою единственность и непреложность, становится политизированной, "неустойчивой" и "взрывоопасной". Классический Запад, как и классический Восток (мусульманская, китайская и индусская цивилизации), исчерпал возможности своего прямолинейного развития, центр поисков новых альтернатив перемещается к истокам цивилизаций, перекрёсткам их взаимного влияния, к потенциальным и нереализовавшимся возможностям. Таким образом, проблема поиска основ национальных и шире — цивилизационных идеологий, идеологических и ценностных единств является нерешённой не только для нас, но и для других. Без обретения новой фундаментальной идеологии, адекватной нынешнему миру, обесцениваются все внешние, материальные достижения развитых наций — сила, территория, население, научные и промышленные достижения, "цивилизованность" и "культурность", так как в неосмысленном и неслиянном состоянии они превращаются в свою противоположность — экологическую и демографическую катастрофу, примитивизацию человека и обеднение его внутреннего мира, вульгаризацию культуры, бесцельность науки, бесплодность экономики для человека. Известную мысль, что XXI век будет не веком силы и богатства, а веком интеллектаи информации, следует понимать так, что этот кризисный век будет периодом поиска фундаментальных идей и идейных единств (текстов). Преимущество получат идейные единства, обладающие качествами уникальности, первичности по отношению к остальным, потенциальности (нереализованности) к настоящему моменту, способности коммуницировать с другими идейными единствами, находящиеся на перекрёстке культур, наличия субъекта-носителя, не принадлежащего мёртвым нациям. Предполагаемая Армянская идея, с точки зрения этих критериев, имеет возможность занять в духовном ландшафте будущего мира одно из ключевых мест — при условии, что мы совершим акт фундаментального осмысления и самовыражения.

Уроки для Армении

Мартин МАРТИРОСЯН

АРМЯНСКИЙ МИФ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

эссе

I

"На макушке горы ещё оставался кусочек льда, над ним маленькое облачко молча пыталось освободиться от своих пелёнок. Под самым облачком ликовал жаворонок, а над облачком, над стадами, над пастбищами, горами и лесами чистые ветры других миров проносили огромное солнце".

Грант Матевосян. "Буйволица"

В 1991 году Армения была провозглашена независимой республикой. Итоговые цифры референдума по вопросу о независимости впечатляют: в голосовании участвовало около 97% взрослого населения и более 99% участников высказались за независимость. Серьёзной оппозиции идея независимости в Армении не имела. И дело не только в цифрах. В сущности, дискуссия о возможности самостоятельного существования Армении свелась к спору о двух вопросах:

1. Может ли Армения противостоять военной экспансии со стороны потенциально недружелюбного соседа — Турции?

2. В состоянии ли Армения обеспечить себя экономически? (Заметим, что второй вопрос больше относится к наличным ресурсам и производству, так что оба вопроса касались "внешнего фактора".)

Хотя правомерность положительного ответа на оба эти вопроса уже тогда вызывала сомнения, недостаток информации и политического опыта исключал возможность сколько-нибудь плодотворной дискуссии по существу вопроса. Однако более важным кажется другое. Положительный ответ автоматически оз-

начал "да" независимости. Даже сомневающимся условия представлялись не только необходимыми, но и достаточными. Способны ли мы к построению государственности — так вопрос не стоял. Неудивительно поэтому, что в решающий момент сомнения были отброшены в пользу соблазнительной возможности утверждения чувства "национального достоинства".

Ситуация, в которой Армения оказалась сегодня, спустя два года после референдума (эссе написано в феврале 1993, — *ред.*), вполне может быть охарактеризована как трагическая. В качестве главных причин такого положения указываются, как правило: 1) общая неблагополучная ситуация в бывшем СССР; 2) блокада со стороны Азербайджана и отчасти Грузии; 3) война с Азербайджаном; 4) бездарность и жажда обогащения нынешних правителей Армении; 5) некоторые отрицательные качества, которые считаются присущими народу в целом.

Оправдательную позицию составляют первые три пункта (или четыре — в зависимости от того, что оправдывается). Эту позицию в целом можно считать оптимистической, ибо здесь ситуация оценивается как принципиально исправимая. Последний пункт выражает пессимистическую точку зрения. Это постулирование, пусть и на бытовом уровне, катастрофы, случившейся прежде возможной Катастрофы.

Результаты референдума показывают отсутствие какихлибо сомнений в обоснованности наших претензий на самостоятельное существование. Сегодняшний кризис заставляет подойти к оценке наших возможностей со значительной долей скепсиса и проанализировать прежде всего "внутренний фактор". Видимо, единодушность положительного ответа на референдуме была обусловлена не столько отчётливым пониманием наших реальных возможностей и исходной позиции, сколько мифологическим представлением о самих себе. Как совместить энтузиазм и убеждённость, проявленные на референдуме, с сегодняшним пессимизмом? Независимость открывала возможности для Становления. Так по крайней мере казалось. Сегодня уже понятно, что к политическому становлению мы оказались не готовы, что необходимо было становление прежде Становления. Семьдесят лет относительно спокойного существования в составе сильного государства давали нам в этом смысле немалые возможности. Что помешало нам их использовать? В первую очередь — наша приверженность мифу.

Вместо попытки становления происходило постепенное возвращение к мифу, завершившееся его окончательным утверждением в конце 60-х годов.

Миф привлекателен прежде всего своей простотой. Не предполагая анализа смысла объекта, миф удовлетворяется его объяснением на своём языке, включением его в свою языковую и ценностную структуру. При достаточной развитости последней это нетрудно, и мифологическая система обретает полноту. Непротиворечивость мифа в таком случае может быть обеспечена лишь за счёт исключения тех вопросов, которые создают возможность его разрушения. Таким образом, миф препятствует осмыслению. Важным становится **отношение** к любой новой реальности, но не выявление её смысла.

Не потому ли мы вечно **первые** — первыми приняли христианство, первыми стали разваливать страну, первыми начали приватизацию? Не потому ли мы вечно первые, что, не утруждая себя пониманием, спешим высказать своё отношение к поверхностно воспринятому?

Всё, что не удаётся включить в мифологическую систему, становится либо опасным, враждебным, либо не нужным. Замыкаясь в самой себе, будучи самодостаточной, мифологическая система оказывается не готовой к встрече с реальностью, когда эта встреча становится неизбежной.

Миф удобен своей непритязательностью, нетребовательностью. Быть "настоящим армянином" означает быть включённым в армянский миф. Это порождает своеобразный секуляризованный национализм, обязывающий и одновременно освобождающий от какой-либо ответственности, что и создаёт особую привлекательность мифа. В рамках этого секуляризованного национализма и возникает идея готовности к политическому становлению, основанная на ложной самооценке и сводящаяся к набору эффектных лозунгов. Тем сильнее оказывается разочарование.

II

"И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринеянина, шедшего с поля, возложили на него Крест, чтобы нёс за Иисусом".

Евангелие от Луки 23:26

"И пошёл Симон, безучастный и к кресту Иисуса, и к Его учению"

Грант Матевосян.
"В начале было Слово" (опыт автопортрета)

Перечислим главные армянские мифы в их традиционной форме:

1. Армяне — древний, культурный, цивилизованный, христианский народ.
2. Географическое положение Армении создаёт особую роль армян во взаимоотношениях Восток — Запад. Армения — своего рода форпост цивилизованного мира.
3. Роль и место армян в мире несправедливо занижены и нуждаются в переоценке.
4. Трагическая судьба армян обусловлена в первую очередь варварским, враждебным окружением.
5. Отсутствие у армян собственной государственности мешало полноценному раскрытию их потенциала.

В чём главная функция мифа? Миф искажает, деформирует смысл, исключая вопросы, способные этот смысл восстановить и тем самым разрушить миф. Обычный способ конструирования мифа состоит в перестановке акцентов на второстепенные качества. Как это происходит?

Даже не вдаваясь в разбор смысла утверждения о древности армян, можно легко заметить, что, акцентируя важность самой **древности**, приписав ей ценность, мы тем самым снимаем вопросы о **пути**, о связи между историческими периодами, о преемственности поколений, то есть именно те вопросы, которые важны для самоосмысления. Утверждение о древности происхождения уже содержит в себе вывод о наличии преемственности, исключая вопрос о том, **каким образом** она осуществлялась. Та-

кая перестановка акцентов заменяет смысл неким статичным фактом, который наделяется иррациональным содержанием.

Рассмотрим утверждение о том, что армяне **первыми** приняли христианство. Само по себе это утверждение ценностной нагрузки не несёт, однако приобретает её, будучи включённым в мифологическую структуру как аргумент в пользу культурности, цивилизованности армян, и таким образом становится мифом. При этом значение самого факта принятия христианства искажается. Акцент переносится на **первость**, и естественный вопрос о том, какие последствия могло иметь столь раннее включение армян в систему христианского мировоззрения, снимается со всеми подвопросами. Между тем вопрос этот далеко не праздный. Не было ли принятие христианства в Армении в каком-то смысла **преждевременным**?

Ведь христианство в Армении **прервало** становление язычества, когда то было на подъёме. Язычество в Армении к тому времени ещё не было секуляризовано (это важно, так как секуляризация освобождает мышление, способствует развитию его аналитичности). Жестокости, которыми сопровождалось насаждение новой религии в Армении, свидетельствуют об отчаянном сопротивлении, что вряд ли было возможным при секуляризованном язычестве. Кроме того, армянский пантеон был беден, его боги молчаливы, почти не связаны между собой, не имели "биографий" в отличие, скажем, от олимпийских богов. И если допустимо предположение о том, что по пантеону можно судить о стадии развития сообщества, то можно допустить: к моменту принятия христианства в Армении вряд ли сложились условия для качественного сдвига в формировании нации. Христианская религия, имеющая антиродовой характер, положительной роли в становлении нации сыграть не могла. Во всяком случае, для этого была бы необходима прочная связь Армении с остальным христианским миром. Однако и этого на произошло: не приняв догматов Халкидонского собора (451 г.), армянская церковь обособляется.

Можно усомниться и в том, что в условиях язычества могли возникнуть предпосылки для естественного перехода к монотеистической религии. Не был оформлен институт цезаризма, зато стремление создавать идолов осталось неудовлетворённым.

Армянское христианство стремилось удовлетворить эту потребность. Объект армянской веры материализуется — им становится Священная Книга. Мы имеем в виду "Книгу скорбных песнопений" Григора Нарекаци, которой в народе приписывались чудодейственные свойства. Ей поклонялись, как Библии. Простонародное название этой книги, "Нарек", даже стало мужским именем.

Так или иначе, армянское мышление осталось мифическим.

III

"В плохом настроении он мог сказать и такое: "Армян придумал один историк, Лео. До него, врут все, не было армян. ...Его закваска! Как мацун готовят? Бросают в молоко закваску, вот и получается мацун. Вот так он армян и придумал".

Грант Матевосян. "Месроп"

Мифологическая система, претендуя на полноту, то есть на объяснение всей действительности, вынуждена формировать мифы, объясняющие трагическую судьбу армян. Наиболее устойчивые лейтмотивы здесь — несправедливость мира, враждебное окружение, страдание за веру. Страдание за веру (довольно распространённая аналогия с Иисусом Христом, идущим на Голгофу) как мифологическое высказывание, наделённое ценностным содержанием, снимает вопросы о смысле страдания, о сущности нашей веры. Не столько страдание обретает смысл через веру, сколько вера доказывается страданием. Заметим, что миф, табуируя анализ, чреватый опасностью демифологизации, запрещает тем самым и поиски возможных путей преодоления трагической судьбы. Так появляется лейтмотив христианского смирения, имеющий отнюдь не христианское происхождение, а связанный скорее с той исключительной значимостью, которая придаётся интерпретации и посредством которой мифологической системе удаётся обеспечить свою самодостаточность.

Несправедливость мира — лейтмотив армянского сознания, истоки устойчивости которого, по-видимому, следует искать в архаическом, прерванно-языческом понимании истории Иисуса Христа. Снятие вопроса о смысле страдания формирует сентиментальный образ Христа, отвергнутого всем миром, стоящего перед Понтием Пилатом и... ждущего от него справедливого решения. Очень характерна для армянского образа мышления легенда о письме армянского царя Абгара Спасителю. (Её передаёт Мовсес Хоренаци в своей "Истории Армении".) Письмо заканчивается так: "Слышал я также, что евреи ропщут на тебя и хотят предать тебя мучениям. У меня есть красивый, хоть и небольшой городок, его хватило бы для нас обоих".

Апелляция к справедливости — продукт мышления народа, осознавшего бесплодность попыток политического становления, оставившего такие попытки и обратившегося к интерпретации как к своеобразному средству перехитрить судьбу и самоутвердиться.

И даже в армянском героическом эпосе, отголоске арабского владычества, один из важнейших мотивов — **справедливость**. Давид Сасунский, главный герой эпоса, прекращает истребление вражеских сил, вняв мольбам старого армянского воина: "Зачем ты губишь их? Дети малые дома у них, отцы и матери дома у них. Все они — обездоленный, бедный люд. Это войско несчастное ты пожалей!" Так говорится о неприятельской армии, пришедшей грабить и убивать. И уже в наше время памятник Давиду Сасунскому вызвал много нареканий потому, что Давид был изображён не заносящим меч над головой, что означало бы намерение убить главного и единственного врага — арабского мелика, а с мечом, оттянутым назад для удара, который должен рассеять всё вражеское войско — не по своей воле пришедших воевать людей.

Последний, младший из героев эпоса, Мгер, заточает себя в скалу до тех времён, пока на земле не воцарится справедливость: "Пока будет лжива земля, на свете мне не жить". Это не столько отрицание своего права на существование, сколько утверждение справедливого мира как единственного возможного условия своего существования. Выйдя за пределы мифического пространства, мы сможем сказать: земля будет лжива до тех пор, пока Давид не перестанет решать вопрос, "виновны ли те, кто пришёл убивать", — **ради спасения тех, кого пришли убивать**.

Другой важный мотив мифа политического самооправдания — это тема предательства. Зловещая фигура предателя объясняет трагический ход армянской истории, внося в него элемент случайности и тем самым оправдывая нашу неспособность к политическому становлению. Со всей отчётливостью эта тема впервые появляется у армянского историка V века Егише, посвятившего свой труд описанию религиозной войны армян с персами, которая закончилась разгромом армянского войска Вардана Мамиконяна в Аварайрской битве в 451 году. Последствия этой войны были ужасны, страна (по свидетельству другого историка, также современника этих событий, Лазара Парпеци) разрушена.

Даже при поверхностном сопоставлении повествований Егише и Лазара Парпеци становится понятным основной замысел первого: максимально развести два центральных образа — Вардана Мамиконяна (героя, святого) и Васака Сюни (предателя, Иуды), утаивая при этом многие, способные помешать подобной поляризации, подробности, присутствующие у Парпеци, чьё отношение к обоим персонажам, однако, не менее определённо. Очевидно, что с точки зрения исторической реконструкции труд Парпеци предпочтительнее, хотя и его обвинения в адрес Васака большей частью неубедительны. Вполне можно допустить, что для армян существовала возможность избежать войны, оставшись в христианской вере, что Васаку даже удалось добиться на этом пути определённых успехов, но что действия эмоционального Вардана спровоцировали войну, принесшую Армении неисчислимые бедствия.

В данном случае, однако, нас гораздо больше интересует сам труд Егише. В отличие от Парпеци он практически не упоминает о постигшем страну разорении. Основной акцент его повествования — восхваление мужества Вардана, его священная (а точнее, освящённая самим Егише) война за веру. Егише переносит акцент с поражения плоти на победу духа. Однако есть основания полагать, что эта победа была всего лишь плодом его литературного гения. В "Истории Армении" другого современника этих событий, Мовсеса Хоренаци, упоминания о войне Вардана нет. Историк подводит своё повествование вплотную ко времени этой войны, однако вместо её описания мы находим знаменитый "Плач об утрате Армянского царства". Почему? Сказать трудно. Причины могли быть самыми прозаическими — усталость старого человека, отсутствие информации или, быть может, разочарова-

ние, наступившее в результате тех преследований, которым он подвергся на склоне лет. Как бы то ни было, но последствия войны ему были известны. И он рассказал о них в "Плаче", в особенности о катастрофическом кризисе веры и упадке нравственности. Как же это согласовать с рассказом Егише? По-видимому, эти два историка расходились в своих установках. Установка Егише — националистическая, это ложь во спасение, спасение от Гибели. Это не столько свидетельство для и во имя будущего. Это не столько история, сколько героический эпос, сознательная фальсификация. Это попытка "исправления Катастрофы".

Егише не отрицает политического поражения — он игнорирует его. Центральной фигурой и, по сути единственной причиной этого поражения становится для него Васак — предатель. Поэтому поражение случайно: не будь предателя... Факт поражения несущественен: смысл войны, по Егише, внеполитический, главная и единственная задача — отстоять свою веру. Эту задачу удаётся решить Вардану, чьи действия, в силу сказанного, в политической оценке не нуждаются. Страна разрушена, и политического становления не будет, но не потому, что оно невозможно ("если бы не Васак..."), а потому, что оно не нужно: смысл нашего существования отныне — в сохранении веры и страдании за неё. Наделяя страдание ценностной значимостью ("за веру"), Егише спасает читателя от отчаяния. Сконструированный символический мир уже неподвластен историческому времени и может существовать независимо от него, становясь способом нашего бытия, замкнутого, но надёжного.

IV

"Это так и будет так, до тех пор, пока десятиметровый слой бетона не навалится всей своей тяжестью на глину этой сумасшедшей, чарующей земли. И на меня. И на вас."

Грант Матевосян. "Мецамор"

За последнее столетие проблема становления Армении как политической единицы актуализировалась трижды: в начале века — в разваливавшейся Османской империи, затем — в раз-

валивавшейся царской России и, наконец, уже в наши дни — в разваливающемся СССР.

Общее для всех трёх попыток — очевидная политическая беспомощность армян. Ссылки на отсутствие необходимого опыта столь же естественны, сколь и неубедительны. Скорее следует говорить об отсутствии другого опыта — опыта предварительного критического осмысления политических категорий. Напрасно сетовать на уродливость нашей демократии и объяснять эту уродливость лишь злой волей или несостоятельностью нынешних властей. Сегодняшняя демократия — продукт вчерашнего осмысления, вернее, его отсутствия. Пытались ли мы продумать такие понятия, как демократия, государство, права человека, социальные отношения, то есть то понятийное поле, в котором нам приходится жить сегодня, или же мы пытались лишь приспособить их к нашему мифологическому сознанию? Пытались ли мы осмыслить хотя бы ту систему, в которой мы жили? Ведь в результате такого осмысления был бы приобретён определённый опыт. Но кажется, что мы оставались безучастными к проблематике внешнего мира. В Армении не было даже запрещённой литературы, как не было инакомыслия. Чем определялось наше диссидентство: анализом системы или отношением к России? Нарушениями прав человека или нарушениями прав армянина?

Сегодня президента обвиняют в том, что он сделал из себя идола. Возможно. Но разве существовали и другие возможности? Ведь мы и выбирали не столько президента, сколько идола, руководствуясь в своём выборе не его предвыборной программой (кажется, её и не было), но его "личными качествами", которые наиболее полно удовлетворяли нашему мифологическому представлению о самих себе и тем самым позволяли идентифицировать себя с ним. И если мы сегодня хотим его отставки, то потому ли, что изменилось наше представление об институте президентства, или потому, что изменилось наше представление о самих себе, требующее теперь иного идола?

Попытка скопировать западную политическую модель привела к разрыву между демократическими институтами, требующими социальной ответственности, и наличной в республике системой ценностей. Этого трудно было избежать. Ведь у нас нет традиции осмысления, аналитического мышления. Склонность к идолопоклонству, ориентирующая не на содержание, а на выра-

жение отношения к реальности, заставляет спешить с выводами и почти сразу переходить к оценке, — разумеется, в соответствии с испытанными идеологическими критериями.

Идолопоклонство и способность к анализу исключают друг друга. И дело даже не в отсутствии способности к анализу. Мандельштам в своём "Путешествии в Армению" выразился точнее: "...их (армян) неизъяснимое отвращение ко всякой метафизике и прекрасная фамильярность с миром реальных вещей". Возможно, иной раз эта фамильярность и прекрасна. Но не тогда, когда ею определяется отношение к социальным и политическим категориям, скажем, к демократии или к государству. Отвращением к метафизике можно объяснить и лёгкость, с которой такие понятия, как "демократия", "государственность", "права человека" или "свободный рынок", без какого-либо осмысления включаются в нашу мифологию. После подобного включения не составляет особого труда с фамильярным практицизмом выжать из этих понятий все те материальные выгоды, или, выражаясь словами Мандельштама, "реальные вещи", что они могут нам дать. Вольно или невольно, но Мандельштам выразился предельно точно: речь идёт не о неспособности или нежелании, а именно об отвращении к метафизике. "Метафизика", аналитическое осмысление ко всему прочему ещё и неудобны, они мешают, они препятствуют беззаботному использованию "мира реальных вещей".

Возможность политического становления в рамках мифологического сознания вызывает естественные сомнения. Кажется, что для такого становления необходим длительный опыт последовательной демифологизации. Понятен контраргумент: демифологизация способна, выражаясь языком политиков, подорвать веру народа в свои силы: разрушив миф, можно разрушить всё, в том числе и созидательную способность. В результате кризиса, однако, уже происходит и разрушение мифа, и утрата веры в себя, причём миф просто отрицается, как идол, в которого уже не верят. Такой миф заменяется новым, иногда содержательно противоположным. Само мифологическое сознание остаётся незыблемым. Поэтому вряд ли случайно, что в последнее время многие армянские политические деятели (из числа тех, кто старательно пытался разрушить, исходя из политических соображений, некоторые мифические стереотипы) стали сетовать на отсутствие "национальной идеологии". В попытках создания такой идеологии они естественно, продолжают апеллировать к мифо-

логическому сознанию, замещая одни мифы другими (так, вместо грустного "турки — враги" мы сегодня имеем смешное "нет вечных врагов"). Весьма знаменательно: статичную, направленную в прошлое форму ложного сознания (мифологию) предлагается заменить динамичной, ориентированной на будущее (идеологией). Своего рода компромисс между мифом и демифологизацией? Удаётся ли сегодняшним правителям реализовать свои планы по созданию "национальной идеологии", и если да, то что из этого выйдет — покажет будущее.

Армянская мифология склонна преувеличивать национальные достоинства, не придавать значения недостаткам, игнорировать их. В связи с этим хотелось бы сделать ещё одно замечание. Согласно К.Г.Юнгу "осознание собственной Тени" (Schatten), то есть коллективной низшей, несовместимой с имеющимися нормами стороны ("зла") социальной группы, попытка "встречи с ней" ослабляет её непрямое действие и таким образом делается необходимым условием качественного скачка. "Тень" находится в состоянии наибольшего вытеснения и степень её конечного действия прямо пропорциональна степени вытеснения. Лишённость "Тени", осознания "зла" лишает и ответственности, осознания вины. Результатом, и это особенно важно, может стать опасное высвобождение сил саморазрушения .

С другой стороны, понятны и опасности демифологизации. Быть может, критическое осмысление мифологии, для которого разрушение или отрицание мифа не является целью, но есть лишь путь к становлению, было бы эффективнее. Кажется, что такое осмысление, в отличие от простого отрицания, способно оставить нетронутым многое из того, что нуждается в продолжении, что необходимо продолжить: самобытный нравственный идеал мифа, способность к созиданию, способность к собиранию. Тем самым такое осмысление, в отличие от простого отрицания, не освобождает от ответственности.

Как бы то ни было, если нами окончательно сделан выбор в пользу политического становления, то освобождение мышления необходимо. Возможно ли оно — это уже другой вопрос. Но в самом ли деле нами был сделан такой выбор? Или независимость — это очередной идол, очередной миф, способный лишь потешить национальное тщеславие, и ничего больше?

Стремление к независимости понятно, как понятны все трудности, с которыми приходится сталкиваться народу, не

сформировавшемуся как самостоятельное политическое сообщество. Внеполитический путь, который то ли был выбран нашими предками, то ли был им навязан, уже пройден, и он был долог, хотя и не всегда счастлив. И если политическое становление означает отказ от этого пути, то решение потребует максимальной ответственности, "свободной ответственности свободного человека", говоря словами Д. Бонхёффера. Идолу независимости было принесено много жертв, но он требует новых: сегодня некоторые из числа наиболее радикальных (а может быть, просто расчётливых) его жрецов предлагают в качестве жертвы Карабах. И так до бесконечности? Пока "бетон не навалится всей своей тяжестью на эту землю"?

Ереван, февраль 1993 г.

"Независимая газета", 18 мая 1993 г.

Борис МОЙШЕЗОН

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

введение

Дописьменную историю человечества иногда называют предысторией. Некоторые считают изучение предыстории безнадёжным делом, другие же, наоборот, видят в этом увлекательную науку. Главная трудность изучения предыстории состоит в том, что на основании имеющихся археологических и других данных можно построить несколько логических схем, исключающих друг друга. Эту неопределённость легко подчинить политическим и религиозным установкам, демагогии и властолюбию. Самые влиятельные и катастрофические идеологии последнего столетия — марксизм и нацизм — основаны на возвращении к предыстории, но по-разному понятой. Марксисты видели предысторию человечества как первобытный коммунизм с закономерным прогрессивным развитием. Для нацистов же предыстория — победное шествие нордической расы голубоглазых блондинов, сложившейся на севере Центральной Европы и являющейся высшим продуктом естественной иерархии, заложенной в природе вещей.

Несмотря на провалы и разочарования, учёные, посвятившие себя предыстории (археологи, антропологи, специалисты по древним языкам и текстам) продолжают накапливать факты. Одна из причин их трудолюбивого терпения — интуитивное убеждение, что когда фактов очень много, число непротиворечивых логических схем, их объединяющих, резко уменьшается. В конечном счёте может оказаться, что лишь одна схема, а именно та, которая соответствует реальному процессу, явится удовлетворительным и непротиворечивым объединением фактов. Это похоже на решение систем со многими неизвестными в математике. Добавление новых уравнений к системе

МОЙШЕЗОН Борис Гершевич (1937-1993). Математик, д-р физ.-матем. наук (1966), ученик И.Р.Шафаревича. Работал в Орехово-Зуевском пед. ин-те (1964-1967), в Центр. экон.-матем. ин-те АН СССР (1967-1972). В 1972-1977 — в Израиле. Проф. Тель-Авивского ун-та. С 1977 — в США. С 1978 проф. Колумбийского ун-та. Автор работ в обл. алгебраич. геометрии и теории чисел.

уменьшает число решений. Если система соответствует реальному явлению, то есть и соответствующее решение. Оно оказывается единственным, когда число уравнений достаточно велико.

В логической схеме важно отделить причины от следствий и вообще построить причинно-следственные связи. Число возможных построений сильно уменьшается, когда имеющиеся факты удаётся упорядочить во времени. Одно из самых замечательных достижений современной науки — радиоуглеродный метод для датировки археологических находок, разработанный в начале 50-х годов. Этот метод был усовершенствован в конце 60-х с помощью калибровки по кольцам старых деревьев. Выдающийся английский археолог Дж. Меллаарт [15]* предложил недавно хронологические схемы для главных археологических культур, основанные на калиброванных радиоуглеродных данных. Эти схемы хорошо согласуются с эмпирическим материалом и представляются автору более достоверными, чем прежние датировки. Так или иначе, в данной статье все даты приводятся в соответствии с точкой зрения Дж. Меллаарта.

Новые хронологические схемы меняют многие представления о последовательности событий (так называемые отношения "до — после"), а значит, и многое в сложившихся представлениях о причинно-следственных связях в предыстории.

В ряде географических районов накоплено так много археологических фактов, что принципиально нового там уже не открывают. Возникает как бы состояние "насыщения". Это состояние "археологического насыщения" и прогресс в датировке археологических комплексов приводит к мысли, что сейчас осталось не так уж много разумных логических схем для интерпретации по крайней мере бронзового века (т.е. последних перед письменной историей тысячелетий предыстории). Предлагаемая работа — одна из таких попыток интерпретации. Нас особенно интересуют антропологические данные о "предысторических людях". Самые увлекательные и загадочные факты относятся к "арменоидам" — этносу, расе или касте, без понимания которых обойтись в интерпретации предыстории (и, наверное, истории) невозможно.

Анализ фактов позволяет делать утверждения, различающиеся по "спекулятивности" (степени доказанности). Важно упорядочить имеющийся материал по тому, в какой мере он кажется автору более или менее реали-

---

* Цифры в квадратных скобках соответствуют библиографическим ссылкам, приведённым в конце статьи.

стичным. Такая иерархия, отражающая, собственно, разную степень уверенности автора в тех положениях, которые он высказывает, определила порядок изложения в нашей работе.

Работа эта состоит из трёх статей. В первой статье мы приводим несколько наиболее фундаментальных и несомненных наблюдений, относящихся к арменоидам. Из этих наблюдений следуют (очевидные, как нам кажется) выводы о том, что арменоиды тысячелетия назад составляли аристократический класс, сыгравший центральную роль в формировании древних цивилизаций.

Во второй части даётся уже несколько более свободный анализ различных фактов археологии, древней истории и древней географии, а также текстов Библии и Иранского эпоса. Такой анализ позволит увидеть далёкие связи и глобальные структуры, объединявшие "арменоидное рассеяние" в предысторическое время.

Наконец, в третьей статье будет изложена реконструкция предыстории, соответствующая хронологическим схемам, основанным на калиброванных радиоуглеродных данных. Эта реконструкция, конечно, не более чем гипотеза. Тем не менее, автор полагает, что сегодня мы находимся уже не очень далеко от той единственной реконструкции, которая соответствует реальной эволюции человечества.

Часть I. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

1. Арменоидный антропологический тип

Понятие "арменоидов", или "арменоидного типа", было введено в антропологию в конце прошлого века.

Вначале этот тип называли "ассироидным" [33], так как считали, что он лучше всего представлен на ассирийских барельефах. Позже было замечено, что ассирийская скульптура является лишь частью намного более широкого явления в древнем искусстве. Оказалось, что очень многие изображения людей в древних цивилизациях имеют схожие лица и, что ещё более поразительно, схожие очертания черепа. Так как такой тип лица и черепа часто встречается среди армян, то было предложено назвать соответствующий антропологический тип "арменоидным".

Формальное определение такого типа дать нелегко. Тем не менее, имеется ряд черт, которые резко выделяют арменоидов. Прежде всего, арменоиды

относятся к брахицефалам, или "широкоголовым" людям.

Разделение людей на брахицефалов, мезоцефалов (т.е. "среднеголовых") и долихоцефалов (т.е. "длинноголовых") является одним из самых фундаментальных понятий в антропологии. Для этого разделения используют "головной индекс", т.е. отношение ширины головы к её длине. Если это отношение больше, чем 0.8, то считается, что голова брахицефальная, если оно между 0.75 и 0.8 — то мезоцефальная, и если отношение меньше 0.75, то череп называют долихоцефальным.

Многочисленные измерения черепов в древних захоронениях и у современных людей показали, что в целом человечество "брахицефализируется" на протяжении своей истории и предыстории, т.е. головной индекс в среднем возрастает.

Три главные человеческие расы — белая ("кавказоидная"), монголоидная и негроидная. Для негроидов более характерна долихоцефалия, для монголоидов — брахицефалия. У кавказоидов долихоцефалия встречается чаще у северных и южных групп (т.н. "нордический" и "средиземноморский" типы), а в промежуточных горных областях обычны брахицефальные типы. Этот брахицефальный тип кавказоидной расы иногда называют "альпийским". Внутри альпийцев антропологи различают также черепа высокие и низкие. При этом подчёркивают, что для высоких брахицефальных черепов часто характерны плоские затылки, то есть голова сзади не круглая, а несколько уплощённая. Такой тип черепа соответствует так называемому динарскому антропологическому типу. Некоторые антропологи отождествляют динарский тип с арменоидным. По мнению других, для выделения арменоидного типа из динарского надо дать ещё описание лицевой части черепа и других черт лица. Здесь главная черта арменоидов (в дополнение к описанным выше "динарским чертам") — наклонный лоб с высокой переносицей, тенденция линии носа продолжать линию лба, в целом узкое лицо "треугольного" типа и без выступающих скул. Всё вышесказанное относится к очертаниям черепа и может быть установлено прямыми измерениями, в частности, на черепах из древних захоронений.

Другие черты арменоидов можно увидеть только у живых людей или на древних изображениях.. Это крупный нос, большие глаза и уши, резко очерченные ноздри, толстые губы, кудрявые волосы. У мужчин выраженный волосяной покров на теле.

Таким образом можно сказать, что арменоидный антропологический тип характеризуется следующими признаками: брахицефалия, высокий череп, уплощённый затылок, наклонный лоб с высокой переносицей и тенденцией линии носа продолжать линию лба, узкое

треугольное лицо, крупный нос, большие глаза и уши, резко очерченные ноздри, утолщённая нижняя губа, кудрявые волосы, выраженный волосяной покров на теле (ср. [3]). Все эти признаки гораздо больше обозначены у взрослых мужчин-арменоидов, чем у детей и женщин.

Важно подчеркнуть, что указанные десять признаков — это не формальное определение арменоидного типа, а скорее указание тенденций в свойствах черепа и лица, которые можно наблюдать у отдельных индивидуумов или групп.

Если попытаться нарисовать портрет арменоида со всеми признаками, как бы доведёнными до предела, то легко видеть, что получится стандартный еврейский тип, как бы взятый с антисемитской карикатуры.

2. Арменоидность евреев

Антисемитские карикатуры, известные со средних веков (где, кстати, дьяволу тоже придавали карикатурные арменоидные черты) и просуществовавшие до нацизма и современного антисемитизма, — это самое простое доказательство того, что арменоидный тип и есть тот самый, который большинство людей считает "еврейским". Кажется, если бы не подсознательное табу, которое заставляет почти каждого человека чураться слов "еврей" или "еврейский", то антропологи с самого начала говорили бы "еврейский тип", что проще и понятней, чем "арменоидный". Иногда это почти так и происходит: есть археологи и историки, которые, видимо, сознательно заменяют термин "арменоидный" термином "семитский".

Известны две группы евреев, далёкие географически, но с очень высокой концентрацией арменоидов: это евреи Восточной Европы и бухарские евреи. Арменоидность обеих групп была проанализирована со статистическими данными в антропологических работах, опубликованных в 20-е годы нашего столетия [7].

Обе группы резко отличаются от окружающего населения, среди которого прожили сотни лет. Проще всего арменоидность обеих групп объяснить общностью происхождения. Однако известно, что евреи Восточной Европы являются выходцами из Германии, а бухарские евреи — из Ирана. Наиболее вероятной общей группой как для восточно-европейских, так и для бухарских евреев являются евреи Древнего Израиля.

Отсюда вытекает очень важный вывод — **евреи Древнего Израиля были, видимо, арменоидной этнической группы.**

Прямых данных по антропологии древних израильтян почти нет и потому приходится ограничиваться косвенными доказательствами.

3. Парадокс древней скульптуры

Раскопки древних цивилизаций Месопотамии начались в середине прошлого века. Тогда же стали извлекать из-под земли скульптуры и барельефы, которые, как считалось, изображают первых цивилизованных людей на земле. Антропологический тип изображённых был не очень привычен для европейских учёных, производивших раскопки. Как уже упоминалось, это открытие и стимулировало определение "ассироидного" или "арменоидного" антропологического типа.

Расскажем подробней о древней скульптуре. Начнём со скульптуры Ассирии. Человеческие типы, запечатлённые в этой скульптуре, мало отличаются друг от друга и воспроизводят, в основном, некоторую разновидность арменоидного типа.

Ассирийская скульптура или, лучше сказать, ассирийский стиль, возникает, по-видимому, в первой половине II-го тысячелетия до н.э. и продолжается до разгрома Ассирии в 612 г. до н.э., оказав потом большое влияние на стиль персидской скульптуры эпохи Ахеменидов.

Приблизительно в одно время с ассирийской скульптурой существовали на Ближнем Востоке ещё два других стиля, в которых преобладание арменоидного типа сопровождалось большим разнообразием. Кроме того, арменоидность там более подчёркнута. Это хеттские (анатолийские) и арамейские (т.е. северно-сирийские) скульптурные изображения.

Немецкий археолог фон Лушан, предложивший в начале нашего столетия термин "арменоидный тип", был, по-видимому, очень впечатлён необычайно резко выраженными арменоидными чертами скульптурных портретов из Зинджирли, на юго-востоке Турции, где помещалась столица арамейского княжества Сималь.

Другой немецкий археолог, барон фон Оппенгейм, раскопал не менее поразительные арменоидные барельефы и монументы в Тель-Халаф, в верхнем течении реки Хабур. Сейчас общепризнанно, что эта скульптура — арамейская и датируется временем около 1000 г. до н.э. Интересно, однако, что сам барон фон Оппенгейм ошибся в датировке своих находок и отнёс их к III тысячелетию до н.э. и к стилю, который называют шумерским. Ошибка эта отнюдь не случайна и связана с тем фактом, что арамейская скульптура действительно кажется прямым продолжением скульптуры Шумера (Южной Месопотамии) и Элама (юго-западный Иран) III-го тысячелетия до н.э.

Шумерская скульптура предшествует, таким образом, ассирийской, хеттской и арамейской.

Интересно, что арменоидные портреты практически навсегда исчезают из Южной Месопотамии приблизи-

тельно к 2450 г. до н.э., то есть к началу так называемого Аккадского периода. Расцвет арменоидной скульптуры в этом районе приходится на "Ранний династический период III", т.е. приблизительно на 2800-2500 г. до н.э. В это время все изображенные в скульптуре люди — арменоиды, причём иногда это достаточно реалистические индивидуальные портреты с указанием имени изображённого человека.

В Эламе арменоидная скульптура, близкая к шумерской, продолжается намного позже, чем в Шумере.

В течение "Раннего династического периода III" в Шумере и Эламе расцветает также скульптура из меди и бронзы. Фигурки из металла, изображающие арменоидов, находят и в богатых гробницах в Северной Анатолии (III тысячелетие до н.э.). Мастерски сделанные фигурки арменоидов из бронзы (с высоким содержанием олова) были найдены в северо-западной Сирии в области Амук. Их относят к периоду "Амук G, конец", то есть приблизительно к 3000 г. до н.э. Эти фигурки из Амук интересны не только очень высоким уровнем искусства литья, но и тем, что мужские персонажи там показаны прошедшими обряд обрезания. Что касается IV тысячелетия до н.э., а точнее его 2-ой половины, то соответствующую арменоидную скульптуру находят в ряде мест, связанных с так называемыми "большими храмами" Северной Месопотамии, а также в Шумере.

Если оставить в стороне египетскую цивилизацию, где история скульптуры более сложна, то оказывается, что почти все изображения людей, относящиеся к бронзовому веку (т.е. к периоду приблизительно от 4000 до 1000 г. до н.э.) — это изображения людей арменоидного типа. Вместе с тем это изображения главным образом богов и царей и их приближённых — священников и воинов.

Имеется много археологических данных и о временах более древних, чем бронзовый век. Это так называемый неолитический ("новокаменный") и халколитический ("медно-каменный") периоды, которые соответствуют приблизительно времени от 10000 до 6000 лет до н.э. — неолит и 6000-4000 лет до н.э. — халколит.

От халколитического периода остались изображения людей, сделанные из камня, глины и меди, которые находят в Месопотамии, Закавказье и Анатолии, на Балканах и в Израиле [69].

Найденные изображения почти все подчёркнуто арменоидного типа, иногда стилизованного, а иногда реалистического.

Антропологические исследования древних захоронений Ближнего Востока стали проводить позже, чем описания скульптур. Довольно быстро выяснилось, что арменоидных черепов в этих захоронениях очень мало. На этот факт

обратили внимание 30-40 лет тому назад. До этого преобладание арменоидов в скульптуре объясняли просто: население древних государств Месопотамии, Анатолии и Ирана было в основном арменоидным. Когда в древних захоронениях этих районов стали находить большей частью останки людей других рас, обычно с длинными и низкими черепами, возникло ощущение странного противоречия.

Кажется, наиболее естественное объяснение того противоречия, что арменоиды весьма широко представлены в скульптуре и скудно в захоронениях — это признание того, что они составляли особую высшую группу в цивилизациях Ирана, Анатолии и Месопотамии бронзового века и более ранних периодов, группу, стоявшую у истоков этих цивилизаций и определившую их стиль.

Поэтому боги, цари и их окружение изображались арменоидами. Основное же население этих цивилизаций принадлежало к другим антропологическим типам, и оттого так редки арменоиды в древних захоронениях.

4. Начало металлургии

Самую раннюю арменоидную группу, которую находят археологи, исследуя древние захоронения, связывают с так называемой культурой Гассул-Беэр-Шева ([21], [2], [67]). Эта культура существовала на территории Израиля в период приблизительно с 4600 до 4000 г. до н.э. К ней относятся остатки храма в Эйн-Геди, на берегу Мёртвого моря. В нескольких километрах от храма, в пещере ущелья Нахал-Мишмар, нашли сотни медных предметов. Скорее всего, их спрятали хозяева или служители храма, надеясь когда-нибудь туда вернуться. Короны, скипетры, булавы, топоры — выполнены с мастерством, которого трудно ожидать от столь раннего времени. Следует помнить, что шумерская и египетская цивилизации развились почти на 1000 лет позже.

Все изображения людей в культуре Гассул-Беэр-Шева — изображения арменоидов.

Гассул-Беэр-Шевская культура — начальное звено в длинной цепи фактов, указывающих на центральную роль арменоидов в развитии металлургии.

Широкое распространением меди и бронзы относится к III тысячелетию до н.э. Тогда же почти одновременно возникают четыре мощных центра металлургии: 1) в Центральной и Западной Европе; 2) на Украине и на Северном Кавказе; 3) в Анатолии и 4) в Месопотамии. Началом III тысячелетия до н.э. датируются бронзовые и медные изображения арменоидов из Амук, о которых говорилось выше. К 2800 г. до н.э. относятся сказочно богатые "царские гробницы" из Аласа-Худжук (Северная Анатолия), где находят много изделий не только из бронзы, но также из золота и серебра.

В литературе отмечается, что антропологический тип захороненных в этих "царских гробницах" — брахицефальный и резко отличается от окружающего населения Анатолии того же времени, которое было долихоцефальным [67]. Более точные данные об антропологии брахицефалов из царских гробниц Аласа-Худжук не опубликованы. Однако то, что там была тесная связь с арменоидами, подтверждается антропологическим типом, отражённым в скульптуре из других "царских гробниц", очень близких к Аласа-Худжук географически и по стилю, хотя и несколько более поздних. Самые важные из них — в Хороз-Тепе (северо-восточная Анатолия). Эти скульптуры датируются приблизительно 2500 г. до н.э. [67]. Северо-восточная Анатолия продолжала быть важным металлургическим районом до начала нашей эры (по свидетельствам греческих географов и историков). По всей видимости, именно там во II тысячелетии до н.э. развилась железная металлургия.

Как мы уже говорили, в Шумере бронзовые и медные изображения арменоидов распространились в период 2800-2500 г. до н.э. "Царские гробницы" из Ура (приблизительно 2650 год до н.э.), свидетельствуют о необычайно высоком развитии там ювелирного искусства, типологически связанного с искусством Северной Анатолии (и Закавказья).

Главным городом северной части Шумера был Киш, где, по шумерской легенде, жили первые цари после потопа. Археологи находят в Кише самые ранние богатые захоронения и дворцы Южной Месопотамии. Датируют их приблизительно 2900-2800 годом до н.э.

Примечательно, что на территории Шумера только в Кише находят арменоидные черепа, которые составляют примерно 10-20% от общего числа черепов в сравнительно небольших Кишских коллекциях, относящихся к 2900-2500 году до н.э. [38].

Один из самых ярких фактов, свидетельствующих о связи арменоидов с древней металлургией — это открытие археологами прошлого века культуры, которая по-английски называется "Beaker People", а в русской археологической литературе передаётся термином "культура колоколовидных кубков". Мы же в дальнейшем будем пользоваться термином "культура людей с кубками" [3]. Установлено, что приблизительно в 2500-2300 г. до н.э. на огромных пространствах Западной и Центральной Европы (на территориях нынешних Испании, Франции, Англии, Северной Италии, Германии, Венгрии и Чехии) распространяется довольно однородная материальная культура, отмеченная производством очень похожих глиняных кубков и медных кинжалов. Эту культуру "людей с кубками" связывают с распространением меди в Центральной и Западной Европе От-

крытие культуры "людей с кубками" — один из редких случаев, когда археологам удалось установить не только распространение признаков новой материальной культуры, но и сопровождающее эту культуру появление людей иного антропологического типа, в которых трудно не увидеть проводников этой культуры. Антропологический тип "людей с кубками" в основном арменоидный ([28], [3]). К культуре "людей с кубками" близка так называемая "катакомбная культура" на юге Европейской части СССР, датируемая приблизительно 2600-2300г. до н.э. Здесь также фиксируется экспансия металлургии вместе с экспансией арменоидов.

Подобную соотнесённость расцвета металлургии бронзового века, арменоидной скульптуры и захоронений арменоидов археологи находят на Кипре.

Самое раннее появление арменоидов на Иранском плато датируется началом первого тысячелетия до н.э. [38]. В очень богатых захоронениях так называемого "Сиалк VI" [45] (к югу от Тегерана) резко преобладают арменоидные черепа. Существует мнение [46], что эти захоронения соответствуют первому появлению ирано-арийских племён в этом районе и что материальная культура "Сиалк VI" тождественна культуре создателей так называемых "Луристанских бронз". "Луристанские бронзы", представленные во многих музеях мира, свидетельствуют о пребывании в Западном Иране в начале I-го тысячелетия до н.э. необыкновенно искусных металлургов. В фантастических орнаментах "Луристанских бронз" встречаются изображения людей только арменоидного типа.

5. Деформация черепов

Упомянутая выше "катакомбная культура" характерна не только распространением изделий из металла и людей арменоидного типа, но и ещё одним странным явлением — деформацией черепов [34].

О такой деформации писал ещё Гиппократ в V-ом в. до н.э. Он рассказывает о некой этнической группе "макроцефалов", жившей где-то на восточных берегах Чёрного моря. По словам Гиппократа, люди с более вытянутыми (судя по другим данным, кверху) головами считались у этого народа более знатными, и поэтому "макроцефалы" деформировали головы, чтобы иметь более "знатный вид" [57].

Анализ многочисленных археологических находок показывает, что чаще всего с помощью деформации, проведённой в раннем детстве, голове придавали утрированную арменоидную форму: череп делали очень высоким, с наклонным лбом и плоским затылком. Этот странный обычай продолжал су-

ществовать в разных районах евразийских степей в течение тысячелетий. Первые деформированные черепа из степных культур датируются "катакомбным временем", т.е. серединой III-го тыс. до н.э. Археологи, конечно, не могут проследить непрерывную цепь, и следующий период, когда есть археологические данные по деформации черепов в степях Евразии — это 2-ая половина I-го тыс. до н.э. — первые века нашей эры. Деформированные черепа находят в захоронениях ирано-язычных сарматов и ряда кочевых племён Центральной Азии, часть которых с большой вероятностью говорила на индоевропейском тохарском языке. Тохары вместе со скифами разгромили во II веке до н.э. Греко-Бактрийское царство. На его месте было создано могущественное государство, просуществовавшее несколько столетий и называвшееся "Царство Великих Кушан". Сохранились монеты, а также немногочисленные скульптуры с изображениями кушанских царей. На этих изображениях головы так вытянуты и затылки так плоски, что учёные не могли не придти к выводу, что по крайней мере аристократия Кушанского царства продолжала традицию деформации черепов.

На восточной окраине Евразийского степного мира жили гунны. К IV в. н.э. они подчинили себе почти все другие кочевые племена и вторглись в Западную Европу. Их главный археологический след — захоронения, в которых находят деформированные черепа "ультра-арменоидов".

Никто не знает, как обычай деформировать голову проник на американский континент, но следов оставил довольно много. Европейцы ещё застали этот обычай у ряда индейских племён. Сохранились описания, как голову ребёнка зажимали между двумя досками, сходящимися кверху, так, чтобы лоб получался наклонным, а затылок — вертикальным. Возможно, самое значительное свидетельство — скульптура майя разных периодов. В барельефах майя, вероятно, отразилось какое-то влияние Древнего Востока — анатолийское, арамейское или финикийское. На скульптурах майя изображены люди арменоидного облика с подчёркнуто деформированными черепами.

Удивительно то, что самые древние деформированные черепа "под арменоидов" нашли в захоронениях неолита в докерамическом Иерихоне (приблизительно 8000 лет до н.э.), на Кипре (Кирокитийская культура, 7000-6500 лет до н.э.) и в Западном Иране (приблизительно 7000 лет до н.э.) ([38], [69]). Кирокитийская культура замечательна тем, что в её захоронениях находят только брахицефальные черепа, по ряду признаков близкие к арменоидным. Деформация там как бы доводит до предела уже имеющийся в этой культуре антропологический тип.

То, что обычай деформировать голову "под арменоидов" существовал в неолите, может означать только, что арменоиды не моложе неолита и что тогда уже они рассматривались как люди высокого происхождения.

6. Контуры общей картины

Приблизительно 12 000 лет назад начались резкие перемены в жизни людей на Земле. Появились первые дома и укреплённые поселения, украшения и каменные сосуды. Люди сделали первые шаги в земледелии и скотоводстве. Эти события археологи назвали "неолитической революцией". Начало неолитической революции связывают сейчас с так называемой Натуфийской культурой на территории Израиля [69]. Там же находят первый город — городище Иерихон.

Современные данные о развитии неолитических и последующих культур показывают, что в целом это был процесс, непрерывно разворачивающейся во времени и пространстве. Новые очаги возникали и исчезали, но с течением времени неолитическая революция захватывала всё новые районы. Вначале — Северная Месопотамия и южные районы Анатолии, затем — западная Анатолия, Греция и Балканы, далее — Закавказье, Западный и Северный Иран, Южная Туркмения и Южная Месопотамия. Примерно с VII тыс. до н.э. в Анатолии м Северной Месопотамии стали развиваться культуры, где уже были керамика и начальные элементы металлургии. Эти культуры соответствуют т. наз. Халколитической эпохе. От них опять пошли волны прогресса на запад, восток и юг.

Следующий археологический период — бронзовый век (с 4000 г. до н.э.) имел, кажется, неоспоримыми своими источниками Гассул-Беэр-Шевскую культуру и вслед за тем культурные очаги Северной Сирии, Шумера и Кавказа. Аналогичная картина вырисовывается и из анализа археологических и древнеписьменных данных по т. наз. железному веку (примерно с 1200 г. до н.э.)

Кроме пространственно-временной непрерывности развития, начатого неолитической революцией, археологи находят множество дальних связей, совпадений стиля удалённых друг от друга культур, синхронность в ряде существенных перемен и нововведений. Иногда кажется, что процесс прогресса человечества только локально определялся свободой выбора и случайностями, в целом же был как бы согласован и направлен. Такое почти мистическое ощущение можно сделать рациональным, если предположить наличие определённой преемственности и связанности в какой-то стабильной части активного человеческого элемента, угадываемого за неодушевлёнными свидетельствами археологии.

Описанные нами выше свидетельства древней скульптуры, деформации черепов уже с неолитического времени, антропологические корреляции металлургических очагов дают простое и ясное указание в одном только направлении: стабильной частью процесса культурной эволюции в неолитическую и последующие эпохи, определившей его преемственность и связанность, были люди, антропологически относимые к арменоидному типу. Более того, арменоидные изображения царей и богов, связь деформированных "под арменоидов" голов с представлением о знатности, делают весьма вероятным и более сильное предположение. В очень давние эпохи (приблизительно с 10 000 г. до н.э.) арменоиды были тождественны высшему классу по крайней мере в центральной части Ближневосточного культурного очага и их экспансии в основном совпадали с процессом расширения этого очага.

Часть II. ДАЛЬНИЕ СВЯЗИ

Эйнштейн однажды сказал, что учёного и ребёнка объединяет способность удивляться. Надо сказать, что, как правило, удивляют неожиданные совпадения, сходство, а не различие удалённых друг от друга явлений. И когда два явления вдруг обнаруживают перед нами совпадение нескольких свойств, то трудно отделаться от мысли, что такие совпадения имеют общую причину, что за ними кроется нечто таинственное и важное, не лежащее на поверхности.

При анализе событий прошлого историк лишён возможности подтвердить правоту своих концепций экспериментом. Почти единственное средство проверки в этом случае — это указание и перечисление разного рода совпадений, особенно многократных. Таким способом доказывают правильность расшифровки древних письменных документов, генетическое родство языков и археологических культур.

Быть может, самое парадоксальное явление в предыстории — наличие глубоких связей между удалёнными друг от друга культурными очагами и этническими группами. Эти связи удаётся обнаружить, анализируя многочисленные совпадения в эпосе, археологических находках и письменных источниках древности, относящихся к "предысторическим арменоидам".

1. Об арменоидном эпосе

В части I мы привели доказательства того, что древние евреи были арменоидной этнической группой. Но если это так, то в их эпосе может содержаться память о прошлом арменоидов вообще или хотя бы о той их ветви, из которой вышли древние евреи.

Есть основания предполагать, что первые главы Библии в той или иной мере отражают устные предания определённой арменоидной группы, передававшиеся из поколения в поколение. Таким образом, начальную часть Ветхого завета можно рассматривать как "арменоидный" эпос, который сохранился в памяти древних евреев. Да и остальные части Танаха (Библии) должны содержать какие-то элементы этого эпоса.

Одна из основных тем Ветхого Завета — тема изгнания. Адам изгнан из рая. Каину сказано, что он будет "изгнанником и скитальцем на земле". Ной после потопа останавливается в "горах Араратских", по всей видимости, далеко от своей прежней родины. Отец Авраама Терах покидает шумерский город "Ур халдейский" и переселяется в северомесопотамский Харран. Сам Авраам уходит из "земли рождения своего" и поселяется в Ханаане. Внук его Яаков бежит из Ханаана на север Месопотамии и именно там, по преданию, родились почти все его сыновья — библейские предки колен Израилевых.

В главе о Вавилонской башне находим стих: "И они (то есть люди, пришедшие в Шумерпосле потопа) сказали: давайте построим город и башню высотой до неба и сделаем себе имя, чтобы не рассеяться по всей земле" * (Бытие, 11:4). И далее: "И рассеял их Господь оттуда по всей земле" (Бытие, 11:8).

Итак, строительство Вавилонской башни было предпринято, "чтобы не рассеяться". Разве это не напоминает сооружение первого и второго храмов, тоже призванных сыграть в жизни Израиля роль притягательных центров, сдерживающих рассеяние?

В Библии не раз предсказывалось, что колена Израилевы будут рассеяны по всему миру. Часть таких предсказаний, к несчастью, сбывшихся, относится к периоду до увода десяти колен в Ассирийский плен (например, Амос, 9:9). В книге Паралипоменон I (16:20) приводится песнь царя Давида, в которой о предках израильтян говорится: "И переходили от народа к народу, от одного царства к другому".

Невольно напрашивается мысль, что предсказания о будущей потере родины и долгой жизни в рассеянии могли возникнуть только у народа с огромным опытом изгнания и рассеяния.

Согласно Библии, главная награда Израилю за союз с Богом — это возможность жить в земле Ханаанской, а

---

* Здесь и далее цитаты из Библии даются в переводе с иврита. (*Прим. автора*)

главное наказание за отказ от союза — угроза лишиться этой земли. Однако цена такой награды и сила такого наказания могли быть понятны лишь народу, уже испытавшему в прошлом долгое рассеяние. И это может означать, что предсказанное рассеяние евреев в послебиблейский период было повторением эпизода добиблейской истории арменоидной ветви, давшей начало древнему Израилю.

Другая постоянная тема Библии — страх перед физическим искоренением, тема постоянной угрозы самому существованию или продолжению рода библейских героев.

Самый первый пример несчастного изгнанника, живущего в страхе перед угрозой уничтожения, — Каин, который говорит о себе: "Я буду изгнанником и скитальцем на всей земле, и всякий встречный убьёт меня" (Бытие, 4:14). Яаков при встрече с Эсавом разделяет свой лагерь на две части, чтобы хотя бы часть его семьи имела шанс уцелеть (Бытие, 32:7,8). Иосиф объясняет братьям, что всё, что произошло с ним самим, было необходимо для спасения еврейского народа от голодной смерти (Бытие, 50:20).

В книге Исход мы находим первый пример народоистребления: фараон приказывает убивать новорожденных мальчиков-евреев. Геноцид, начатый фараоном против евреев, Библия объясняет страхом египтян перед их силой (Исход, 1:7-22). Эта тема потом повторяется в пасхальной Агаде, где говориться, что "в каждом поколении они встают на нас, чтобы покончить с нами".

Фактически тема грозящего уничтожения является оборотной стороной убеждённости в необычайной судьбе и необычайном величии. Уже Аврааму предсказано, что от него произойдёт великий народ (Бытие, 12:2,3). Поскольку эти предсказания в значительной мере сбылись, то логично предположить, что в их основе лежал определённый опыт прошлого, что великий народ уже существовал прежде, древний Израиль был с ним генетически связан, но, согласно эпической традиции, народ как бы родился заново вместе с Авраамом, заключившим завет с Богом.

Исаак, занявшись земледелием, быстро добивается больших успехов. "У него были стада мелкого и крупного рогатого скота и множество пахотных земель, и филистимляне (т.е. местные жители) стали завидовать ему" (Бытие, 26:14). Местный царь говорит Исааку: "Уходи от нас, потому что ты стал намного сильнее нас" (Бытие, 26:16).

Рассказ об Иосифе, превратившемся из пастуха во всесильного министра чужой страны, обогатившего египетскую казну, показался бы беспочвенной фантазией, если бы история евреев, как в средние века, так и в новое время, не предоставила бы нам множество примеров аналогичных

карьер. Народ, давший так много людей этого типа тысячелетия спустя после времени Иосифа, должен же быть в чём-то существенном похож на загадочное племя странствующих пастухов, из которого вышел Иосиф.

Одно из самых удивительных мест в Библии, которое как бы протягивает нить, ведущую от древних времён к новым, — это стих из песни Валаама об Израиле (Числа, 23:9): "Вот народ отдельно живёт и между народами не числится". Ведь и по сей день не умолкли споры о том, являются ли евреи нацией.

Кроме тем изгнания, страха перед уничтожением, величия и необычности, есть ещё в библейском эпосе тема Божьей защиты: "Не прикасайтесь к помазанникам Моим и пророкам Моим не делайте зла" (Паралипоменон I, 16:21,22).

Таким образом, анализ библейского текста показывает, что ветвь арменоидов, от которой произошли евреи, состояла из людей, испытавших горечь изгнания и страх геноцида и вместе с тем сохранявших в себе ощущение величия и своей особой связи с Богом.

Есть ещё одна религиозно-этническая группа с преобладающим арменоидным типом, сохранившая древний эпос. Это **парсы** Индии. Парсов около ста тысяч. Живут они главным образом в Бомбее. Религия парсов — зороастризм, т.е. религия древнего Ирана (примерно от начала I тыс. до н.э. до VII в. н.э.), связываемая с ирано-арийским этносом. Считается, что парсы — потомки зороастрийской аристократии, бежавшей из Ирана в Индию в VII–VIII вв. н.э. Парсы представляют собой некую параллель к евреям. Они выделяются своими способностями [33], [65], успешны в бизнесе и науках, не смешиваются с иноверцами и хранят верность своей древней религии, пронеся её через тысячелетнее изгнание. Одно из главных положений их религии — вера в приход спасителя и конечное торжество добра. Антропологически парсы относятся к арменоидному типу и довольно резко отличаются от окружающего населения [33], [65].

Арменоидность парсов согласуется с данными антропологии захоронений первой половины I тыс. до н.э. в Иране, обнаруживающими корреляцию между появлением арменоидов на Иранском плато (Сиалк VI) и в ряде других мест и экспансией носителей ирано-арийских языков в этих же районах. К первой половине I тыс. до н.э. археологи относят и продвижение скифов в степи Евразии (от Дуная до Монголии). Скифов тоже считают ирано-арийцами по языку. Экспансия скифов коррелирует с резким увеличением брахицефалии и арменоидности в степных захоронениях соответствующей эпохи, особенно к северу от Кавказа. Предыдущий брахицефально-арменоидный период в этих местах связан с Катакомбной культурой и от-

далён от времени скифских могил почти двумя тысячелетиями.

Арменоидность последних зороастрийцев-парсов и данные по антропологии скифов и иранских завоевателей I тыс. до н.э. заставляют думать, что в ирано-арийском этносе было активное арменоидное ядро, тесно связанное с зороастрийской религией.

Зороастрийский эпос запечатлён в их главной священной книге "Авеста" (см. [25]), а также в знаменитой поэме Фирдоуси "Шахнаме" [20]. Мнения о характере зороастрийской религии расходятся. По нашему мнению, — это монотеизм того же типа, что и иудаизм. Даже противники этой точки зрения соглашаются, что из всех древних религий зороастризм стоит ближе всего к еврейскому монотеизму. Заметим, что наличие злых и добрых духов в зороастризме, особенно Ангрью-Маньо ("Ахриман"), противостоящего верховному богу Ахура-Мазда, имеет параллели в Библии, где упоминаются ангелы и даже сатана (см., например, книгу Иова). Существует структурное сходство между зороастрийским и библейским эпосами. В отличие от многих других эпических традиций, зороастрийская и библейская традиции представляют древнейшую историю не как фантастическое переплетение судеб богов и людей, не как нагромождение чудес, а как короткую цепь жизнеописаний героев или царей с очень длинными сроками жизни или правления. У зороастрийцев в "предыстории" есть стихийное бедствие — аналогичное всемирному потопу, когда древний царь Йима (Йима-Кшаэта, Джемшид у Фирдоуси) построил убежище, похожее на Ноев ковчег, и укрыл там от гибели людей и разных животных. Рассказ Авесты "Ковчег Йимы" так похож на библейское сказание о Ное, причём похож вплоть до ряда второстепенных деталей, что наличие общей традиции здесь представляется несомненным (ср. [25], Vendidad, Fargard II, II с гл. 6, 7, 8 книги Бытия).

После Йимы владыкой мира становится Аж-Даххака (Царь-змей), символизирующий победу сил зла. Царь Аж-Даххака имеет ряд общих черт с библейским царём Нимродом. По Библии Нимрод — сын Куша, с которым ассоциируются племена Южной Аравии (см. Бытие, 10:7,8). Царь Аж-Даххака тоже происходит из Аравии ([20], стр. 40-43, 46). Центр царства Нимрода находится в Южной Месопотамии, и центр царства Аж-Даххака — там же ([20], стр. 611). Хотя в Библии Нимрод упомянут до рассказа о Вавилонской башне, но из общего контекста видно, что в более подробном эпическом цикле "эпоха Нимрода" скорее всего следовала за "эпохой строительства башни", т.е. за эпохой разделения.

В иранском эпосе Аж-Даххака сменяет Йиму в то время, когда тот построил престол "до самого неба" ([20], стр. 38-39). Наконец, кажется, что смысл имени "Нимрод" легче всего

объяснить его происхождением из ирано-арийских языков. "Нимруз" по-персидски значит "полдень" ("ним" + "руз" = "половина" + "день", но также и "юг" и "южные страны" (см., например, [20], стр. 624). "Царь Нимрод" — "царь Нимруз", т.е. "царь юга", что соотносится с "сын Куша" и указывает на связь Нимрода, как и Аж-Даххака, с Аравией.

В иранском эпосе царь Аж-Даххака поедает детей. Так символически закреплена за ним беспредельность злодейства. Истребление детей — первый признак геноцида (кстати говоря, хорошо известного не только евреям и, видимо, зороастрийцам, но и ещё одной ветви арменоидов — армянам). Согласно иранской эпической традиции, части детей удалось спастись и от них произошли курды, или, попросту говоря, кочевники ([20], стр. 51).

Чуть ли не главный пафос иранского эпоса состоит в борьбе истинных царей с узурпаторами вроде Аж-Даххака. Законным царским родам нередко приходится укрываться в дальних горах, где вырос, в частности, победитель Аж-Даххака Траэтаона (Феридун). Интересно, что древнейшие истинные цари являются, согласно иранскому эпосу, царями всего мира. Легенды о них, изгоняемых и преследуемых, напоминают библейские рассказы о древних героях, где темы изгнания и страха переплетаются с идеей избранничества.

Тема изгнания, угрозы народоистребления, особой связи с добрым началом в мире оказывается наиболее важной для самой древней части иранского эпоса. Аналогии с Библией заставляют думать об общем источнике обеих эпических традиций — источнике, который, как можно предположить, должен быть связан с некоей праисторической группой, прошедшей через одну или несколько катастроф. В дальнейшем мы сделаем попытку конкретизировать эту мысль.

2. Легендарная хронология и научные факты

Библия содержит множество хронологических сведений, которые, на первый взгляд, кажутся бесполезными для реконструкции предыстории. На самом деле при определённом методе обращения с этими данными получаются поразительные совпадения между Ветхим Заветом и другими источниками. Можно предположить с достаточной степенью вероятности, что арменоидный эпос, отразившийся в Библии, имеет очень солидную хронологическую базу, дошедшую до нас в деформированном виде.

В Библии приведены две генеалогические линии сынов Адама: потомки Каина и потомки Шета. Совпадений в этих двух линиях так много, что, скорее всего, они представляют собой разные

устные варианты одной и той же эпической традиции (которая, следовательно, должна быть очень древней). Сын Шета именуется Энош, что и на арамейском и на иврите означает "человек" и совпадает со значением имени Адам. Поэтому можно сравнить линию "Каина", начинающуюся с Адама, и линию "Шета", начинающуюся с Эноша. Эти линии таковы:

Адам — Энош; Каин — Кейнан; Ханох — Маалальэль; Ирад — Йеред; Мехияэль — Ханох; Метушаэль — Метушелах; Лемех — Лемех.

Учитывая смысловое совпадение имён "Адам" и "Энош", мы видим, что обе линии отличаются лишь незначительными вариациями в именах, а также порядком их расположения. Такого рода деформации неизбежны при устной передаче.

От позднешумерского времени (конец III тыс. до н.э.) сохранились таблички, содержащие, так называемый Шумерский царский список [58]. Исследователи давно заметили целый ряд совпадений между этим списком и библейской генеалогией. Прежде всего, оба источника указывают на всемирный потоп как главное событие, разделившее "предысторию" надвое. В шумерских и последующих (т.е. вавилонских) описаниях потопа есть немало деталей, присутствующих и в библейском рассказе об этом событии. Из времени, предшествующего потопу, библейская память сохранила имена десяти патриархов от Адама до Ноя, а также сведения о продолжительности их жизни. Шумерский царский список указывает, что до потопа было восемь царей, даёт их имена и продолжительность их царствования. Протяжённость жизни или царствования в обоих источниках фантастически велика, причём у тех, кто жил до потопа, она намного больше, чем у тех, кто жил после него, и становится всё короче и короче по мере приближения ко времени записи. В целом, однако, числа Шумерского списка намного превосходят соответствующие числа из Библии. Например, продолжительность царствований восьми допотопных шумерских царей определяется следующей последовательностью: 28 800, 36 000, 43 200, 28 800, 36 000, 28 800, 21 000 и 18 600.

В 1981 году в журнале "Biblical Archeologist" появилась очень любопытная статья молодого американского востоковеда Дж. Уолтона [7], в которой автор высказал предположение, что длиннейшие сроки правления допотопных шумерских царей возникли в результате того, что более ранние записи, сделанные в десятичной системе счисления, позже были прочтены и переписаны уже в шестидесятиричной системе, которой, как известно, пользовались поздние шумеры. А это значит, что "10" ранних записей позже превратилось в "60", а "100" — в "3600" (= 60 x 60). И соответственно, число "28 800" (= 3600 x 8) из дошедшего до нас шумерского

списка было в более ранних записях "800" (= 100 х 8). Легко проверить, что в приведённой выше последовательности восьми чисел первые шесть делятся на 3600, как и сумма двух последних чисел этой последовательности. Превратив 3600 в 100, мы получаем последовательность, которая, согласно предположению Дж. Уолтона, соответствует данным более ранних записей: 800, 1000, 1200, 1100. Эти числа уже не так разительно отличаются от библейских данных о жизни допотопных патриархов: Адам — 930 лет, Шет — 912, Энош — 905, Кейнан — 910, Маалальэль — 895, Йеред — 962, Ханох — 365, Метушелах — 969, Лемех — 777 (Бытие, 5).

Хотя в библейском списке герои следуют один за другим, годы их жизни в значительной мере перекрываются (например, Шет родился, когда Адаму было 130 лет). Такого нет в Шумерском царском списке, где годы жизни отдельных царей складывают, чтобы получить продолжительность периодов или династий. Так, суммарно весь период допотопного царствования составляет по Шумерскому списку 241200 лет(надо просто сложить восемь чисел, приведённых выше, 28 800 и т.д.). А так как 241200 = 3600 х 67, то это число, согласно предположению Дж. Уолтона, соответствует промежутку в 67 сотен лет из более ранних записей (что, разумеется, совпадает с суммой чисел преобразованных, как было указано ранее: 800 + 1000 + 1200 + 800 + 1000 + 800 + 1100 = 6700).

Дж. Уолтон предложил рассматривать библейские данные о продолжительности жизни допотопных патриархов как последовательные временные отрезки, соответствующие эпохам или династиям, предположив, что все указания о возрасте патриарха при рождении сына и о том, сколько он жил после этого, являются более поздними деформациями эпоса. Дж. Уолтон обратил внимание также на то, что в Шумерском царском списке нет ни "первого человека", ни "героя потопа". Но тогда для сравнения с Шумерским списком надо брать цепь от Шета до Лемеха. Сложив соответствующие числа, получаем промежуток в 6695 лет (912 + 905 + 895 + 962 + 365 + 969 + 777 = 6695). Число 6695 отличается от 6700 (числа, полученного по Уолтону для Шумерского списка) меньше чем на 0,1 процента. Получилось совершенно поразительное совпадение, которое подтверждает правильность исходных предположений Дж. Уолтона. Но в таком случае естественно предположить, что данные Библии о продолжительности жизни героев после потопа (Бытие, 11:10-32) также соответствовали последовательным временным промежуткам в более ранних версиях эпоса. Сложив эти промежутки, скажем, от Арпахшада (внука Ноя, родившегося по Библии через два года после потопа) до Тераха (отца Авраама), получаем число 2396, то есть

примерно 2400 лет (Арпахшад жил 438 лет, Шелах — 433 года, Эвер — 464, Пелег — 239 лет, Рэу — 239, Сруг — 230, Нахор — 148, Терах — 205; 438 + 433 + 464 + 239 + 239 + 148 + 205 = 2396).

Эпос об Аврааме, по мнению учёных, охватывает отрезок времени в пределах от 2200-го до 1700 г. до н.э. Добавив сюда время от потопа до рождения Авраама (см. данные, полученные выше), а именно 2400 лет, получаем отрезок времени от 4600-го до 4100 г. до н.э. Таким образом, библейский эпос (при определённой интерпретации) указывает на V тыс. до н.э. как возможное время потопа.

Приплюсовав к этим пяти тысячелетиям ещё 6700 лет допотопной истории, мы приходим к XI тыс. до н.э. как к времени начала "культурного человечества". Это подтверждается археологией и данными, полученными при помощи радиоуглеродного метода, согласно которым Натуфийская культура, обозначившая неолитическую революцию на территории древнего Израиля, делала первые шаги где-то около 11 000 г. до н.э. (см. [69]). И конечно, группа, которая сохранила в своём эпосе память о времени начала "культурного человечества", должна была считать землю, где началась её история, Святой землёй.

Вернёмся, однако, ко времени потопа. Даёт ли археология основания предполагать, что в V тыс. до н.э. происходили какие-нибудь катастрофические события? Смены археологических культур происходят в каждую эпоху. Если же имела место всемирная катастрофа, то археология должна указать нам на одновременную смену культур в удалённых друг от друга районах. Такую тотальную смену культур мы находим около 4000 г. до н.э. Данные радиоуглеродного анализа указывают на эту дату как на некий рубеж, разделяющий два больших "предысторических" периода, один из которых называют халколит, или медно-каменный век, а второй — бронзовый век. Поясним эту мысль.

Рубежом V–IV тыс. до н.э. датируется конец Балканской халколитической цивилизации, замечательного комплекса культур, развивавшихся на Балканах и в Греции в эпоху между VII и IV тыс. до н.э. Одновременно с Балканским развивался Месопотамский культурный комплекс (расписной керамики), последняя фаза которого Аль-Убайд исчезает почти без следов к концу V тыс. до н.э., то есть опять-таки примерно к 4000 г. до н.э. Заметим, что оба комплекса тесно связаны с долинами больших рек: Дуная на Балканах и Тигра-Евфрата в Месопотамии.

К Месопотамскому комплексу географически примыкали Гассул-Беэр-Шевская культура в Израиле, исчезнувшая примерно к 4000 г. до н.э., и культура расписной керамики Ирана и южной Туркмении, где резкие смены

(например, конец культуры "Сузы А") также датируются временем около 4000 г. до н.э. (см. [68]).

Кроме Балканского и Ближневосточного культурных очагов в V тыс. до н.э. развивался ещё один очаг, весьма удалённый от них географически, но схожий по материальной культуре, — это так называемая культура расписной керамики Янг-Шао в долине реки Хуанхэ в Китае. Данные радиоуглеродного метода (см. [30], стр. 300) показывают, что и эта культура расцветала в V тыс. до н.э. и исчезла примерно к 4000 г. до н.э.

Знаменитый английский археолог Л. Вулли обнаружил в 1929 г. следы великого наводнения в Шумере, относящиеся к концу эпохи Аль-Убайд. Вулли считал, что нашёл следы потопа, отразившегося в библейском и шумерском эпосах. "Так мы можем объяснить то, что до сих пор было одной из великих загадок южномесопотамской археологии: внезапное и полное исчезновение расписной керамики... Люди, её производившие, были смыты потопом". ([89], стр. 32). Но позже археологи нашли в Шумере следы аналогичных наводнений более поздних эпох, и мнение Вулли было оставлено. Однако сейчас, когда радиоуглеродный метод позволяет установить одновременность гибели удалённых друг от друга синхронных культур, открытие Вулли воспринимается как дополнительный аргумент в пользу утверждения, что около 4000 г. до н.э. произошла некая всемирная катастрофа, уничтожившая по меньшей мере три великих цивилизации в долинах больших рек, стекающих со снежных гор: Дуная, Тигра-Ефрата и Хуанхэ.

Это уничтожение не было абсолютным. Археология показывает, что определённые элементы предшествующих культур перешли в культуры бронзового века, а в некоторых периферийных районах развились культуры, явившиеся прямым продолжением Балканского и Месопотамского халколитических комплексов. Таковы Трипольская культура в Молдавии и юго-западной Украине, культура Тепе-Гавра (слои XII–VIII вв. до н.э.) на севере Ирака, рад культур Венгрии, Австрии и Западной Анатолии IV тыс. до н.э.

Предки создателей Библии (как об этом повествует Книга Книг) поселились после потопа в "горах Араратских" (Бытие, 8:4), а не на горе Арарат, как считают некоторые. В Библии Арарат означает страну, которую мы называем Урарту, мощную державу на севере Месопотамии, игравшую важную роль в политической истории первой половины I тыс. до н.э. Библейские "горы Араратские" означают, стало быть, горные районы, окаймляющие с севера Месопотамию и Левант.

3. Древние кузнецы

Каин

В начале главы 2 было показано, что обе допотопные генеалогии, приведённые в Библии, фактически совпадают, "Каин" одной из них соответствует "Кейнану" другой. Отсюда следует, что создатели эпоса, относя себя самих к потомкам Шета, тем не менее включали Каина в список своих наиболее важных предков. В греческом переводе Библии (Септуагинта) в перечне потомков Ноя, заканчивающимся Авраамом, также поименован "Кейнан". Более того, это единственное имя, которое фигурирует как в списке допотопных патриархов, так и в списке патриархов, живших после потопа.

Отметим, что в допотопном списке Каин — единственный патриарх, кроме Адама и Ноя, с жизнью которого связана некая легенда. Наконец, как отмечалось выше в главе 1, главные черты Каина — "изгнанник и скиталец", находящийся под особой защитой Бога, как бы отчётливо предвосхищают черты еврейства послебиблейского периода. Эпос о Каине органически связан с протоеврейским эпосом. Имя "Каин — это одно из немногих эпических имён в Библии, которые отразились в этнических наименованиях исторического периода: в Библии несколько раз упоминаются роды или этнических группы, которые называются "Каин" или "Каиниты" и тесно связаны с древним Израилем. Каинитом был тесть Моисея, род которого поселяется среди колена Иуды (Судьи, 1:16). Яэль из книги Судей, убившая ханаанского полководца Сисру, была женой каинита с характерным именем "Хевер", которое, возможно, происходит от того же корня, что "иври", то есть "еврей".

Кроме каинитов-израильтян или каинитов, ставших израильтянами, упоминаются также каиниты — соседи израильтян (см. Самуил I, 15:6). Один раз каиниты встречаются и в списке народов Ханаана, землю которых должен был унаследовать Авраам (см. Бытие, 15:19). В том же списке рядом с этносом "Каин" стоит этнос с очень близким названием "Кназ" (на иврите оба имени пишутся через "коф"). "Кназ" — одно из главных имён, встречающихся в генеалогиях Эдома, народа, происходившего, по преданию, от Эсава, брата Яакова, и потому считавшегося наиболее близким народу Израиля. "Кназ" встречается и в израильских генеалогиях (см. Паралипоменон I, 4:13, 15), где он очень близок важному роду "Халев", о котором подробнее ниже.

Смысл связи древнего Израиля с эпическим и этноисторическим "Каином" станет понятнее, если заметить, что "Каин" — одно из редких имён древности, имеющих совершенно ясную этимологию: "Каин" означает "кузнец" [47]. В таком значении это слово сохранилось в арамейском и араб-

ском языках ([53], стр. 883). Человеку, знакомому со славянскими языками, это не покажется странным, так как славянские слова "коваль", "ковать", "кую", "куй" относятся к тому же корню, что и "Каин". Более того, славянские языки — единственные, где этот корень имеет большое гнездо родственных слов: "ковать, "кую", "коваль", "кувалда", "наковальня", "оковы", видимо, также и "коварный".

Эпос о Каине — это эпос о первом кузнеце, а его органическая связь с протоеврейским этносом подчёркивает связь последнего с началом металлургии. "Первые кузнецы", естественно, должны были вести подвижную жизнь. То обстоятельство, что они находились под особой защитой Бога, — "всякому, кто убьёт Каина (т.е. кузнеца), отомстится всемеро", — похоже на своеобразное "табу", которым искусные мастера были ограждены от варваров (см. [56], стр. 127).

В эпосе древних иранцев (ираноариев), отразившемся в "Авесте" и поэме Фирдоуси "Шахнаме", один из главных героев — "кузнец Каве", поднявший восстание против Аж-Даххака ([20], стр. 60-66). В поэме Фирдоуси фартук кузнеца Каве стал знаменем восставших, а потом и знаменем иранских царей. Знамя это так и называется "кавеянским" (см. [20], стр. 64-65).

От кузнеца Каве, видимо, вела своё происхождение полулегендарная династия иранских царей — Кавианидов, или позже Кейнанидов. С этой династией связывается слово *кави*, в более позднем варианте — *кей*, означавшее "царь" или "князь" в ряде областей Ирана (так и в "Авесте") в I тыс. до н.э.

Любопытно, что иранцы сохранили в своём эпосе память о том, что древний герой и основатель династий Каве был кузнецом, но забыли, что само имя Каве означает "кузнец" (коваль). Как мы упоминали, связь корня "кав" — "кей" с кузнецами сохранилась в славянских языках в форме "ков" — "ку(ю)". Эта связь наблюдается и в кельтских языках, например, по-ирландски кузнец — это "gabha". Имя бога кузнечного дела у древних кельтов "Goibniu" ([27], стр. 172), очевидно, происходит от того же корня.

Тесно связанные с древним Израилем роды каинитов, т.е. потомков легендарного кузнеца "Каина", и иранские аристократические роды потомков "кузнеца Каве", скорее всего, имели общий источник — арменоидные группы, стоявшие у истоков металлургии. Эта общность подтверждается рядом любопытных совпадений терминов из Библии и из языка древних ариев. По-арабски "Каин" — "кузнец", а "Каина" — "певица", "танцовщица" ([53], стр. 883).

В Библии нередко встречается слово "кина" (с "коф", как и "Каин"), означающее "элегия", "траурная песнь" ([53], стр. 884). Сходство слов "Каин" и "кина" не случайно и подчёркивает, что древние кузнецы имели отношение к

музыке и пению. Три сына допотопного патриарха Лемеха (в линии Каина) как бы олицетворяют три главных занятия кочевых каинитских групп: Яваль назван отцом скотоводов, живущих в шатрах; второй, Юваль, — отец всех, играющих на музыкальных инструментах, и третий, Туваль-Каин, — отец тех, кто делает орудия из меди и железа.

Сочетанию "Каин" — "кина", т.е. "кузнец — песнь", соответствует раздвоение значения слова *кави* в языках двух ветвей древних ариев: у ираноариев, как мы видели, *кави* привязано к "кузнецу" (кузнец Каве и т.д.), а у индоариев *кави* означало "поэт", "мудрец" (санскрит), а *кавья* — язык высокого стиля или древнюю поэзию (см. [12], [4]).

Туваль

Перейдём теперь к другому этническому и эпическому термину, связанному с древними кузнецами. "Отец всех кузнецов" назван двойным именем Туваль-Каин, т.е. Туваль-кузнец. Народ Туваль упоминается в Библии в списке сынов Яфета (сына Ноя) рядом с народом Мешех. Народы Туваль и Мешех упоминаются рядом и в книгах израильских пророков (Иезикииль, 27:13; 38:2, 3; 39). Они отождествляются с народами (или странами) Восточной и Центральной Анатолии, которые фигурируют в хрониках первой половины I тыс. до н.э. как Табал и Мушки. Перечисляя подчинённые персам народы Малой Азии, Геродот [55] называет рядом тибаренов и мосхов, которые, скорее всего, те же Табал и Мушки, или библейские Туваль и Мешех.

"Табал" ассирийских хроник расположен в районе древнего металлургического очага Восточной Анатолии. Сейчас в этом районе важный город — это Дивриги (Tebriki I тыс. до н.э., см. [56], стр. 126), неподалёку от которого до сих пор добывают железную руду. Родство названия Дивриги (Tebriki) со словами "тибарены" и "Туваль" (см. [56], стр. 126) едва ли может вызвать сомнения.

Анатолийская страна Табал занимала часть территории, на которой во II тыс. до н.э. находилась могучая империя хеттов. Хеттские цари присоединили к своему титулу имя Лабарна, вариант — Табарна ([11], стр. 20-21). В хеттских архивах слово "Табарна" встречается и в значении "повелитель" ([11], стр. 20-21).

Параллель "Туваль — кузнец" и "Табарна — повелитель" весьма напоминает иранскую пару "кузнец — Каве" и "кави — царь".

Шумерское слово *тибира*, родственное словам Туваль, тибарены и табарна, означало "медник", а один из пяти городов, существовавших, по шумерскому преданию, ещё до потопа, назывался Бад-Тибира, т.е. город медников ([58], стр. 71).

У индо-ариев в "Ведах" имя бога кузнечного дела — Твастр — звучит как вариант тех же Туваль и тибира.

Подобно группе "Каин — Каве", слова Туваль, тибира и Твастр кажутся особо тесно связанными со славянскими языками, где есть группа "творец, творить, творение" и т.д. Было у славян, видимо, и соответствующее этническое название — "тверичи" или "тверь".

Следы древней металлургии в славянских языках и близких к ним балтийских языках (в литовском тоже есть глагол "tverti") подтверждаются ещё одним совпадением: шумерский термин для меди "urudu" напоминает слово "руда" ([33], стр. 15).

Калев

В генеалогиях древнего Израиля (Паралипоменон I, 1-8) больше всего места уделено колену Иуды, а в генеалогии этого колена самое большое число линий соответствует роду Калев (с вариантами имени Хелувай и т.д.) (см. Паралипоменон I, 2, 4). Считалось, что этот рол происходит от эпического героя времён Моисея, от одного из двух израильтян (вторым был Иисус Навин), не испугавшихся жителей Ханаана и доживших до вступления в землю обетованную (Числа, 14:6, 24, 30, 38; 26:65; 34:19). Калев несколько раз назван в Библии "книзитом", что указывает на тесную связь его рода с родом Кназ, а через него, видимо, и с родом Каин. Роду Калев, после завоевания Ханаана, была отдана область Хеврона, что по соседству с местностью каинитов, бывших частью колена Иуды или его соседями.

Одна из генеалогических линий (Паралипоменон I, 4:11, 12) идёт от рода Калев (в форме "Хелув") к городу Нахаш, что означает "город меди" (или медников). Разные варианты имени "Калев", многочисленные линии с ним связанные, сравнительно частые упоминания этого имени в преданиях эпохи Исхода и начала поселения в Ханаане (например, первый судья Израиля Отниэль назван сыном Кназа, братом Калева, — Судьи, 3:9) подчёркивают центральную роль рода Калев в определённый период израильской истории.

Оказывается, что имя этого влиятельного израильского рода оставило следы в названиях очень широкого географического ареала.

В письменных документах II тыс. до н.э. из северо-западной Сирии этнические группы Халеб упоминаются вместе с кочевниками хабиру и другими ([48], стр. 20). Одно из арамейских княжеств I тыс. до н.э. называлось Дом Халупе. Главный город северной Сирии до сих пор называется Халеб (на европейских языках Алеппо). Пророк Йехезкель (Иезикииль, 27:18) упоминает город Хелбон в районе Дамаска, славившийся вином (о связи древних кузнецов

с виноделием см. подробнее [56], гл. XI.

Связь библейского рода Калев с Кназ, Каин и "городом меди" показывает, что этот род был, по крайней мере генетически, связан с народом халибов, жившим по сведениям греческих авторов в северо-восточной Анатолии рядом с тибаренами и занимавшимся почти исключительно добычей и обработкой металла (см. [56], стр. 128). Очень интересное замечание мы находим у Плиния: "Металлургия, как некоторые считают, была введена халибами" ([56], стр. 128).

Связь имени Калев с металлургией сохранилась и в литовском языке, где "кузнец" — kalvis происходит от того же корня Калев (в русской орфографии имя Калев иногда пишут Кхалев или же Халев), что соответствует также названию финского эпоса "Калевала", героем которого является кузнец.

Кузнецы — основатели городов

Первая русская летопись "Повесть временных лет" содержит легенду об основании города Киева тремя братьями, которых звали Кий, Щек и Хорив. Согласно этой легенде, старший из братьев, Кий, дал городу своё имя. Высказывалось мнение, что наименования Кий и Киев грамматически связаны с корнем "ков-куй", а значит, с кузнецами.

Давно было замечено (см. [16]), что русская легенда о начале Киева напоминает древнюю армянскую легенду о трёх братьях, имена которых тоже отчасти сходны с именами из русской летописи: Куар, Мелтей и Хореан — основатели городов. И обе эти легенды имеют ряд совпадений с библейским сказанием о сыновьях Адама и Евы. У Адама и Евы было три сына — Каин, Эвель (Авель) и Шет. Набор имён похож как на тройку "Кий, Хорив, Щек", так и на "Куар, Мелтей, Хореан". Есть и другие совпадения. Единственное упоминание о деятельности Каина после убийства брата и изгнания — это то, что он основал город, видимо, первый на земле. "И построил он (Каин) город и назвал город по имени сына своего" (Бытие, 4:17).

В Шумерском царском списке первые восемь царей, т.е. все цари, жившие до потопа, распределены по пяти городам. О городе первых двух царей разные варианты списка дают разные сведения. Из трёх основных копий, дошедших до нас, две утверждают, что первым городом был Эриду, а третья копия, по мнению наиболее авторитетного эксперта Т. Якобсена, первым городом называет город Куара. Он же приводит аргументы в пользу того, что вариантами произношения для Куара были также Кувара и Кубара. "Куара — Кувара" определённо кажется словом, связанным с грамматическим корнем "ков — куй", ассоциируемым с кузнеца-

ми. "Куара" весьма похоже на "Куар" — армянский вариант для имени "Кий — Каин".

Следующие три царя правили в городе Бад-Тибира, название которого означает "город медников", говоря иначе, "город кузнецов" [58]. Связь наименований городов с кузнецами подтверждается и названием четвёртого города — Сиппар (шумерское произношение "Зимбир"), что по-шумерски означало "бронза" ([9], стр. 54).

Получается, что из пяти первых городов, упомянутых шумерской традицией, два безусловно связаны с кузнецами (а именно Бад-Тибира и Сиппар), а третий — с большой долей вероятности (это зависит от того, какую версию считать оригинальной: "Куара" или "Эриду").

Очевидно, сходство географических названий Шумерского списка с названием из библейских, славянских и армянских сказаний отражает общую эпическую традицию, свидетельствующую о том, что самые древние города были основаны "первыми кузнецами". Учёные установили, что упоминаемые в Шумерском списке города реально существовали (как Киев). Следовательно, такие названия, как Бад-Тибира, Сиппар (Зимбир) и, возможно, Куара (Кувара), показывают, что, по крайней мере, некоторые из самых важных и древних городов Шумера действительно были основаны родами кузнецов. Предположить, что эти самые города с этими самыми именами существовали до потопа, невозможно: как сумели бы люди, поселившиеся в разрушенной потопом стране, правильно восстановить названия погибших городов?

Ассирийские хроники II тыс. до н.э. упоминают город Каина в Западном Иране (см. [56], стр. 52). В Восточном Иране недалеко от города Фирдоус (бывший Тус), переименованного так в честь великого поэта, воспевшего Каве и "истинных царей-кеев", есть Кайенские горы с главным городом Кайен.

Названия городов Западного и Восточного Ирана — Каина, Кинна, Кайен — перекликаются с названиями городов колена Иуды, упоминаемых в Библии: Кина (Иошуа, 15:22) и Каин (цит. 15:57), и одного из главных городов Гильада (заиорданской части Израиля) — Кенат.

Заметим, что названия Кина, Каин, Кенат пишутся через "коф" (т.е. относятся к тому же корню, что и *каин* — кузнец).

Треугольник дальних связей

Археологией установлено, что население Анатолии и Месопотамии III тыс. до н.э. широко пользовались изделиями из оловянистой бронзы. Известно, что олово доставляли сюда через Иран. Но до сих пор не найден ответ на вопрос, какими путями и откуда попадало олово в Иран. Некоторые новей-

шие исследователи, опираясь на строки из Страбона ([79], т. 3, стр. 126) полагают, что места добычи олова находились в Восточном Иране или Афганистане, но пока не найдено материальных подтверждений такой точки зрения. Однако в географии и археологии Ирана сохранились следы активности древних кланов кузнецов. О городах Каина, Кина, Кайен и названии Кайенские горы уже говорилось. Прикаспийская часть Ирана, где в III тыс. до н.э. процветали металлургия и ювелирное искусство, называется Табаристан, то есть "страна Табар", что ассоциируется с Туваль — Тибира. В ней, согласно Страбону, жил народ "тапиры" [79]. Э. Херцфельд ([56], стр. 248) указывает, что письменные памятники Ассирии первой половины I тыс. до н.э. называют не только Табал из Восточной Анатолии, но и другой Табал, расположенный на северо-западе Ирана, где-то рядом с Табаристаном.

В первой части мы уже рассказывали о луристанских бронзах и металлургах Луристана. Луристан — часть древнего Ирана, неподалёку от Шумера и Элама. Расцвет луристанской металлургии приходится на первую половину I тыс. до н.э. и, согласно Гиршману [45], связан с ирано-арийской экспансией. В последние десятилетия археологам удалось доказать [82], что блестящая металлургическая традиция Луристана намного древнее I тыс. до н.э. и что активные металлурги-кочевники жили там, по крайней мере, с начала III тыс. до н.э. Важно отметить, что их металлургическая культура в III тыс. до н.э. была почти неотделима от Шумера.

В луристанских бронзах I тыс. до н.э. есть много сходного с изделиями кавказских мастеров этого же времени [80]. Соответствующую культуру Кавказа называют "кобанской" по имени осетинской деревни Кобан, возле которой в прошлом веке нашли богатые захоронения, содержащие множество замечательных изделий из бронзы и железа. Постепенно выяснилось, что эта культура представлена в довольно широком ареале к северу и югу от Кавказских гор. Установлено, что в этом географическом районе (северо-западная Грузия и западная половина Северного Кавказа), как и в Луристане, развитая металлургическая традиция намного древнее I тыс. до н.э. и начинается, видимо, с середины IV тыс. до н.э. Именно этим временем датируется сейчас начало Майкопской культуры на Северном Кавказе [1]. Об этой культуре наиболее ярко свидетельствует Большой майкопский курган: по богатству находок его сравнивают с царскими гробницами Анатолии (Аласа-Худжук) и Шумера (Киш и Ур). Однако Большой майкопский курган на 500-700 лет старше этих гробниц [1].

Обратим внимание на то, что само название деревни Кобан кажется вариантом уже известных нам Коваль — Каин, то есть относящихся к корню "ков

— кую". Слово Кобан сходно по звучанию и с именем кельтского бога кузнечного дела Goibniu.

Со словом Кобан созвучно название реки Кубань, в бассейне которой размещалась Майкопская культура ранней фазы, и название целой области Кабарда, расположенной в том же районе. География северо-западного Кавказа сохранила реку и местность с названием Теберда. Кабарда и Теберда вместе напоминают Каве — Каин и Тибира — Тувал, объединившихся в сдвоенном имени первого библейского кузнеца Туваль-Каина. Отметим, что Теберда и Кобан расположены возле главных горных перевалов, через которые с давних времён шли пути из Закавказья на Северный Кавказ.

Если на карте соединить прямыми линиями Восточную Анатолию, Луристан и западный Кавказ, то получится треугольник, стороны которого совпадают с древними торговыми путями, связывавшими эти районы. Путь из Анатолии в Луристан оказывается "Царской дорогой персов", описанной Геродотом [55]. Торговый путь из Ирана на Кавказ упомянут Страбоном [79] и упоминается всякий раз, когда говорится об активности скифских племён. Очень древний путь из Луристана к Закавказью прослежен археологически, в частности, в [25].

Наличие этого пути объясняет сходство стилей луристанских и кобанских бронз первой половины I тыс. до н.э. Обе традиции рассматриваются как естественные предтечи "звериного" (зооморфного) стиля", разнесённого скифами в середине I тыс. до н.э. по огромным пространствам Евразийской степи от Дуная до Монголии.

Связь восточной Анатолии с западным Кавказом скорее всего осуществлялась через морские пути восточного Черноморья. Это подтверждается многими археологическими свидетельствами, касающимися металлургии обоих районов в эпоху от конца IV тыс. до н.э. до I тыс. до н.э. Уместно напомнить, что античное название Грузии — Иберия. Иосиф Флавий (I в. н.э.) утверждал, что эта Кавказская Иберия (а другая Иберия была в Испании) соответствует этносу Туваль. Древней столицей Кавказской Иберии был город Мцхета, название которого напоминает этническое название *мосхи*, связываемое с древним Закавказьем ([79], т. 2, стр. 225). Мосхи же немедленно ассоциируются с народом "Мосхи — Мешех — Мушки", которые, как мы знаем, упоминались в парах "мосхи — тибарены" и "Мешех — Туваль".

Мцхета находится рядом с другим важным городом — нынешней столицей Грузии Тбилиси. Пара названий Тбилиси — Мцхета похожа на Туваль — Мешех и на Тибарены — Мосхи. Это двойное совпадение, конечно, может быть и случайным, но всё же свидетельство Иосифа Флавия примечательно, как и корреляция с Триалетской культурой —

удивительным очагом металлургии и ювелирного дела, существовавшим в этом районе ещё с шумерских времён.

4. На рубеже предыстории и истории

Генеалогии, сохраняемые устной традицией, обычно представляют прошлое как некую пирамиду, в основании которой помещаются эпические сказители и их окружение, а на вершине — эпический предок рода.

На самом деле, если бы эпический повествователь достоверно представлял прошлое, то картина оказалась бы совершенно иной: в вершине пирамиды — рассказчик, а в основании — многочисленные предки (у каждого родителя есть два родителя и т.д.). Другими словами, картина прошлого с эпическим предком в начале рода заведомо нереальна и, по всей видимости, отражает порядок наследования и старшинства (так, например, в русских аристократических семьях сохранялась память о связях с родом Рюрика).

Но в устной передаче с трудом сохраняется и такая картина. Учёные установили [40], что существующие ныне племена с устной генеалогической традицией постоянно пополняют генеалогическую пирамиду известными им на данный момент названиями родственных племён. Эти названия превращаются в имена эпических предков, которыми заполняют пустые, то есть "выветрившиеся" ячейки в генеалогии.

Так делалось, видимо, и в далёком прошлом. В генеалогическом древе Ноя большинство имён представляют собой названия народов, известных израильтянам II и I тыс. до н.э. С другой стороны, имена предков, ведущих от Ноя к Аврааму (то есть к роду хранителей эпоса) почти не связаны с географическими или этническими названиями. Генеалогическая линия Ной-Авраам была центральной для хранителей эпоса и содержала главную информацию о прошлом рода. Остальные же линии дополнялись и изменялись в зависимости от географических знаний разных эпох.

Их трёх сыновей Ноя — Хама, Шема и Яфета — "центральным", то есть стоящим на линии Ной-Авраам, является Шем. Имя это в других, то есть не генеалогических, главах Библии ни разу не упоминается. О Шеме сразу говорится, что он "отец всех сынов Эвера", хотя Эвер и не следует сразу за Шемом в родовом списке. Так эпический повествователь подчёркивает особую важность Шема для "сынов Эвера" (евреев) — этноса, к которому он относит и себя.

Похоже, что в необычном выражении "всех сынов Эвера" сохранилось воспоминание о разбросанности их в пространстве, что мешало, на первый взгляд, возвести их к общему родовому предку. (Подобным образом библей-

ская традиция относит всех современных евреев к потомству (роду) Авраама, Исаака и Яакова).

По Библии, у Шема было пять сыновей: Элам, Ашур, Арпахшад, Луд, Арам. Имена Элам, Ашур, Луд, Арам легко ассоциируются с названиями могущественных стран и народов, хорошо известных в I тыс. до н.э. Элам — страна на юго-западе нынешнего Ирана, Ашур — это правильное название Ассирии по её главному богу и главному городу, Лидия (в ассирийских документах она называется Луд) — страна в Малой Азии и, наконец, арамеи (Арам) — воинственные племена Северной Месопотамии и Сирии, боровшиеся в начале I тыс. до н.э. с Ассирией за господство в Месопотамии. Интересно, что Луд, Арам, Ашур, Элам расположены вдоль "Царской дороги персов", которая вела из столицы Лидии Сарды в столицу Элама Сузы.

Арпахшад

Для имени пятого сына Шема Арпахшада (прямого предка Авраама) не находится убедительных географических соответствий. В Библии имя Арпахшад встречается только в родовых перечнях. С другой стороны, это имя фигурирует в книге Юдифь, сохранившейся в греческом переводе и вошедшей в православную и католическую Библии. В книге Юдифь описываются события середины I тыс. до н.э., Арпахшад здесь — имя мидийского царя. Возможно, рассказанное о Юдифи есть просто легенда (во всяком случае, мидийский царь Арпахшад историкам не известен), но есть одна любопытная лингвистическая деталь, на которую стоит обратить внимание. Во главе Мидии, бывшей великой державой между 700 и 550 годами до н.э., стояли ираноарийские этнические группы. С другой стороны, часть имени "хшад" (иногда в формах "кшат", "кшата", "кшатр" и т.д.) — один из стандартных признаков, по которым исследователи узнают имена древних ирано-ариев (см. [8], стр. 240, 373). Дело в том, что на их языках "кшая" означало "царь"; "кшатр" — "царство", "кшаэта" ("кшата") — "царственный", "блистательный" и т.д. До сих пор в Индии каста воинов (из неё выходили цари) называется "кшатрия". Таким образом, Арпахшад из книги Юдифь, будучи царём Мидии, носит имя, имеющее по крайней мере, ирано-арийский ("царский") элемент — "кшад".

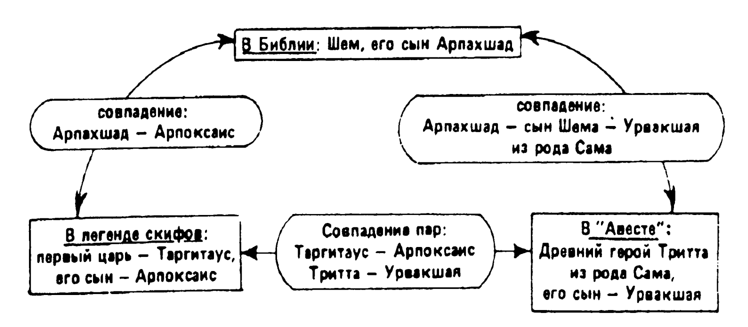
Существуют и другие указания на ирано-язычный характер имени Арпахшад. Геродот ([55], кн. IV, 5-6) приводит легенду скифов об их происхождении (следует помнить, что скифы были ирано-язычным племенем). Согласно этой легенде, первый царь скифов Таргитаус имел трёх сыновей, которых звали Липоксаис, Арпоксаис и Колаксаис. Если учесть, что в греческом языке не было

звука "ш" (например, в греческом переводе Библии "Арпахшад" — это уже "Арфаксад"), то нельзя не видеть, что имя Арпоксаис из скифской легенды практически совпадает с библейским Арпахшад. Совпадает в некоторой степени и контекст, в котором встречаются эти имена: в Библии Арпахшад — один из пяти сыновей эпического героя Шема, у скифов Арпоксаис — один из трёх сыновей их легендарного первого царя. Имя этого царя "Таргитаус" в форме "Таргита" ("с" в конце могло быть стандартным греческим добавлением) похоже на известное из "Авесты" имя одного из самых древних героев ирано-арийского эпоса — Тритта. В тексте "Авесты" говорится ([25], Yasna IX:10): "У Тритта, самого могущественного из рода Сама... родились два сына: Урвакшая и Кересаспа". Здесь название рода Сама похоже на библейское Шем, а имя Урвакшая ассоциируется с библейским Арпахшад. Получается следующий треугольник совпадений:

Урвакшая упоминается в "Авесте" несколько раз ([25], Yashts; XV, 28; XXIII) в качестве мудреца и собирателя. В "Авесте" же содержится отзвук какой-то легенды о его трагической смерти. Брат Урвакшая Кересаспа фигурирует в "Шахнаме" под несколько изменённым именем Герджасп. Это имя там иногда путается с именем другого важного персонажа — героя по имени Сам. В этой путанице нетрудно увидеть след авестийской версии, по которой Кересаспа — из рода Сама.

Сагартии, Сака, Сагаз

Э. Херцфельд считал ([56], стр. 333), что с родом Сама ("Авеста") связано название одного из исторических племён Ирана, которое греческие историки называли Тамании. Геродот упоминает *таманиев* вместе с сагартиями и сарангиями. Сарангии жили в восточно-иранской области Дрангиана, о кото-

рой Страбон пишет, что здесь добывали олово. Сагартии (вариант "Асагартии"), по Геродоту, — племя, которое вело кочевой образ жизни в Иране. В Персидской империи они единственные, не считая самих персов, кто поставлял армии кавалерию. Они владели необычным способом ведения войны — вели нападение с применением лассо (см. [55], кн. VII, 84-85).

Сагартии — одна из первых ирано-арийских этнических групп, упоминаемых в письменных документах Ассирии. Ассирийские армии сталкивались с ними уже в VIII в. до н.э. в Северо-западном Иране (район озера Урмия) [56].

Поскольку сагартии вели специфически кочевой образ жизни, их племенное имя, вероятно, обязано своим происхождением слову Сагарата, в свою очередь составленному из двух слов — *Сага* + *Рата*, где *Сага* — слегка изменённое санскритское (индоарийское) *сака*, что означает "повозка, телега", а *рата* — индоевропейское "ездить". Иначе говоря, *сагартии* — это "ездящие на повозках, телегах". Но именно так древние авторы воспринимали скифов, народ, живущий на повозках, фургонах. Если вспомнить, что настоящее название скифов было *сака* (в такой форме оно фигурирует во всех иранских источниках), то можно предположить, что *сака* — это вариант для названия того же племени, что и *сагартии*, и что название *сака* вначале тоже означало "повозочники", "тележники", от слова *сака* — "повозка", "телега", уцелевшего в санскрите.

Воинственные кочевники, первые упоминания о которых исследователи находят в шумерских документах, начиная со второй половины III тыс. до н.э., назывались *сагаз* [22]. Примерно этим же временем датируется первые глиняные модели повозок-фургонов, которые археологи находят в ряде районов Месопотамии ([73], стр. 273). В III тыс. до н.э. Месопотамию с Ираном соединяла развитая система торговых путей, и вполне естественно предположить, что жители Шумера сталкивались с кочевниками из Ирана, ездившими на повозках и контролировавшими важные торговые пути. Люди из племени *сагаз* — если верить источникам — мало отличались по образу жизни от *сака* (скифов), много позже описанных греками. Сходство образа жизни и сходство названия делают весьма вероятным предположение, что племена *сагаз, сака* и упомянутые выше *сагартии* являются ответвлениями от одного этноса " *повозочников* ", "*тележников*", известного клинописным источникам уже с III тыс. до н.э.

В месопотамских источниках начала II тыс. до н.э. упомянут город Сагартим (похоже на "Сагарата"), находившийся, по-видимому, в районе верхнего Хабура (см. [75], стр. 203), возможно, на одном из участков "царского пути" из Анатолии в Элам. С

другой стороны, известно, что кочевники *сагаз* действовали в этом районе в начале II тыс. до н.э. [48].

Хабиру

Историки особо интересовались кочевыми племенами *сагаз* неслучайно. Эти племена упоминаются письменными документами на протяжении всего II тыс. до н.э. Анализ материальных и письменных источников постепенно привёл учёных к выводу, что люди племён *сагаз* тождественны кочевым племенам *хабиру* (вариант *апиру*). С большой степенью вероятности *хабиру* (*апиру*) отождествляются с библейскими *сынами Эвера* (то есть с *иври* — евреями). *Эвер* и *иври* (или *ибри*) на иврите начинается с гортанного звука, передаваемого буквой "аин". В клинописи соответствующий звук передавался как "х" ([48], стр. 90). Иначе говоря, *иври* (с "аин" впереди) должно было передаваться как *хиври* (или *хибри*), откуда и происходит *хабиру*.

Первое ясно расшифрованное письменное упоминание племён *сагаз* относится к правлению позднешумерского царя Шульги (около 2200 года до н.э.) (см. [22], стр. 57). Шумерский автор пишет: "Сагаз — неуправляемые люди. Зелёные равнины их опустошены. Мужчины их идут куда хотят, а женщины не выпускают из рук прядильных веретён. Они разбивают станы свои, где пожелают. И установлений Шульги, царя моего, они не выполняют".

По-видимому, этот отрывок — первое дошедшее до нас свидетельство о том конкретном этносе, из которого вышел древний Израиль. И в этом раннем отрывке уже отчётливо слышатся предвестия тех отзывов о евреях (израильтянах), которые воспроизведёт впоследствии Библия, вложив их в уста чужестранцев.

Таково утверждение из песни Валаама (Числа, 23:9): "Вот народ отдельно живёт и между нациями не числится". Другой пример — известное место в книге Эстер (Эстер, 3:8), где Аман говорит персидскому царю о евреях: "Есть один народ, рассеянный и разделённый между народами во всех странах твоего царства. Установления их отличаются от (установлений) всех народов и законов (установлений) царя они не выполняют".

Упоминания о *хабиру-сагаз* распределены примерно в той же пространственно-временной последовательности, в какой Библия даёт историю евреев от Авраама (конец III тыс. до н.э.) до захвата земли Ханаанской и постоянного поселения в ней во второй половине II тыс. до н.э.

В Библии первый географический пункт, с которым связана история семьи Авраама — это "Ур халдеев" — столица Шумера времён царя Шульги, что совпадает с первыми упоминаниями о *ха-*

биру-сагаз в южной Месопотамии на рубеже III и II тыс. до н.э.

Из Ура семья Авраама переезжает в северомесопотамский город Харран. Там окончательно укореняется род брата Авраама Нахора (Бытие, 24:10; 29:4). Но именно в этом районе (бассейны рек Хабур и Балих) племена *хабиру-сагаз* были особенно активны в первой трети II тыс. до н.э.

Последний этап предыстории Израиля — переселение в Ханаан, переход в Египет, возвращение оттуда и завоевание части Ханаана — отражён, в частности, в том эпизоде (Бытие, 15:18), где Авраам слышит слова Бога: "Семени твоему Я даю эту землю, от реки Египетской до реки великой, реки Евфрата". Письменные данные о *хабиру-сагаз* второй половины II тыс. до н.э. в подавляющем большинстве относятся к областям, лежащим к югу от Евфрата, — это район Алеппо, Левант и Египет [48]. Кроме того, в Тель-амарнском архиве египетских фараонов (первая половина XIV в. до н.э. [48]) хранится много писем от египетских вассалов из Ханаана с просьбой о помощи против нападений *хабиру-сагаз*.

Библия считает родственными Израилю народы, жившие к востоку от Иордана. Так, про *аммон* и *моав* сказано, что они — "сыны Лота, племянника Авраама"; народ *эдом*, проживавший южнее, происходил от Эсава, брата Яакова-Израиля. Такое мнение подтверждается многочисленными пересечениями генеалогических линий Израиля и Эсава (см. Паралипоменон I, 1-8). Есть родственные пересечения линий Израиля с "*сынами Ишмаэля*" — кочевниками, жившими дальше к востоку ("*Бней-Кедем*" — "Сыны Востока") (ср. Паралипоменон I, 1:29, 30 с Паралипоменон I, 4:25), а также с арамеями (Арам) — кочевыми группами, обитавшими севернее (ср., например, Паралипоменон I, 2:48 и 7:16 с 10:6 (2-я Книга царств, 10:6).

В древней израильской молитве были такие слова (Втор., 26:5): "Отец мой — бродячий арамей". Выражение "бродячий арамей" — приблизительный перевод ивритского выражения *арами овед*. В современном иврите корень *авад* означает *потерял* и *арами овед* могло значить "пропащий арамей", вся фраза, в таков случае: "Отец мой был пропащим арамеем". Ассирийцы в эпоху борьбы с арамеями за гегемонию в Месопотамии (в которой в конце концов победил, во всяком случае, арамейский язык) называли арамеев *мар хабату*, то есть *сыны хабату*. Слово *хабату* ассоциируется с *овед* (*обед*). В ассирийско-вавилонском лексиконе *хабату* означало что-то вроде *разбойник с большой дороги* [48]. Вместе с тем в клинописных словарях шумерская идеограмма для *сагаз* иногда переводилась как *хабату* [48]. Современное *бедуин* (арабское *беду* — кочевник), возможно относится к тому же корню, что и *овед* (*обед*) и *хабату*

В генеалогических перечнях Израиля упомянуты роды *рекабитов* — *рекаб* или *рехав* (Паралипоменон I, 2:55; "Септуагинта": Паралипоменон I, 4:8. 12), очевидным образом связанные с арамейским *рехаб* (Самуил II, 10:8; Числа, 13:22; Судьи, 18:28). *Рекав* на иврите — *повозка*, так что роды *рекав* (*рекабиты*) в переводе означает *повозочники*. Возможно, перед нами семитский эквивалент иранских названий *повозочников* — *сагарата-сагаз*. В книге Иеремии (гл. 35) рассказано об израильтянах-рекабитах, которые сохраняли верность древним кочевым обычаям и связывали эту верность с религиозной праведностью (их духовный вождь упомянут и в книге Царств (Цари II, 10:15, 23): он помогает царю Йеху бороться с язычеством. Рекабиты говорят о себе (Иеремия, 35:9, 10): "У нас нет ни виноградников, ни полей, ни посевов. Живём в шатрах".

Создаётся впечатление, что библейские данные, как и данные клинописных табличек о сынах Эвера (*хабиру-сагаз*), арамеях и других кочевниках, отражают длительный процесс расселения с конца III до конца II тыс. до н.э. (археологически эта эпоха среднего и позднего бронзового века), воинственных кочевых групп, тесно связанных между собой. В результате этого процесса часть сынов Эвера осела в Месопотамии, а другая часть сконцентрировалась в более западных областях, и от них пошли арамеи, израильтяне и соседи Израиля к востоку от реки Иордан.

Царские династии начала II тысячелетия до н.э.

Один из самых больших клинописных архивов, найденных на Ближнем Востоке, — архив Мари (Мари — древний город на среднем Евфрате) — относится к началу II тыс. до н.э. [60].

Многие тексты из этого архива часто упоминают воинственных кочевников, живших в области, контролируемой царями Мари. Документы отличают два, видимо, родственных клана: *бану-сималь* ("сыны севера" или "северяне") и *бану-ямина* ("южане"). А.Фине, французский исследователь, доказывает [39], что кочевники *сималь* — это *хабиру*, которых тоже, в свою очередь, упоминает архив Мари. С другой стороны, название *бану-ямина* созвучно имени одного из израильских колен (Биньямин). Израильские *биньяминиты* отличались особой воинственностью и агрессивностью (см. Судьи, гл. 20).

Праотец Яаков-Израиль говорит о них (Бытие, 49:27): "Биньямин — хищный волк, утром поедает добычу, а вечером делит трофеи".

Среди *бану-ямина*, по источникам из архива Мари, выделяется пара тесно связанных между собой родов: *овнану* и *яхруру* [60]. Учёные давно обратили внимание на то, что пара *овнану-яхруру*

похожа по названию на библейскую пару *Онан-Эр* — сыновья Иуды, соответствующие родам, исчезнувшим до ухода в Египет (Бытие, 46:12). Наличие буквы "*вав*" в *Онан* могло давать в произношении *Овнан*, а имя *Эр* из-за буквы "*аин*" клинопись должна была передавать как "*эхр*", то есть близко к "*яхруру*" (см. выше, стр. 60).

Имена *овнану* и *яхруру* встречаются не только в документах архива Мари, но и в других клинописных источниках [40]. Уже высказывалось мнение, что именно эти роды сыграли решающую роль в смене правящих династий южной Месопотамии в начале II тыс. до н.э. Ещё в конце прошлого века исследователи заметили, что у царей и вельмож из новых месопотамских династий имена напоминают библейские. Для носителей новых имён из южной Месопотамии было даже предложено новое название: "восточные ханаанеи". Соответствующий язык (его условно называют аморейским) по ряду признаков ближе к арабскому языку, чем к аккадскому (семитскому языку клинописи). Получается определённая корреляция с названием "*бану-ямина*" — "сыны юга". Подробный анализ археологических свидетельств миграций кочевников в III и II тыс. до н.э. будет дан в части III Пока же отметим, что, согласно Библии, род Авраама после первого поселения в Ханаане сохранил тесные связи с родственными группами северной Месопотамии (например, с "городом Нахора", который, кстати, упоминается и в архиве Мари). Часть этого рода мигрировала обратно с юга на север ("бегство Яакова") и позже снова вернулась в Ханаан. Интересно что, по Библии, Биньямин — единственный из сыновей Яакова, который родился не в северной Месопотамии, а на юге, в Ханаане.

Самая выдающаяся из новых "аморейских" ("восточноханаанских") династий южной Месопотамии — это так называемая первая династия Вавилона, к которой принадлежал знаменитый царь Хаммурапи, создавший империю и оставивший кодекс законов, столько раз смущавших исследователей совпадениями с законами Моисея.

В 1966 г. вышла статья известного специалиста по клинописи Дж. Финкельштейна [40], в которой даётся анализ необычного клинописного документа, содержащего генеалогию династии Хаммурапи. Дж. Финкельштейн показывает, что в самом важном месте генеалогии — переходе от этногеографических имён к реальным стоит пара *овнану-яхруру*. Отсюда делается вывод, что *овнану-яхруру* — это "почти наверное племенная группа, из которой династия Хаммурапи выводила себя прямым и сознательным образом". Далее ([40], стр. 101) автор анализирует связь генеалогии династии Хаммурапи с так называемым "царским списком Ассирии", дошедшим до нас в нескольких клинописных копиях. По ассирийской

традиции, их первые семнадцать царей "жили в шатрах", иначе говоря, были кочевниками. Д. Финкельштейн показывает, что первые десять имён генеалогии Хаммурапи и Ассирийского царского списка почти полностью совпадают, отличаясь главным образом порядком.

Это означает, что династии ассирийских и вавилонских царей имеют родственное происхождение. В определённом родстве с ними, должно быть, состоят и другие династии II тыс. до н.э., носившие схожие ("аморейские") имена и поделившие между собой в это время всю Месопотамию и Сирию на несколько довольно крупных царств. Лингвистические совпадения с библейскими именами, связи с *сималь, хабиру, бану-ямина* и *овнану-яхруру*, кочевой характер и общность происхождения племенных групп, захвативших на рубеже III и II тыс. до н.э. власть в городских центрах Месопотамии и Сирии, показывают, что эти группы принадлежали к тому же массиву *хабиру-сагаз*, что и воинственные кочевники, положившие начало древнему Израилю*.

"Терах, отец Авраама и отец Нахора"

В "Генеалогии династии Хаммурапи" 600 лет, предшествующих написанию этого документа, разделены на три эпохи, или династии (*бала*): *бала Гутиев*, *бала Хана* и *бала Амурру*. Эти названия династий последовательно связаны с названиями трёх географических областей: Западного Ирана ("страна Гутиев"), левобережья среднего Евфрата ("Хана") и западной Сирии с Левантом ("Амурру"), совпадающая с библейской страной "от Евфрата до реки Египетской", что соответствует продвижению кочевых групп, вторгавшихся с востока и, возможно, с севера в Месопотамию во второй половине III тыс. до н.э. (*гутии, умман-манда, лулпубы* клинописных источников). Вторгшиеся кочевые группы разгромили Аккадскую империю, властвовавшую над Месопотамией и Сирией; и даже основали свою династию царей, называвшуюся Гутийской и правившую на территории бывшей Аккадской империи около 100 лет (примерно с 2350-го по 2250 г. до н.э. [68]).

Имена царей Гутийской династии во второй половине неожиданно становятся семитскими и, кажется, даже западно-семитскими. Это обстоятельство и ряд других соображений [40] заставляют думать, что основной центр вторгшихся в Месопотамию гутиев помещался не на юге её (как у аккадских

---

* В своё время выдающийся востоковед У.Олбрайт писал об открытии Дж.Финкельштейна следующее: "Эти замечательные таблички... по-видимому, доказывают, что предки евреев (ancestral Hebrews) основали Первую династию Вавилона и что они обладали своего рода гегемонией в северной Месопотамии после периода гутийских царей" ([22], стр. 81). И далее, (прим. на той же стр.): "Есть упоминания сагаз в гимне Ишме-Дагана, царя Исина (южная Месопотамия, около 2070 до н.э. по ([68])... "Я сломил *сагаз* боевым топором; на шею его я надел ярмо". Но эта попытка подавить неукротимую энергию *апиру* (*хабиру*), кажется, не была успешной; примерно через полстолетия они уже владели значительной территорией самой Вавилонии" ([22],прим. на стр.81).

царей), а в районе среднего Евфрата. Наличие здесь важного города Терка, связанного с последним гутийским царём Тирикканом, может означать, что район Хана-Терка приобрёл особенное значение для гутийской династической верхушки после крушения имперской Гутийской династии (примерно в 2250 г. до н.э.). Видимо, это обстоятельство и отражено в "Генеалогии династии Хаммурапи", когда *бала Хана* следует за *бала Гутиев*. Известно, кроме того, что родственная Хаммурапи династия царей Ассирии выводила своих непосредственных предков из города Терка (в честь их приносились жертвы в специальном храме в Терка).

Порок Йехезкель упоминает страну Хана, называя рядом и город Харран. Это лишний раз подтверждает, что город Харран находился в стране Хана. И тогда библейская история о переселении рода Тераха, отца Авраама, из шумерского Ура в Харран, да ещё после смерти сына (Бытие, 11:2), начинает удивительно напоминать переход гутийского династического центра из Шумера (южной Месопотамии) на средний Евфрат (район Хана-Терка) после разгрома на юге (в 2250 г. до н.э.).

Имя одного из сыновей Тераха Нахор совпадает с названием города Нахор (позже "Нахирия" [22], находившегося в стране Хана. Но тогда естественно связать и имя самого Тераха с городом Терка, а через него и с именем последнего царя Гутийской династии — Тириккана (согласно поздне-шумерской традиции, он был убит на сороковой день своего правления).

По Библии, сын Тераха Авраам отправляется владеть страной "от Евфрата до реки Египетской", то есть страной Амурру, а внук его Яаков возвращается на какое-то время на север, в "страну Нахора". Здесь легко заметить параллель с переходом от *бала Хана* к *бала Амурру* в "Генеалогии династий Хаммурапи", а также с выведением этой династии из *бану-ямина* ("сынов юга"). Становится также понятным, почему цари династии Хаммурапи носили титул "царь Амурру" [26]. Этот титул подчёркивал, что вернувшиеся на средний Евфрат *бану-ямина* ("сыны юга") уже владели к тому времени страной Амурру и, кроме того, придавали очень важное значение этому владению. Заслуживает внимания и то первостепенное значение, которое Библия придаёт владению страной Амурру — Ханаан: в Библии это владение — символ союза рода Авраама с Богом. Археологические следы вторжений в Ханаан кочевников эпохи крушения Аккадской империи подтверждают, что Ханаан, будущая страна Израиля, становится для них важным центром (подробности в части III).

Два города Тириккан в Западном Иране ассоциируются с воинственными этническими группами и страной Турукки (варианты — "Туркиш" и "Тукриш"), которые упоминаются месопотамскими

документами II тыс. до н.э. (см. [56], § 192). Рядом с "Турукки" (или в их области) помещается нынешний город Сакиз (южнее озера Урмия), связываемый с Сака (скифами) [46]. Город в Западном Иране с очень близким названием "Сакуш" упоминают ассирийские цари второй половины II тыс. до н.э. (см. [56], стр. 78). Сака-Сагаз — Сагартии ("повозочники"), название которых на арийских языках связано с санскритским *сака* — "повозка", а в семитской области, по-видимому, передавалось в переводе как *рекав* (семитское "повозка"), могли иметь и эквивалентное этническое название "Турукки", ассоциируемое с рядом индоевропейских терминов для "повозки", соответствующих славянским "телега", "дроги" (ср. английское "truck") и родственными словам "дорога" и "торг", "торговля". Напомним, что у славян было племя с похожим названием "дреговичи" ("Дрогобыч").

С этническим названием "Турукки", оставившим следы в виде царского имени "Тириккан" и городов Терка-Тириккан, естественно связать и имя рода Терах, из которого древний Израиль выводил праотца Авраама и своих непосредственных предков.

Часть III. МОДЕЛЬ ПРЕДЫСТОРИИ

В этой части делается попытка реконструкции предыстории. Все даты, приведённые в ней, условны и выбраны так, чтобы, не выходя за пределы, очерченные данными, полученными при помощи радиоуглеродного метода, указывать вместе с тем на определённую согласованность событий, принадлежащим разным эпохам и разным географическим районам. Некоторые из этих условных дат, особенно те, что относятся к IV тысячелетию до н.э. расходятся с таблицей Дж. Меллаарта из [68]. Размеры журнальной статьи не позволяют входить в детальное обсуждение многих наблюдений, связанных с археологическим материалом. Там, где это было возможно, мы давали подробные ссылки. Отсутствие ссылок обычно означает, что речь идёт о субъективных наблюдениях и точке зрения исключительно самого автора.

Читая статью, легко заметить, что одна из главных идей в предлагаемой модели — отказ от принципа локальности, т.е. представления, что поведение активных человеческих групп в древности определялось главным образом реакцией на местные условия и местных конфликты. Развитие цивилизации занимает немногим более двенадцати тысяч лет и происходит в

столь ограниченных регионах, что её эволюция, основанная на локальных принципах, аналогичных дарвиновскому естественному отбору, не имели бы ни времени , ни места для исправления ошибок и повторения проб.

Память и воображение людей, наделённых творческими способностями, — достаточно эффективные инструменты для преодоления пространственных и временных промежутков в тысячи километров и сотни веков. Глобальное осознание мира и истории было доступно человеческому интеллекту тысячелетия назад не в меньшей степени, чем сейчас. Именно такое осознание помогало людям за последние головокружительные двенадцать тысяч лет выбирать правильные пути и двигаться вперёд, хотя стихийные бедствия, войны и деспотические империи могли, казалось бы, полностью вытравить творческую активность и уничтожить самую возможность развития.

Заключительная часть статьи подводит нас к середине II тыс. до н.э., к периоду, когда одна из главных арменоидных групп, стоявших в центре наиболее значительных событий предыдущих тысячелетий, пережила религиозное потрясение, глубинный смысл которого не совсем ясен, кажется, и сейчас. Даже такие самые простые принципы новой религии, как единство человеческого рода, восходящего к общим праотцу и праматери, сотворённым по образу Божию, или понимание ничтожности власти и могущества в сравнении со свободой и справедливостью, остаются далёкими идеалами и в наше время.

1. Географическая память

В материале, добытом археологией, прослеживается много удивительных совпадений, но наиболее загадочное состоит в следующем: четыре важнейших события древности связаны с одной и той же небольшой географической областью — Страной Израиля.

Первое из этих событий — **появление современного человека** ("Homo sapiens"). Самый отчётливый антропологический признак , который доказывает близкое родство всех древних и нынешних рас современного человека и отделяет их от людей предшествующей фазы ("неандертальцев"), — наличие развитого подбородка. Существуют довольно серьёзные основания считать, что анатомическое строение голосового аппарата неандертальцев было недостаточно для выработки того, что мы понимаем под "человеческой речью" (см. [61]). Но тогда умение "говорить по-человечески" выглядит как главный отличительный признак людей современ-

ного типа. Оформление новой анатомической структуры, необходимой для "человеческой речи", — довольно позднее явление (см. [61]). Развитый подбородок — просто самая заметная (в археологическом плане) часть этой новой структуры.

Останки первых людей с развитыми подбородками, живших 70 - 40 тысяч лет назад, находят на территории Израиля (см. [21]). Находки эти выглядят как свидетельство "эволюционного процесса в действии" [87], [83], давшего уже 55-50 тысяч лет назад людей современного типа [83]. Такой интерпретации придерживается, в частности, известный "Музей Человека" в Париже, постоянная экспозиция которого указывает, что "генеалогическая ветвь" современного человека индивидуализировалась, т.е. отделилась от основного древа, на территории Израиля.

Второе важнейшее событие — **начало неолитической революции**: люди стали жить в домах, выпекать хлеб и разводить домашних животных, словом, переходили к цивилизованному образу жизни. Данные археологии соотносят начало неолитической революции с Натуфийской культурой в Израиле (примерно 11 000-9 000 гг. до н.э.).

За неолитической революцией следует новый этап в прогрессе человечества — **развитие металлургии**. Так называемая Гассул-Беэр-Шевская культура в Израиле (V тыс. до н.э.), отличавшаяся действительно развитой металлургией, намного опередила синхронные с ней культуры других районов. Гассул-Беэр-Шевская культура характеризуется такими новшествами, как литьё по восковым моделям (метод, применяющийся и сейчас) и изготовление изделий из оловянистой бронзы.

Считается, что все современные системы письма, кроме китайской, произошли от **алфавитного письма**, изобретённого во II тыс. до н.э. людьми, говорившими на языке, очень близком к ивриту, и жившими либо на территории Израиля, либо в соседних Синае или Ливане. Иначе говоря, непрерывная компонента письменной истории человечества в своей исходной фазе тесно связана с районом, где формировалась цивилизация Древнего Израиля — цивилизация Библии [35].

Итак, в одной и той же небольшой географической зоне появились первые люди современного типа, были заложены основы цивилизации, возникла первая культура с развитой металлургией и зародилась буквенная письменность. Случайность такого четверного совпадения маловероятна. Вместе с тем, какое-то рациональное объяснение всё-таки должно существовать. Можно попробовать рассуждать следующим образом. Известно, что, согласно представлениям иудаизма, Страна Израиля считается совершенно уникальным местом на Земле. Само формирование народа

Израиля еврейская религия связывает с его исходом в эту страну из Египта. Фактически в Библии отсутствуют указания на эмоциональную привязанность к какой-либо другой земле. Так, Авраам дважды говорит своему домоправителю о прежней родине: "Сына моего не возвращай туда" (Бытие, 24:8). Религиозное объяснение Страны Израиля для Авраама и его потомков состоит в том, что по воле Божьей именно здесь должен произойти от Авраама великий народ, в котором "благословятся все племена земные". Люди, создававшие цивилизацию Древнего Израиля, конечно, ничего не могли знать о первых людях с подбородками, Неолитической революции или кладах Гассул-Беэр-Шевской культуры. Но тогда их убеждённость в особенной значимости Страны Израиля для "всех племён земных" и есть свидетельство существования древней традиции, хранившей в специальной, скорее всего религиозной форме память не только о времени, но и о месте эпохальных событий прошлого.

Археология показывает, что в промежутках между упомянутыми событиями, происходившими на территории Израиля, страна эта часто была местом не примечательным и в культурном отношении даже довольно отсталым. Создаётся впечатление, что активные группы людей, игравшие главную роль в этих перипетиях, только на время собирались в Стране Израиля, а затем снова рассеивались. Но тогда религиозное и эпическое творчество подобных групп должно хранить память об изгнаниях, странствиях и особом значении возвращения на эту землю.

2. Архитектура круглых домов

Натуфийская культура

Распространение людей современного типа совпадает с началом эпохи, которую археологи называют Верхним палеолитом. На Ближнем Востоке конец Верхнего палеолита датируется временем около 20 000 г. до н.э. Следующий период, от 20 000 до 11 000 г. до н.э. называют Эпипалеолитом. В Леванте, т.е. в Израиле и Сирии, этот период представлен так называемой Кебаранской культурой.

Существует мнение, что Натуфийская культура развилась из Кебаранской (см. [69], стр. 28). Одно из доказательств тому — открытие в Эйн-Геве (на восточном берегу озера Кинерет) поселения Кебаранской культуры, в котором уже обнаруживается ряд черт, ассоциируемых с Натуфийскими комплексами: круглые каменные хижины (возможно, первые в истории постоянные жилища), каменные миски (ступы) и песты для толчения зерна, кремневые ножи типа серпов. Поселение в Эйн-Геве датируется с помощью радиоуглеродного анализа времени около 14 500

г. до н.э. Столь ранняя дата говорит о длительности процесса, подготовившего Неолитическую революцию; его признаки находят также и в Верхнем Египте и в горах Загроса (Западный Иран). Сама же революция развивалась, как кажется, гораздо быстрее и резче. Соответствующая ей Натуфийская культура появляется около 11 000 г. до н.э. почти в готовом виде, с десятками временных и постоянных поселений, каменной посудой, иногда из базальта или мрамора, искусными орудиями из кремня или кости, многочисленными украшениями, в которых угадываются истоки "зооморфного стиля" скифов, отделённого от Натуфийской эпохи десятью тысячами лет.

Дома, в которых жили люди Натуфийской культуры, имели однотипную архитектуру — круглые в плане строения с основанием из камня (см. [21], [69]). Эта архитектурная традиция, продержавшаяся на территории Израиля и смежных областей несколько тысячелетий, примерно до 8000 г. до н.э., является одним из самых характерных признаков, наличие которых позволяет рассматривать те или иные более поздние археологические комплексы как прямое продолжение Натуфийской культуры — так называемые культуры Натуфийского круга. К последним относят фазу "А" докерамического неолита в Израиле (по-английски "Pre-Pottery Neoiithic A", коротко PPNA) и ряд "натуфийских" поселений на Среднем Евфрате — Мюрейбет, Абу-Хурейра (см. [69]), датируемых 9500-8000 гг. до н.э. Самый древний город в мире — Иерихон появился около 10 000 г. до н.э., следовательно, в Натуфийскую эпоху, и достиг первого расцвета в период PPNA.

Около 8000 г. до н.э. в Леванте и Сирии происходит резкая смена культур. Одно из наиболее примечательных происшествий этого времени — разрушение "первого Иерихона" и появление на его месте нового поселения, сильно отличающегося от предыдущего. Новую культуру, распространившуюся в Леванте и Сирии, называют по-английски "Pre-Pottery Neolithic B", коротко PPNB, т.е. фаза "B" докерамического неолита. Характерный признак PPNB — дома прямоугольной формы.

Причины, вызвавшие гибель старой и распространение новой культуры, неизвестны. Ими могли быть природная катастрофа, межплеменные войны или естественный процесс старения великой цивилизации.

Уход на север

Есть ряд указаний, что Натуфийская этнокультурная общность не исчезла полностью, а дала ряд миграций, сохранивших её традиции и возродивших их через тысячу с лишним лет. Простейший способ как-то увидеть эти миграции — попытаться проследить за

перемещениями людей, строивших круглые дома. При этом следует помнить, что археология не в состоянии восстановить непрерывную цепь событий и фиксирует главным образом моменты активизации деятельности определённых групп. Так, все поселения, датируемые временем от 8000 до 7000 г. до н.э., которые находят археологи, имеют прямоугольные дома.

Период от 8000 до примерно 6400 г. до н.э. включает в себя PPNB, а также раннюю стадию Халколитического периода ("медно-каменного века"), ярче всего представленную в Чатал-Худжюке — "неолитическом городе" Центральной Анатолии (см. [69]). Новая фаза развития начинается около 6400 г. до н.э., примерной даты становления халколитических комплексов Месопотамии, Ирана и Балкан, для которых характерно изготовление расписной керамики. По археологическим материалам трудно судить, каков был действительный уровень развития цивилизаций, отстоящих от нашего времени на 7-8 тысяч лет. Есть, однако, основания считать, что именно в эту эпоху были заложены основы металлургии, текстильного производства, храмовой архитектуры, выработаны узоры и орнаменты, украшавшие в течение тысячелетий керамику, стены домов, ковры и одежду.

Среди культур, входивших в халколитические комплексы, которые развились после 6400 г. до н.э., особенно выделяется Тель-Халафская цивилизация (6000-4800 гг. до н.э.), поразившая её первооткрывателей необычайным эстетическим совершенством и богатством керамики. Перед нами — первый пример однородной археологической культуры, распространившейся на действительно большой территории, включавшей не только Северную Месопотамию, но и соседние районы Анатолии и Загросских гор Ирана [69]. Особой оригинальностью отличается Тель-Халафская архитектура, которая порывает с уже тысячелетиями укоренившейся традицией возведения прямоугольных домов и возвращается к круглым зданиям, характерным для культур Натуфийского круга. Единственное открытое археологами связующее звено между Тель-Халафскими и Натуфийскими постройками — Кирокитийская культура на Кипре (7000-6500 гг. до н.э.) [69]. Необычное островное положение этой цивилизации коррелирует и с рядом других нетривиальных её черт. Круглые дома и каменная посуда резко отличают Кирокитийскую культуру от близких ей — по месту и времени — поселений Сирии и Анатолии, где изготовляли уже глиняную утварь и строили дома прямоугольной формы. Это означает, скорее всего, что кирокитийцы были людьми, принадлежавшими до прибытия на Кипр к какой-то цивилизации Натуфийского круга. Интересно, что Кирокитийская культура стоит особняком и в антропологическом отношении.

В её захоронениях обнаружены только брахицефальные черепа, часть которых близка к арменоидным. Практиковалась также деформация черепов "под арменоидов", что даёт основание предположить ещё одну связь с Натуфийским кругом. Дело в том, что самые ранние деформированные черепа археологи находят в "первом Иерихоне" (PPNA).

Являлась ли Кирокитийская культура промежуточным этапом для людей из Натуфийского ареала, остановкой на пути к созданию Тель-Халафской цивилизации, или это просто боковая ветвь их миграции в более северные районы, сказать трудно. Так или иначе, группы людей с традицией круглых домов както выжили в промежутке между 8000 (конец PPNA) и 6400 г. до н.э., когда одна из таких групп должна была обитать где-то между Северной Месопотамией и Закавказьем (в "горах Араратских"). Косвенное доказательство наличия такой группы в этих местах и в это время заключается в следующем: около 6000 г. до н.э. к северу и югу от "гор Араратских" начинаются две ясно различаемых археологами миграции людей, приверженных к архаической традиции круглых построек. Одна из этих миграций соответствует появлению в Северной Месопотамии основателей Тель-Халафской цивилизации. Вторая — приходу в Закавказье основателей культуры "Закавказского энеолита (халколита)", датируемой 6000-4000 гг. до н.э.

От Тель-Халафской культуры не осталось ни одной скульптуры с изображением лиц или голов. Но в поселениях "Закавказского энеолита" сохранились изваяния, изображающие людей арменоидного типа — такого же, как в скульптуре Самаррской культуры, примыкавшей с юга к культуре Тель-Халафской и почти одновременно с ней. Эти факты могут означать, что активная часть "тель-халафцев" состояла из арменоидов и что такой же была группа приверженцев круглодомной архитектуры с "гор Араратских", о которой говорилось выше. Добавочным указанием на арменоидность последней группы служат антропологические показатели людей Кирокитийской культуры и приведённые выше факты о деформации черепов.

3. Переход к бронзовому веку

Культура "Гассул-Беэр-Шева"

В "Закавказском энеолите" дома нередко строились так, что часть здания оставалась под землёй и входить в него надо было, спускаясь по нескольким ступенькам. Эта черта, как и ряд других, указывает на специфическую связь "Закавказского энеолита" с Натуфийской традицией. С другой стороны, подземные или полуподземные жилища, часто округлой формы, характерны для ряда поселений Гассул-Беэр-

Шевской культуры, датируемой 4600-4000 гг. до н.э. Мы уже упоминали, что именно в Гассул-Беэр-Шевской культуре археологи находят первые захоронения "настоящих" арменоидов, которые на самом деле составляли один из двух этнических компонентов этой культуры. Считается, что переселение арменоидов сопровождалось появлением на территории Израиля высокоразвитой (для V тыс. до н.э.) материальной культуры. Гассул-Беэр-Шевская культура сближается с "Закавказским энеолитом" не только по типу жилищ, но и по ряду элементов керамики и по употреблению мышьяковистой бронзы, возможно, первому в истории.

Для Гассул-Беэр-Шевской культуры характерны каменные (базальтовые) сосуды очень искусной выделки. Их форма, а также некоторые особенности керамики свидетельствуют о связи с Тель-Халафской культурой. Подтверждением такой связи являются красочные росписи зданий (в Гассулском поселении) с узорами, близкими к Тель-Халафским орнаментам (см. [67]).

Уровень металлургии Гассул-Беэр-Шевской культуры необычно высок для своего времени, и естественно отождествить арменоидную группу, её создавшую, с одним из кланов "первых кузнецов", по каким-то причинам решившим поселиться в Стране Израиля и даже построившим там храм (в Эйн-Геди, возле Мёртвого моря).

Высказанное предположение, что основатели и "Тель-Халафа" и "Закавказского энеолита" принадлежали к арменоидам, очевидно, коррелирует с тем обстоятельством, что арменоидность Гассул-Беэр-Шевской культуры имеет, очевидно, прямое отношение к типологическому сходству этой культуры с "Закавказским энеолитом" и "Тель-Халафом". Следует добавить, что в горах Восточной Анатолии и Северной Месопотамии имеются месторождения меди, которые разрабатывались с глубокой древности. Поэтому кажется весьма вероятным, что "клан кузнецов" Гассул-Беэр-Шевской культуры ответвился от той же — предположительно арменоидной — группы с традицией архитектуры круглых домов, что и творцы "Тель-Халафа" и "Закавказского энеолита", либо же от носителей одной из этих культур. Другими словами, "клан кузнецов" генетически восходит к Натуфийскому кругу. Впрочем, распространение каменной посуды и наличие круглых домов в "Гассул-Беэр-Шеве" сами по себе непосредственно ассоциируются с Натуфийской традицией. Мы видим, что миграцию "клана кузнецов", создавших Гассул-Беэр-Шевскую культуру, можно интерпретировать как попытку репатриации этнической группы, когда-то вовлечённой в Неолитическую революцию на территории Страны Израиля и жившей вдалеке от неё в течение трёх тысяч лет. Найденный археологами клад пещеры ущелья На-

халь-Мишмар [2], связанный с культовым сооружением в Эйн-Геди, богатством и совершенством изделий из металла, а также их назначением (короны, скипетры и т.д.), свидетельствует о том, что храм этот был в V тыс. до н.э. религиозным центром первостепенной важности. Это должно означать, по-видимому, что в создании Гассул-Беэр-Шевской культуры значительную роль играли религиозные идеи, как-то соотнесённые с памятью о роли Страны Израиля в предшествующие эпохи.

Закавказье в IV тыс. до н.э.

Гассул-Беэр-Шевская культура прекратила существование около 4000 г. до н.э. Конец её естественно связать с гибелью других культур Халколитического периода , вызванной, как кажется, природной катастрофой, послужившей основой для сказаний о "Всемирном потопе" (см. ч. II, гл. 2). После 4000 г. до н.э. начинается новая эра — бронзовый век. Его начальная стадия, примерно с 4000 до 3600 г. до н.э., наиболее загадочна. Радиоуглеродных датировок, приходящихся на данный период, немного, и впечатление такое, что в Месопотамии, Леванте и Египте человеческая активность оставила мало следов в это время. Наиболее заметные явления — относительно изолированная культура Тепе-Гавра (слои XII–XIIA) в Сев. Ираке, сохранявшая традиции расписной керамики, и родственная ей культура Амук F в Сев.-Зап. Сирии, керамика которой хотя и сохранила ряд форм предыдущей эпохи ("Аль-Убайд") — горшки и миски с круглым дном и т.д., но уже не была расписной. Металлургия также представлена крайне слабо.

Словно в противовес этой грустной картине имеется набор послекалибровочных радиоуглеродных датировок, приходящихся на 3700-3600 гг. до н.э. и показывающих, что рядом с Месопотамией существовала тогда уже относительно развитая культура, с высоким уровнем металлургии, керамического производства, сельского хозяйства, знавшая, возможно, даже колёсный транспорт. Речь идёт о так называемой Кура-Аракской культуре в Закавказье (см. [14], [17]). Судя по радиоуглеродным данным и толщине археологических слоёв (в частности, на холме Кюль-Тепе возле Нахичевани), Кура-Аракская культура зародилась не намного позже 4000 г. до н.э., т.е. примерно в 3900-3800 гг. до н.э. Она частично связана с "Закавказским энеолитом", особенно по обилию круглых домов и по ряду элементов керамики. Вместе с тем Кура-Аракская культура настолько превосходит "Закавказский энеолит", что должна была получить начальный толчок от какой-то пришлой группы, обладавшей достаточно высоким уровнем культуры и значительным творческим потенциалом.

На территории Израиля IV тысячелетие до н.э. (по крайне мере, три его первые четверти) соответствует археологическому периоду, называемому "Ранний бронзовый век I" (сокр. РБВ I), а он, в свою очередь, разделяется на три фазы: РБВ IA, РБВ IB, РБВ IC. В начале второй из этих фаз, около 3600 г. до н.э., в северной части Израиля появляется серая лощёная керамика, называемая "Ездрелонской", которая считается весьма схожей с керамикой Кура-Аракской культуры (см. [21], стр. 71). С другой стороны, ряд сосудов "Ездрелонской керамики" почти не отличается по форме от некоторых каменных (базальтовых) Гассул-Беэршевских ваз (см. [64], [24]), имевших, кажется, религиозное назначение ("вазы для воскурений"). Так протягивается первая нить от культуры "Гассул-Беэр-Шева" к культуре "Кура-Аракс", в которой, кстати, представлены похожие вазы, но более усовершенствованного типа. Показателен, кроме того, поразительно высокий уровень металлургии, наличествовавший уже в начальной стадии Кура-Аракской культуры, когда, например, изготовляли втульчатые топоры из мышьяковистой бронзы, почти не отличающиеся по очертаниям от современных (см. [14]). Заметим, что первые втульчатые топоры, хотя и более примитивных форм, находят в культуре "Гассул-Беэр-Шева" (см. [90]).

Общий стиль небольших по размеру Кура-Аракских поселений, для хозяйственной жизни и быта которых характерны сочетание скотоводства с земледелием, специальные ямы для хранения зерна, непременные очаги внутри домов, повсеместное использование изделий из металла, сходен с археологически восстанавливаемой картиной жизни поселений культуры "Гассул-Беэр-Шева". Заметим ещё, что ряд больших сосудов из комплексов "Кура-Аракс" чрезвычайно напоминает соответствующие сосуды из "Гассул-Беэр-Шевы". Таким образом, допустимо предположить, что пришлая группа, давшая толчок развитию Кура-Аракской культуры, соответствует миграции в Закавказье из Гассул-Беэршевского ареала, датируемой примерно 4000 г. до н.э. Вероятность такой миграции выглядит ещё более убедительной в свете того факта, что, как отмечалось выше, существовали более ранние связи между "Закавказским энеолитом" и культурой "Гассул-Беэр-Шева". Быть может, именно это переселение отражено в библейском рассказе о Всемирном потопе и ковчеге Ноя, остановившемся в "горах Араратских".

Появление около 3600 г. до н.э. Ездрелонской керамики, близко родственной Кура-Аракской, выглядит теперь как свидетельство обратной миграции из Закавказья в Страну Израиля.

Роль Египта

3600 г. до н.э. можно считать условной датой начала повсеместной культурной активности на Ближнем Востоке, сменившей затишье первых веков IV тыс. до н.э. На территории Израиля, в Мегидо, появляется храм, похожий на храм конца V тыс. до н.э. из Эйн-Геди (см. [67], [21]). Возникают первые большие храмовые комплексы в Уруке, одном из древнейших городов Шумера. Первые шаги делает Преддинастическая ("Герценовская") культура в Египте. К 3450 г. до н.э. в Южной Месопотамии (Шумер), Иране и Египте входят в употребление простейшие виды письменности, основанные на схематических картинках (пиктограммах). Наиболее интересная черта этой эпохи — необычно тесные и направленные связи между удалёнными друг от друга районами (см. [28], [1]), исчезающие почти тогда же, когда в Египте приходят к власти первые фараоны (около 3250 г. до н.э.). Самым заметным элементом культурологического единства разных ареалов в эпоху от 3600 до 3250 г. до н.э. следует считать популярность однотипных изображений цепочек животных, хищных и травоядных, как бы следующих друг за другом. Эти стереотипные изображения, повторяющиеся на печатях из Шумера и Ирана, плитах храма Мегидо, разных предметах из Египта (золотая рукоять ножа и т.п.), выглядят как герб какого-то клана, колонизировавшего огромные территории, опустошённые в конце Халколитического периода, и вместе с тем ассоциируются с описанием спасения зверей в рассказе о Всемирном потопе.

Могущественные цари, объединившие Египет во второй половине IV тыс. до н.э., предпринимали завоевательные походы и в соседние страны, установив на несколько столетий свою власть или влияние в Синае, Стране Израиля и, возможно, также в Ливане и Западной Сирии (см. [91], [21]). Период египетского влияния на этих землях соответствует приблизительно времени Первой и Второй египетских династий. В терминах археологии Израиля — это конец РБВ I и весь РБВ II ("Ранний бронзовый век II"). В Шумере соответствующие периоды — так называемый "Джемдет-Наср" и следующий за ним "Ранний династический период I", коротко РД I.

Во второй половине IV тыс. до н.э. на Северном Кавказе появляются огромные курганы Майкопской культуры, археологические связи которых весьма запутаны. Дело в том, что керамика из этих курганов сходна с керамикой "Амук F" (см. [1]), видимо, продержавшейся в ряде районов Ливана и Северо-западной Сирии до конца преддинастического периода Египта. Изображение цепочек животных на серебряных сосудах из самого богатого, так называемого Большого Майкопского кургана, связывает погребённых в нём

людей с тем же кланом или группой, которые после 3600 г. разнесли соответствующую символику на обширной территории, от Египта до Ирана. По общему стилю и уровню металлургии Майкопская культура ассоциируется с кузнечной цивилизацией из "Гассул-Беэр-Шевы", при этом по ряду конкретных признаков, например, таких, как популярность втульчатых топоров и форма их, "Майкопская" металлургия практически неотделима от "Кура-Аракской".

Эти сложности можно объяснить следующим образом.

Группы "первых кузнецов", пришедшие в Закавказье из "Гассул-Беэр-Шевы" и давшие в 3900-3800 г.. до н.э. толчок развитию Кура-Аракской культуры, частью снова вернулись в южные районы (около 3600 г. до н.э.), продолжая поддерживать между собой тесные отношения, что выразилось в необычном культурном единстве "эпохи творческой активности" (3600-250 гг. до н.э.). Символически это было закреплено в картинках с "цепочками животных" и некоторых других сюжетах. Однако южные группы не прервали полностью связей с Закавказьем. Нашествия с Африканского материка в период становления египетской монархии привели к уходу ряда разбогатевших и усилившихся в "эпоху культурной активности" родов из Леванта и Сирии. Часть этих кланов попала на Кавказ, что проще всего объясняется их не прерывавшейся этнической связью с частью населения Кура-Аракской культуры. Этническое родство объясняет и близость "Майкопской" металлургии к "Кура-Аракской".

Напомним, что в ч. II, гл. 3 мы сопоставляли географические термины Кобан, Кубань, Кабарда и Теберда с кавказской металлургической традицией, установившейся со времени Майкопской культуры до I тыс. до н.э. Миграция с юга, приведшая к возникновению Майкопской культуры, оказала значительное влияние и на Закавказье, где появляются такие приметы кочевых групп, как курганные захоронения. Меняется также общая ориентация металлургии Закавказья, где вместо топоров и серпов начинают производить больше оружия (копья и кинжалы). Развиваются новые центры металлургии, из них самый значительный в Сачхере (Зап. Грузия). В это же время (конец IV тыс. до н.э.) происходит существенное территориальное расширение Кура-Аракской культуры, которая проникает в Восточную Анатолию и Сев.-Зап. Иран (до района Хамадана).

Вызванные египетским давлением перемены в Леванте сказались в развитии новой фазы керамики — "Амук G" в Сев.-Зап. Сирии, связанной с израильским РБВ I — РБВ II и Египтом первых двух династий. Около 3250 г. до н.э. складывается довольно высокоразвитая культура (с храмами и дворцами) на Верхнем Евфрате, в районе города Ма-

латия, ассоциируемая по керамике с "Амук G" и через неё с израильским РБВ I — РБВ II. Упомянутые выше "вазы для воскурений" встречаются в этой культуре в форме, мало отличимой от формы "Ездрелонских" ваз. Особенно замечательны найденные археологами искусно сделанные мечи, возможно, первые в истории, и наконечники копий. Эти мечи из района Малатия ассоциируются (по форме рукояти) с кинжалами из Сачхере и других районов Закавказья, а копья оказываются близкими образцам из Закавказья и из поздних курганов Майкопской культуры. Керамика из Малатия (и "Амук G") тоже оказала определённое влияние на закавказскую керамику.

Культуру района Малатия конца IV тыс. до н.э. естественно рассматривать как промежуточный этап для групп, эмигрировавших из сферы египетского влияния и добравшихся в конце концов до Северного Кавказа. Соответствующая область Восточной Анатолии стала с тех пор одним из главных металлургических центров древности и сохраняла эту традицию более трёх тысяч лет (см. ч. II, гл. 3). Взаимное сходство мечей, кинжалов и копий, производившихся восточноанатолийскими и кавказскими кузнецами, показывает, что металлурги обоих ареалов поддерживали между собой близкие отношения, носившие до какого-то времени и этнический характер.

4. Шумер и Кавказ

Легенды о первых царях

Возникновение египетской монархии во второй половине IV тыс. до н.э. было событием гораздо более значительным, чем обычно думают.

В 1954 г. Игаэль Ядин дал интересную интерпретацию т.н. "палетки Нармера" (первого фараона Египта), из которой следует, что Нармер подчинил своей власти не только территорию Израиля, но и Зиорданье и Двуречье, т.е. Месопотамию (см. [91]). К анализу И.Ядина можно добавить следующее.

Ввиду определённого культурного единообразия, установившегося в середине IV тыс. до н.э. на обширных территориях, не исключено, что первые фараоны, объединив Египет, как-то пытались подчинить себе и остальные области "зоны единства". Однако, как это случалось и в позднейшие времена, великие империи после смерти их основателей зачастую распадались, наиболее удалённые районы становились независимыми царствами. Вообще очень многие монархические государства образовались в бывших провинциях огромных империй. Таким образом, если допустить, что Нармеру удалось подчинить Левант и Месопотамию, то после его смерти в этих областях могли возникнуть самостоятельные царства во главе с бывшими приближёнными, "генералами" или членами семьи На-

рмера. Высказанное предположение означает, в частности, что первыми монархами и первой "военной кастой" Шумера, возможно, стали люди, прибывшие с Африканского материка и принадлежавшие к той военной элите, которая возвела на престол и оберегала египетских фараонов. Заметим, что в самом Египте это воинство пришло с юга (см. [23]), т.е. почти из того же ареала, который позже назывался "Страной Куш".

Согласно Библии, первым после потопа царём в Шумере (библейской "Стране Шинаар") и как будто даже вообще первым монархом на свете был Нимрод, сын Куша и "великий охотник" (Бытие, 10:8-10), что в некоторой степени подтверждает достоверность обрисованной выше картины. Как упоминалось в ч. II, гл. 1, царь Нимрод, видимо, соответствует зороастрийскому Аж-Даххака, могущественному властителю Месопотамии, пришедшему из "Аравии".

Шумерский царский список, поразительно совпадающий с данными Библии, сообщает, что первые цари после потопа обосновались в Кише, городе, находившемся в северной части Шумера. Среди имён этих царей есть несколько, по звучанию напоминающих семитские (см. [58]), т.е. географически связанные с Левантом, а быть может, и с Африкой. Кроме того, эти имена являются зоонимами, что даёт определённую аналогию с традицией Египта. Наконец, одно из них — "Зукакип", интерпретируемое как "Скорпион" (см. [58]), совпадает по значению с именем наиболее прославленного властителя донармеровского Египта (см. [23]).

Тождественный Нимроду зороастрийский Аж-Даххака ассоциировался со змеем (многоголовым), что соответствует первой части его имени "Аж" — "змей" (уж). Главная часть имени — "Даххака" (у Фирдоуси "Заххок") кажется созвучной с "Зукакип". В Шумерском царском списке после Зукакипа следует "Атвиа" (у Фирдоуси "Атбин") — названием рода, из которого вышел Траэтаона ("Феридун"), победивший Аж-Даххака и занявший его место. Имя после "Атаб" в шумерских табличках не сохранилось, хотя есть доводы, что им было "Мащда" (см. [58], стр. 21). Зато у следующего имени из шумерского списка "Арвиум" — снова связь с зороастрийской историографией: Траэтаону наследовал сын "Айриа". Приведённая нами цепь соответствий: Зукакип — Даххака, Атаб — Атвиа, Мащда (?) — Траэтаона, Арвиум — Айриа, — хотя и слабая сама по себе, даёт определённую корреляцию со взаимным совпадением шумерских, зороастрийских и библейских данных о том, что первые (после потопа) великие цари, правившие Месопотамией, вышли из областей, ассоциируемых с околоегипетской территорией (см. ч. II, гл. 1). Если эта цепь соответствий верна, то переход от "Зукакип" (Скорпион) к Атаб в Шумер-

ском списке адекватен великому перевороту, описанному зороастрийцами, когда верховная власть перешла от царя-змея Аж-Даххака к династии "истинных царей".

После "Арвиум" в Шумерском списке идут "Этана" (он также герой более позднего эпоса) и "Балих". Тройка "Арвиум — Этана — Балих" кажется созвучной тройке имён в списке библейских героев от Шема до Авраама, где приведены очень важное "Евер" и его сыновья "Пелег" и "Йоктан".

Посмотрим теперь, что говорит археология о Шумере соответствующего периода. Первую династию Египта археологи сопоставляют по времени с Шумерским периодом "Джемдет-Наср" (см. [68], примерно 3250 -2950 гг. до н.э.). Для этого времени характерна стандартизация форм керамики и большая стилизованность изображений на печатях, что может соответствовать большей замкнутости и более жестокой политической структуре. В начале этого периода исчезают шумерские колонии на Среднем Евфрате (район нынешнего "Озера Ассада", см. [68], [64]) и, наоборот, появляются первые города и храмы в долине Даялы (восточный приток Тигра).

Одно из новшеств периода "Джемдет-Наср" — возрождение расписной керамики, исчезнувшей из Южной Месопотамии после 4000 г. до н.э. Характерная геометрическая орнаментация напоминает орнаменты керамики Северного Ирака, представленные в культуре Тепе-Гавра (приблизительно от 4000 до 3000 г. до н.э.) и, видимо, сохранившейся ещё на несколько столетий в каких-то смежных с Тепе-Гавра зонах. Особенно популярна расписная керамика стиля "Джемдет-Наср" становится в новых шумерских городах к востоку от Тигра, откуда она распространяется и в соседние области Ирана.

В восточной части Шумера постепенно вырабатывается стиль так называемой "алой керамики" (по-английски Scarlet ware), где наряду с геометрическими орнаментами встречаются также стилизованные изображения людей, животных и птиц и, что особенно примечательно, повозок, запряжённых онаграми или быками. Считается, что развитие стиля "алой керамики" совпадает по времени с началом т.н. Раннего династического периода I (сокр. РД I, примерно 2950-2800 гг. до н.э.) в Шумере. Археологи определяют начало РД I по странному нововведению в строительной технике, распространившемуся во всех городах Шумера и продержавшемуся там около 600 лет, до "Имперского" (Аккадского) периода (см. ниже, гл. 5). Это нововведение — переход с прямоугольных кирпичей на т.н. плосковыпуклые (см. [32], [62], [28]) может соответствовать приходу в Шумер новых групп, носителей других традиций в строительстве. Единственное сходное явление, сравнительно близ-

кое по времени к РД I, описание которого автору удалось найти в археологической литературе, — это строительная техника "Закавказского энеолита" (6000-4000 гг. до н.э.), часто использовавшая плосковыпуклые кирпичи (см. [14], [17]). Около 4000 г. до н.э. из них возводили дома в поселениях Араратской долины (см. [17]), где, быть может, и сохранялась эта традиция до того, как аналогичная практика укоренилась в Шумере, вскоре после 3000 г. до н.э. Приход новых групп в Шумер в начале РД I целесообразно сопоставить с политическим переворотом, подсказываемым отмеченными выше корреляциями зороастрийского и библейского перечня имён с Шумерским царским списком. Соответствующие цепочки:

(1) (из Шумерского списка) Атаб, Мащда (?), Арвиум, Этана, Балих;

(2) (Зороастрийская) Атвия, Траэтаона, Айриа;

(3) (Библейская) Евер, Йоктан, Пелег могут быть тогда полулегендарными воспоминаниями о спустившихся с гор "истинных царях", основавших то, что можно было бы назвать "классической" Шумерской цивилизацией.

По-видимому, период политической стабильности не был слишком долгим после прихода к власти новых царей. По Библии во времена Пелега "разделилась земля", в зороастрийском эпосе уже Айриа погибает от рук своих братьев. В Шумерском списке Первую династию Киша сменяют в конце концов цари расположенного на юге Шумера Урука, среди которых наиболее известен (из позднейшего эпоса) Гильгамеш. С установлением гегемонии новых царей можно связать следующий за РД I археологический период Шумера, т.н. Ранний династический период II (РД II), примерно 2800-2650 гг. В это время появляется новый стиль печатей (см. [43]): на них изображали героя-воителя и получеловека-полубыка, побеждающих львов. Намного позже образ такого воителя перешёл в традицию изображения Гильгамеша.

Так или иначе, повсеместное распространение однотипных новых печатей в Шумере, скорее всего, свидетельствует о консолидации власти в руках рода с соответствующей геральдикой.

Путь из Шумера на Кавказ

Как отмечалось, во время РД I "алая керамика" была популярной в восточной части Шумера. К началу РД II она окончательно исчезает из этой страны, но закрепляется в ряде областей Ирана (т.н. стиль Сузы II, или "D").

Для иранского варианта "алой керамики" характерно частое употребление волнистых линий. Именно расписная керамика подобного типа с геометрическими орнаментами, включающими волнистые линии, и иногда со стилизованными изображениями птиц, живот-

ных и людей, неожиданно заменяет в Закавказье чёрно-лощёную посуду Кура-Аракской культуры и проникает в Анатолию и Иранский Азербайджан (бассейн озера Урмия). Во всех этих районах постепенно развиваются отдельные местные варианты. В Анатолии — так называемая "каппадокийская керамика" (см. [67]), в Армении и Азербайджане — керамика "урмийского типа" (см. [36]) и, наконец, в Грузии — замечательной красоты керамика Триалетской культуры (см. [15], [10]).

Триалетская культура, открытая около 50-ти лет назад Б.А. Куфтиным, представлена десятками больших курганов, часть из которых содержала очень богатые погребения с изделиями из золота, серебра и драгоценных камней, не уступающими лучшим образцам ювелирного искусства древности (см. [66]). Датировка Триалетской культуры вызвала много споров, в которых, к сожалению, не учитывалась калибровка радиоуглеродных датировок для Кура-Аракской и Катакомбной культур, позволяющая произвести сдвиг хронологии на несколько столетий.

Нерасписная часть триалетской керамики очень тесно связана с керамикой Кура-Аракской культуры и может рассматриваться как её непосредственное продолжение (см. [10], [73]). С другой стороны, повозки в некоторых триалетских курганах явственно ассоциируются с повозками идентичной конструкции из курганов Катакомбной культуры Северного Кавказа (см. [73]). Повозки эти чрезвычайно близки к шумерским, особенно по конструкции колёс (из 3-х частей), что означает, скорее всего, что в Закавказье они появились раньше, чем на Северном Кавказе.

Калиброванные радиоуглеродные датировки для Кура-Аракской культуры приходятся в основном на IV тыс. до н.э. и с большой вероятностью определяют время существования главных её поселений в промежутке от начала IV до начала III тыс. до н.э. Начало Катакомбной культуры датируется 2800-2600 гг. Аналогичные даты соответствуют начальной фазе расписной керамики Анатолии, родственной Закавказской. Отсюда получается, что наиболее вероятное время зарождения Триатлетской культуры — 2800-2600 гг. до н.э., а может быть, и несколько раньше.

Единственная дошедшая до нас от периода "Джемдет-Наср" шумерская ваза с изображением людей — это высокий алебастровый сосуд из Урука, украшенный рельефными фигурами: процессия, подносящая вазы с фруктами "богине" или жрице. Внизу — цепочка животных, как будто оленей, где чередуются рогатые самцы и безрогие самки. В Триалетских курганах тоже найдена только одна ваза, на которой запечатлены люди. Сделана она из серебра, но изображённые на ней процессия людей, несущих кубки к жрецу или жрице, и цепочка оленей очень похожи на рельеф урукской алебастровой вазы.

Сходство этих уникальных ваз является одним из наиболее важных элементов в общей картине связей Триалетских курганов с Шумеро-Иранским культурным ареалом. Тот факт, что эти элементы появились в Шумере раньше, чем в Закавказье, означает, что они проникли туда из Шумера или соседних областей Ирана. Это проникновение было, видимо, результатом довольно мощных миграций, развёртывавшихся где-то в первой половине III тыс. до н.э. и резко изменивших общий облик Закавказской культуры. Заметим, что для миграции из Шумеро-Иранской области в Закавказье имелись проторенные пути, так как уже с конца IV тысячелетия в Западном Иране, а конкретнее — в бассейне озера Урмия и в районе Хамадана имелись поселения-колонии Кура-Аракской культуры.

Триалетская культура — стандартный пример того, что можно было бы назвать "культурой кочевников", главным признаком которой является богатство погребений и бедность или полное отсутствие поселений. "Кочевой характер" роднит Триалетскую культуру с географически близкой ей Майкопской, возникшей на несколько столетий ранее и, по-видимому, прекратившей своё существование к 2800-2600 гг. до н.э. Есть ряд и специфических одинаковых черт у обеих культур — прежде всего, сам тип захоронений в очень больших курганах, наличие в них каменных насыпей (см. [17], [15]), дорогие украшения и иногда оружие в погребениях, довольно сходные изображения животных на серебряных сосудах. Двойные связи Триалетских курганов с Шумеро-Иранской областью и Майкопской культурой означают, скорее всего, что родственные отношения кланов "эпохи творческой активности" IV тыс. до н.э., из которых происходили основатели как Майкопской культуры, так и шумерских храмовых комплексов и их колоний в Иране, продолжали существовать и в первые века III тыс. до н.э. Эти родственные отношения и отразились в общих этногеографических названиях "Бад-Тибира", "Теберда", "Туваль", "Табарна" и т.д., упомянутых в ч. II, гл. 3 в связи с рассмотренным там "треугольником дальних связей".

Переселение в Европу

Одна из достопримечательностей металлургии позднего этапа Кура-Аракской культуры (рубеж IV и III тыс. до н.э.), особенно ярко представленного в Сачхере, — популярность медных булавок очень специальной, т.н. "молоточковидной" формы (см. [14]). В середине III тыс. до н.э. такие булавки, обычно уже из кости, распространились на обширном пространстве Европы. Их часто находят в погребениях Катакомбной культуры, сменившей Майкопскую на Северном Кавказе и представленную также в Приазовье и на Левобере-

жье Днепра. Встречаются эти булавки и в захоронениях "людей с кубками" (см. ч. I, гл. 4) — культура, родственная Катакомбной и захватившая Центральную и Западную Европу. Обе эти культуры соответствуют расселению кочевых арменоидных групп (см. ч. I, гл. 4), имевших целый ряд общих черт. Прежде всего, у этих групп были схожие погребальные обряды — захоронения под небольшими курганами; часты кубки или чаши и кинжалы из мышьяковистой бронзы с черенком для рукояти, весьма напоминающие кинжалы из поздних курганов Майкопской культуры, где они встречаются вместе с малоёмкими сосудами, игравшими, по-видимому, ту же ритуальную роль, что и вышеупомянутые кубки и чаши. "Черенковые" кинжалы "Катакомб" и "людей с кубками" — наиболее сильный аргумент в пользу того, что эти культуры распространились из Кавказского региона, где подобное оружие было популярно раньше (уже в конце IV тыс. до н.э.), причём существенно отличалось от кинжалов средиземноморского и анатолийского типов, имевших отверстия для крепления рукояти.

Сосуды из погребений ранней фазы культуры "людей с кубками" имеют ряд общих черт с кубками т.н. "Днепровской культуры" на Правобережье Днепра (см. [80]), где мог находиться промежуточный пункт миграций с Кавказа в Центральную и Западную Европу.

Напомним, что короткий и естественный путь с Кавказа на Правобережье Днепра лежит через Крым.

Майкопские и Триалетские курганы выглядят как династические погребальные комплексы наподобие египетских пирамид. Их почти "царский" характер контрастирует с более скромными курганами "Катакомб" и "людей с кубками", культур, возникновение которых соответствует, видимо, проникновению в причерноморские степи и Западную Европу менее знатных сородичей тех властителей, чьи останки найдены в курганах поздних фаз Майкопской и Кура-Аракской культур. Это расселение должно было быть крупным шагом в дезинтеграции арменоидных групп "кузнецов", основавших Кура-Аракскую и Майкопскую культуры.

Хронологически начало культур "людей с кубками" и Катакомбной относится примерно к тому же времени (2800—2600 гг. до н.э.), что и обсуждавшиеся выше миграции из Шумеро-Иранской области в Закавказье, давшие, в частности, повозки шумерской конструкции в "Катакомбных" погребениях.

Кажется вероятным, что именно эти миграции с юга послужили стимулом к дальним походам и расселению в степях и лесах Европейского континента.

Последние столетия "классического" Шумера

В самом конце IV тыс. до н.э. поселения Кура-Аракской культуры появляются в районе Малатия (см. [71]). Возникает новый культурный комплекс в этом районе, для которого были характерны хорошо заметные в керамике связи с Сев.-Зап. Сирией, Закавказьем и Сев. Месопотамией. Особенно популярной была керамическая традиция Кура-Аракской культуры. Именно эта традиция позволила археологам заметить, что в начале III тыс. до н.э. в хозяйственной жизни Сев.-Зап. Сирии, Ливана и Израиля произошли очень существенные перемены ([21], [67], [24]). Всюду в этих районах появляется керамика Кура-Аракского типа и ряд других элементов, доказывающих существование миграции групп с Кура-Аракской традицией с Верхнего Евфрата в Левант.

Одним из результатов переселения было, по-видимому, резкое ослабление египетского влияния в этих районах. Свидетельством изменений в политической структуре вообще и, в частности, в структуре местных правящих групп являются археологические находки оружия (см. [86]), датируемого III тысячелетием и связанного, вероятнее всего, с Восточно-Анатолийским центром металлургии

Самые ранние "царские гробницы", открытые в Шумере, т.н. гробницы "Y" из Киша, датируются началом Раннего династического периода III, сокр. РД III, длившегося примерно с 2650 до 2350 г. до н.э. Археологический материал из этих гробниц ассоциируется с "царскими" погребениями Северной Анатолии и Закавказья. В Кишских гробницах "Y" обнаружены повозки того же типа, что и в ряде курганов Триалети и "Катакомб", что, видимо, говорит об идентичности погребального обряда. Изделия из металла и украшения из гробниц "Y" указывают на связь обитателей Киша с анатолийскими правящими группами и, в частности, на контакты с Восточно-Анатолийским металлургическим очагом. Аналогичные корреляции есть и у более поздних шумерских царских гробниц из Ура и Киша "А".

Вполне возможно, что в начале РД III было произведено новое вторжение в Месопотамию из того же центра арменоидных "кочевников-металлургов", который дал почти одновременно "людей с кубками", Катакомбную культуру, Триалетские курганы и царские гробницы Понта (Сев. Анатолия). Выше отмечалось, что толчком для этих явлений послужили, быть может, более ранние миграции из Шумера, связанные с "алой керамикой". Но тогда вторжение в Месопотамию в начале РД III было частично возвращением знатных родов, по каким-то причинам ушедших оттуда в начале РД II. Этот уход мог произойти под давлением новых мо-

нархических групп, предположительно из южной части Шумера.

Несмотря на определённые признаки политической разобщённости и соперничество династических групп, период РД III был временем наивысшего расцвета в Шумере. Ювелирные изделия этого периода, включая оружие из золота и серебра, остались непревзойдёнными. Шумерская письменность вырабатывает слоговые принципы и её начинают использовать для семитских и хурритского языков, оказавшихся в сфере шумерского культурного воздействия. Открытая около десяти лет назад семито-шумерская культура в Эбла, Зап. Сирия, относящаяся ко второй фазе РД III, показывает, сколь широко распространилось в то время политическое и культурное влияние Шумера (см. [64], [72]).

5. Две катастрофы

"Страна гутиев"

Согласно Шумерскому царскому списку (см. [58]), Киш иногда уступал гегемонию другим городам. Чаще всего ими были южно-шумерские Урук и Ур. Упоминаются ещё расположенный в северной части Шумера Акшак и южный Адаб. Вместе с тем порой верховная власть надолго переходила к властителям городов, находившихся за пределами Шумера. Этими городами были Мари на Среднем Евфрате, Хамази в Сев. Месопотамии и, что более парадоксально, Аван, расположенный в Юго-Западном Иране, к северу от Суз, будущей столицы Элама. Географическое положение трёх этих городов соответствует тесным связям Шумера с его западными, северными и восточными соседями. Есть здесь и некоторое соответствие с зонами распространения трёх первых "чужих" языков, для которых начали использовать шумерскую клинопись,— семитского ("аккадского"), хурритского и эламского.

Восточный сосед Шумера, Иран, был в культурном отношении издавна связан с Месопотамией. Так обстояло дело в Халколитическую эпоху, когда и в Месопотамии и в Иране развились сходные культуры с расписной керамикой. В начале бронзового века, т.е. после 4000 г. до н.э., подобная керамика почти полностью исчезла из Месопотамии и одновременно из большинства областей Ирана. Как раз эти районы Ирана входили в середине IV тыс. до н.э. в тот же круг культур с геральдикой "цепочки животных", что и Месопотамия, Левант и Египет. Возвращение к расписной керамике в конце IV тыс. до н.э. в Шумере (стили "Джемдет-Наср" и "алой керамики") вызвало к жизни аналогичное явление в Западном Иране, стимулированное миграциями из Шумера.

Археология обнаруживает ещё две миграции в Западный Иран, отно-

сящиеся к концу IV тыс. до н.э. Первая из них — это ясно различимое перемещение группы людей Кура-Аракской культуры, охватившее бассейн озера Урмия и дошедшее на юге до района Хамадана. Вторая миграция устанавливается косвенно по ряду характерных керамических изделий, принадлежавших кочевникам и металлургам Зап. Ирана и особенно заметных в археологических комплексах более поздних эпох (2-я пол. III и начало I тыс. до н.э.), когда иранские кочевые группы по тем или иным причинам расширялись и усиливались. Такими характерными изделиями являлись миски и горшочки с круглым дном, небольшие чайники своеобразной формы, плоские тарелки и подносы, бутыли с маленькими ручками по бокам — "амфорискосы", кувшины с раздутым туловом, у которых дно намного шире верхнего отверстия и т.д. (см. [81], [82], [49], [24], [36]). Оказывается, все эти специфические формы широко представлены в керамике Раннего бронзового века I на территории Израиля и Ливана и в основном исчезли из этих мест к концу IV тыс. до н.э. (см. [24]), что даёт косвенное доказательство миграций из Леванта в Зап. Иран где-то в конце IV тыс. до н.э. Здесь очевидна аналогия с миграцией, создавшей Майкопскую культуру, где керамика левантийского происхождения также сочеталась с высоким уровнем металлургии и общим кочевым характером, на который указывают богатство погребений и бедность или отсутствие поселений. Естественно рассматривать эти две миграции, в Западный Иран и на Северный Кавказ, как последние волны бегства активных групп из Леванта и Западной Сирии, ухода, вызванного египетской экспансией. Промежуточные пункты этого движения соответствуют началу новых периодов в культурах Сев. Ирака (Тепе-Гавра, слой VIII), Шумера ("Джемдет-Наср") и Восточной Анатолии.

Активные группы, прибывшие из Леванта и Зап. Сирии на Кавказ и в Иран в конце IV тыс. до н.э., были родственны между собой и, кроме того, находились в этнической связи с определёнными элементами Кура-Аракской культуры, создатели которой к концу IV тыс. до н.э. уже контролировали территории, промежуточные между Луристаном и Кавказским хребтом. Этническая общность подкреплялась и культурной связью "кланов кузнецов" Кавказа и Ирана, просуществовавшей до I тысячелетия и проявившейся в сходстве Луристанских и Кобанских бронз (см. ч. II, гл. 3).

С конца Шумерского РД I, т.е. около 2800 г. до н.э., когда под влиянием миграций из Шумера расписная посуда распространялась в Закавказье и Зап. Иране, Кура-Аракская керамика выходила из употребления, стал постепенно оформляться относительно целостный комплекс культур, большей частью кочевого характера, в зоне, про-

стиравшейся от Кавказских гор до Элама в Юго-Зап. Иране. У четырёх главных районов этого комплекса (Закавказье, бассейн озера Урмия, район Хамадана и Луристан) имеется много совпадений в специфических узорах расписной керамики, формах оружия и украшений.

Географические представления шумеров, располагавших обстоятельными сведениями о соседних городах и странах, включали в себя и общую классификацию обширных областей, расположенных к западу ("Амурру"), северу ("Субарту") и востоку или северо-востоку ("Гутиум", "страна гутиев") от Шумера. В более поздние эпохи "страна гутиев" отождествлялась с Мидией (см. [56], стр. 159-160). По-видимому, расплывчатое понятие "страна гутиев" относилось как раз к территориям, входившим в обрисованный выше комплекс культур от Кавказа до Луристана, где господствовали "кочевники-металлурги".

Аккадская империя

Конец "классической" шумерской культуры похож на конец "классических" Греции и Рима, превратившихся в военные империи, претендовавшие на мировое господство. Имперский период Шумера, сменивший РД III, называют "аккадским", в соответствии с наименованием нового политического центра — города Аккад (Агаде). Первый аккадский царь Саргон, согласно более поздним источникам, подчинил своей власти всю Месопотамию, Сирию и Левант, Восточную Анатолию и Элам. Если в этих утверждениях и был элемент преувеличения, то обожествлявшиеся сыновья и внук Саргона оставили уже бесспорные доказательства своего господства на этих землях. "Страна гутиев" была, кажется, единственной из соседних с Шумером областей, не подчинившейся аккадским царям. Косвенное доказательство — фиксируемые археологами признаки прекращения ввоза олова и ляпис-лазури в Месопотамию в аккадское время. Эти материалы ввозились по дорогам, контролировавшимся теми, кто властвовал в Западном Иране.

В Шумерском царском списке ([58]) реалистическая хронология начинается фактически с перечня аккадских царей. Более ранние части списка хаотичны и полны фантастических чисел. Скорее всего, доаккадские летописи попали к авторам в очень беспорядочной, почти разрушенной форме. Факт этот отражает масштабы переворота, происшедшего в Шумере в начале Аккадского периода. Другой, более многозначительный факт — исчезновение арменоидных скульптурных портретов. Новый, "аккадский", стиль скульптуры изображает уже другие, не арменоидные типы. Такое изменение соответствует, очевидно, существенным переменам в составе правящего слоя. Преж-

няя элита Шумера, арменоидность которой так ярко отразилась в изобразительном искусстве периода РД III, была либо истреблена физически, либо изгнана из страны. Наиболее надёжным убежищем для изгнанников могли быть независимые от Аккада районы соседнего Ирана, с которым шумерская элита и прежде была тесно связана. Напомним, что металлургия Луристана в III тыс. до н.э. практически не отличалась от шумерской.

"Легенда Нарамсина"

Сохранился документ, содержащий в своеобразной форме информацию о расовых антипатиях аккадских царей. Согласно этому документу — так называемой "Легенде Нарамсина", сохранившейся в копиях II тыс. до н.э. (см. [50]), — первые серьёзные несчастья обрушились на Аккадскую империю во время правления внука Саргона — Нарамсина. Царю Нарамсину пришлось воевать с армией кочевников "Умман-Манда", вторгшихся в Месопотамию из каких-то северных горных стран. Враждебность к пришельцам подчёркнута в "Легенде" двумя любопытными штрихами. Один из них — описание физического облика воинов вражеской армии: "Люди с лицами воронов" (см. [50], стр. 99), что, как давно замечено (см. [42]), должно относиться к арменоидности кочевников. Вторая деталь — Нарамсин вообще сомневался в принадлежности его врагов к человеческому роду. Царь приказывает поймать одного из воинов противника и проверить, есть ли у пленника кровь. Такого рода сомнения тоже ассоциируются с ненавистью именно к "арменоидам", которых и современные вдохновители вражды к евреям или армянам представляют холодно-расчётливыми, бездушными и потому как бы "лишёнными крови" существами. Имя царя кочевников из "Легенды Нарамсина" — Анубанини — сохранилось также в (аккадо-язычном) тексте высеченной им наскальной надписи в районе северной части современной ирано-иракской границы. Оказывается, Анубанини — царь "луллубеев", народа, победоносные войны с которым упомянуты в барельефах, оставленных Нарамсином. Название "Луллу" (луллубеи) встречается в ассирийских документах II тыс. до н.э., где оно соответствует географической области к востоку от Ассирии, а также в документах Хеттской империи (II тыс. до н.э.), где почти все упоминания о "хабиру" (см. ч. II, гл. 4) встречаются в паре "хабиру и луллахи (Луллу)" (см. [48]). Интересно, что название "Умман-Манда" дожило до I тыс. до н.э., когда писцы Ассирии и Вавилонии применяли его к мидийцам ("Мадай"), а также к вторгавшимся в Месопотамию и соседние страны скифам и киммерийцам.

Археология и вторжения кочевников

Археологии удалось обнаружить довольно явственные следы кочевых вторжений, приуроченные к Аккадской эпохе. Это археологические комплексы культуры "Тепе-Гавра VI" в Сев. Ираке, фазы "Амук J" в Сев.-Зап. Сирии и т.н. "Среднего бронзового века I" (коротко СБВ I) в Израиле (см. [76], [26], [24], [52]). Во всех этих комплексах встречается характерная новая деталь в керамике — нанесённые резцом или краской волнистые линии, окаймляющие сосуды. Эта примета однозначно указывает на источник вторжений — Западный Иран, где волнистые линии, окаймляющие сосуды, были одним из стандартных узоров расписной керамики, внедрённой задолго до Аккадского периода. Другая особенность упомянутых комплексов — обилие изделий из металла, особенно оружия.

Наиболее заметные перемены археологи находят на территории Израиля. Оказалось, что в течение СБВ I там почти полностью исчезли постоянные поселения, зато появилось много относительно богатых погребений с керамикой новых типов. Для неё характерны чайники с небольшими ручками и ряд других предметов, родственных керамике кочевых групп Ирана, особенно Луристана, — керамикой, дожившей до I тыс. до н.э. (см. [49]) и, в свою очередь, как отмечалось, зародившейся с момента миграции из Леванта в Иран в конце IV тыс. до н.э. Предположение об этой ранней миграции лучше всего объясняет удивляющие археологов многочисленные совпадения керамики СБВ I с керамикой израильского же РБВ I, отделённого от СБВ I почти тысячелетием.

Таким образом, появление на территории Израиля кочевых групп во время СБВ I предстаёт как возвращение из Западного Ирана "кланов кузнецов", сохранивших память о стране, которая была одним из ведущих центров "эпохи творческой активности" IV тыс. до н.э., где в V тыс. до н.э. развилась поразительная металлургия Гассул-Беэр-Шевской культуры. Кстати сказать, у Луристанских изделий из металла прослеживается целый ряд схождений с традицией Гассул-Беэр-Шевской культуры.

По-видимому, главное вторжение кочевников произошло действительно в период царствования Нарамсина (условно, около 2250 г. до н.э.). Продвинувшись через Месопотамию и Сирию в Левант, они стали властвовать над "Страной Амурру", которую должны были считать своей собственной с давних времён. Вскоре кочевые властители "Страны Амурру" вступили в конфликт с Египтом. Именно этим временем датируется крушение Древнего царства и начало "смутного времени" (см. [69]). Стабильность вернулась в Египет только через 200 с лишним лет, с воцарени-

ем XII династии, т.е. около 2000 г. до н.э.

Сыну Нарамсина Шаркалишарри (в переводе "Царь всех царей") пришлось вести войну на два фронта с "Амурру" и с "Гутиум", что оказалось непосильной задачей. Власть в Аккадской империи захватывают гутийские цари (вавилонский историк эллинистического времени Бероссус называл их "мидийскими"). Как упоминалось в ч. II, гл. 4, во второй половине гутийского периода царские имена становятся семитскими и как будто даже западносемитскими. Это согласуется как с одновременной борьбой "Амурру" и "Гутиум" против царя Шаркалишарри, так и с фиксируемым археологами фактом остановки волны кочевников из Ирана в Израиле и смежных областях (т.е. в стране "Амурру"). По крайней мере, часть вторгшихся кочевников должна была тогда начать переходить на семитские языки и пользоваться семитскими именами.

Гутийская династия просуществовала около ста лет (примерно 2200-2100 гг. до н.э.) и была разгромлена армией властителя Урука из южной части Шумера. Новые цари, т.н. "третья династия Ура", называли себя царями "Шумера и Аккада". Им снова пришлось вести войны на двух фронтах — с "Амурру" на западе и с новой державой "Симашки" ("Симаш") в Иране (см. [78], [54]), объединившей под своей властью большие территории, включавшие части будущих Мидии ("Сигриш") и Фарса ("Аншан"). Позже держава "Симашки" распалась, но, во всяком случае, властители Эламского государства II тыс. до н.э. вели своё происхождение от царей "Симашки".

Империя "Шумера и Аккада" была разгромлена около 2000 г. до н.э., а последний царь её был пленён и увезён в Иран. Начинается новый период (Средний бронзовый век II в терминах археологии Израиля), характерной чертой которого является своеобразное единство археологической культуры на обширных территориях, протянувшихся от страны Израиля через Северную Месопотамию до областей Ирана, расположенных между озером Урмия и Фарсом. Единство проявляется в так называемой "Хабурской керамике", широко представленной во всех этих местах (см. [24], [51], [46]). Наличие активных культурных контактов на отстоящих друг от друга ареалах напоминает аналогичную ситуацию, сложившуюся в середине IV тыс. до н.э. и отражает, видимо, родственные отношения между кланами кочевников, контролировавших в начале II тыс. до н.э. "Амурру", "Гутиум" и соединявшие их области Северной Месопотамии.

Цари-пастухи

Эпоха войн и переселений конца III — начала II тыс. до н.э. отражена в

истории библейских патриархов Авраама, Исаака и Иакова. Обыденность связей на отдалённых пространствах в это время особенно отчётливо видна в рассказах о женитьбах Иакова и Исаака: многодневные путешествия из "Страны Авраама" в "Страну Нахора" — проявление обычной семейной активности. Как отмечалось в ч. II, гл. 4, рассказ о переселении Иакова на север Месопотамии, где, по преданию, родились почти все его сыновья — легендарные предки израильских колен, коррелирует с фактом миграции более южных групп кочевников (Бану-Ямина — "Сыны Юга") в районы Среднего Евфрата, а затем и в области к востоку от Тигра, откуда они вторгаются в города Южной Месопотамии и основывают царские династии с "восточноханаанскими" именами. Вышедший из "южных" родов Овнану и Яхруру, которые соответствуют, видимо, "исчезнувшим" родам Онан и Эр из Книги Бытия (см. [22]), царь Хаммурапи сумел вновь создать империю с центром в Южной Месопотамии и к титулу "царь Амурру" добавил старинный титул аккадских властелинов: "царь четырёх частей света".

После смерти Хаммурапи, датируемой примерно 1750 г. до н.э., его наследники не смогли реально контролировать все пространства империи. Археология показывает, что во второй четверти II тыс. до н.э. территория Израиля в культурном отношении отделяется от общего района "Хабурской керамики" и развивает новый вид керамики с очень характерным накольчатым орнаментом — керамику Тель-эль-Яхудие (см. [24]) — так называется тот район в Египте, где впервые были найдены изделия этого типа. "Керамика Тель-эль-Яхудие" свидетельствует о возникновении нового культурного единства между Страной Израиля и Египтом, соответствующего т.н. Гиксосскому периоду.

Согласно египетскому историку Манефону (IV–III вв. до н.э.), труды которого дошли до нас через Иосифа Флавия, "гиксосы" — это цари азиатских кочевников, захватившие Египет во время XIII династии и правившие там продолжительное время. Манефон утверждает, что после изгнания из Египта гиксосы построили Иерусалим. Флавий отождествлял гиксосов Манефона с предками народа Израиля и рассматривал рассказ Манефона как добавочное свидетельство, подтверждающее библейскую историю о переходе сыновей Иакова в Египет, фактически управлявшийся Иосифом, и о тяготах, которые выпали позже на их долю (см. [41]). Современным историкам удалось разыскать и другие сведения о гиксосах. Было установлено, что часть гиксосских фараонов носила семитские имена (как "Якобхар") и что гиксосы были разгромлены и лишены власти около 1570 г. до н.э. "Керамика Тель-эль-Яхудие" отражает, в частности, факт политического

объединения Египта и Страны Израиля во время гиксосов.

В Библии упоминается, что исход из Египта произошёл за 480 лет до начала строительства Храма царём Соломоном, которое датируется 965 г. до н.э. (Третья книга царств, 6:1). Это значит, что, по Библии, исход состоялся около 1445 г. до н.э., т.е. через пять лет после смерти могущественного фараона Тутмоса III, ко времени которого относится ряд упоминаний о "хабиру", занятых на тяжёлых работах (см. [48]). Если принять продолжительность "странствий по пустыне" за 40 лет, то вышедшие из Египта колена Израилевы должны были начать вторжение в Ханаан около 1405 г. до н.э. Единственный независимый от Библии источник, как-то подтверждающий эту дату, — Тель-Амарнская переписка (см. [48]): в посланиях, датируемых примерно 1370 г. до н.э., местные властители Ханаана жалуются фараону на наступление "хабиру" и восстания в стране. Согласно Библии, сыны Израиля провели в Египте 430 лет (Исход, 12:40), из чего можно заключить, что первые роды "сынов Евера" (хабиру),с которыми связывали себя вышедшие из Египта евреи, проникли в Египет около 1875 г. до н.э. Эта дата в общем соответствует тому же времени, когда далеко на востоке другие "сыны Евера" вместе с окончательно обосновавшимися в Месопотамии родами Овнану и Яхруру захватывали различные области бывших Шумера и Аккада, закладывая тем самым основу для будущих империй Ассирии и Вавилона. (см. ч. II, гл. 4).

Политические и военные перемены на востоке стимулировали, естественно, и большую активность вождей кочевников ("царей-пастухов", по определению Манефона) по отношению к Египту. В конце концов им удалось установить контроль над этой страной, что согласуется с рассказом Книги Бытия об Иосифе-властителе и о его соплеменниках-"пастухах" (Бытие, 46:31-34), потомки которых "размножились и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та" (Исход, 1:7).

Книга Исход рассказывает, что период процветания кончился катастрофой для еврейских пришельцев, которых мы можем отождествить с потомками кочевых арменоидных групп, продвинувшихся из Леванта в Египет в первой половине II тыс. до н.э.

Катастрофа эта, может быть, сопоставимая с крушением арменоидных групп в Шумере во время становления Аккадской империи, послужила решающим стимулом для религиозной революции, создавшей народ Израиля.

6. Заключительные замечания

Библейский рассказ о рабстве и о приказе фараона умерщвлять новорожденных мальчиков-евреев — лишь одна из трагических подробностей еврейской

истории. Сколько бы ни говорилось о причинах ненависти к евреям — чужакам, иноверцам или соперникам, речь идёт только о поверхностных проявлениях глубокого и постоянного конфликта. Армяне, наиболее близкие к евреям в антропологическом отношении, в XX столетии стали жертвами такого же геноцида, как и евреи. Упоминание о "людях без крови" с "лицами воронов" из "Легенды Нарамсина" — свидетельство той ненависти, которую питал почитавший себя "богом" аккадский царь к арменоидным предкам евреев и армян; с такой же ненавистью относились к этой группе обожествлявшиеся фараоны, жившие на 800 лет позже. То же постоянство отношения, ощутимое и сегодня, слышится в определении Валаама, цитированном в ч. II, гл. 1: "Вот народ отдельно живёт и между народами не числится". Кажется, ещё раньше этот конфликт был запечатлён в сказании о "первом кузнеце" Каине: "И буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьёт меня" (Бытие, 4:14).

Мы знаем теперь, что из того же рода "первых кузнецов" вышли династии хеттских и иранских царей, что арменоидные "лица воронов" были у богов и царей на древних изображениях и в скульптуре Месопотамии, Балкан и Закавказья халколитического времени, искусстве бронзового века Шумера, Ассирии, Анатолии, Минойского Крита (см. [47], стр. 8-10) и загадочной Трипольской культуры Украины и Молдавии IV тыс. до н.э. (см. [18], [19]). Исключением являются изображения египетских фараонов и аккадских царей, тех самых владык, сведения о враждебности которых к "арменоидам" история донесла до наших дней.

И дело здесь, конечно, не в борьбе за власть. Универсальная ненависть должна иметь и универсальную причину. **Единственное универсальное, повторяющееся свойство "арменоидов", открываемое изучением прошлого, начиная с неолита, — то, что они неизменно находились в центре главных событий, определявших становление человеческого рода.** Быть ли человеку образом и подобием Божиим, наделённым свободой, и умением различать добро и зло, или же стабильным биологическим механизмом, частью мира вещей? Словом, **быть человеку живым или мёртвым**? Это и есть проблема, которую поставили тысячи лет назад те, кто "не числится среди народов", перед племенами Земли.

Три современные группы — **евреи, армяне и парсы**, характеризуемые преобладанием арменоидного типа, последние представители этого неспокойного древнего рода, сумевшие уцелеть, остаться самими собой. Их судьбу сейчас можно понять только как продолжение драмы, начатой в неолитическую эпоху, если не раньше. Их способность жить среди других наро-

дов, не сливаясь с ними, никогда не давала угаснуть старинной вражде. Умение сохраняться во времени требовало тяжёлой платы — отказа от своих государств и территорий. Три страны, с которыми письменная история связывает армян, евреев и парсов — Армения, Израиль и Иран выглядят как три полюса, между которыми блуждали их арменоидные предки от неолита до бронзового века, когда пути трёх будущих народов окончательно разошлись.

Религиозное сознание евреев неразрывно связано с пониманием краткости и драматизма человеческой истории, её зависимости от активных личностей, выбирающих между "жизнью и добром" и "смертью и злом". Выбор рода Авраама — вернуться в страну, исконно считавшуюся священной, оказался одним из главных событий, определивших начало эпохи, к которой, кажется, принадлежим и мы. Археология показывает, что возвращение заняло без малого тысячу лет, приблизительно 2250-1250 гг. до н.э., т.е. от появления "кочевников-металлургов" Среднего бронзового века I до начала железного века I на территории Израиля, когда "двенадцать колен" стали строить наконец постоянные поселения и планомерно осваивать страну (см. [21]).

В течение этого тысячелетия и родился народ Израиля — элитная группа, которая решила отказаться от каст и сословий и стать простыми крестьянами на своей земле, но также и "царством священников и народом святым" (Исход, 19:6). Это были люди, сделавшие свободный выбор и понимавшие, что будущее сулит им не больше спокойных дней, чем прошлое, и что их путь на Земле никогда не будет лёгким. В туманных прозрениях виделись им новые изгнания и странствия: "И рассеет тебя Господь по всем народам от края до края земли, и будешь служить иным богам" (Второзаконие, 28:64).

Но за этим должно последовать счастливое возвращение к слову Бога и к стране отцов: "Если даже будешь ты оттеснён к краю неба, и оттуда соберёт тебя Господь Бог твой... и приведёт тебя... в страну, которой владели отцы твои" (Второзаконие, 30:4,5).

БИБЛИОГРАФИЯ

[1] Андреева М.В. "К вопросу о южных связях Майкопской культуры", Советская археология, № 1, 1977.

[2] Бар-Адон П. "Пещера клада", Иерусалим, 1971 (на иврите).

[3] БСЭ, изд. 2-е, т. 3, стр. 40, статья "Арменоидный антропологический тип".

[4] БСЭ, изд. 2-е, т. 19, стр. 281, статья "Кавья".

[5] Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. "Древняя Передняя Азия и индо-европейская проблема", Вестник древней истории, № 1, 1980.

[6] Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. "Миграции племён — носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии", Вестник древней истории, № 2, 1981.

[7] Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. "Палеоантропология Средней Азии" (монография). (Даны ссылки на работы 20-х годов по антропологии бухарских евреев.)

[8] Дьяконов И.М. "История Мидии", Москва-Ленинград, 1956.

[9] Дьяконов И.М. "Языки Древней Передней Азии", Москва, 1967.

[10] Жоржикашвили Л., Гогадзе Э. "Памятники Триалети эпохи ранней и средней Бронзы", Тбилиси, 1974.

[11] Иванов В.В. "Хеттский язык", Москва, 1963.

[12] Иванов В.В., Топоров В.Н. "Санскрит", Москва, 1960.

[13] Кушнарёва К. "Тазакентский могильник в Армении", Советская археология, № 1, 1960, стр. 137-147.

[14] Кушнарёва К., Чубинишвили Т. "Древние культуры Южного Кавказа", Наука, Ленинград, 1970.

[15] Куфтин Б.А. "Археологические раскопки в Триалети", Тбилиси, 1941.

[16] Марр Н.Я. "Книжная легенда об основании Куара в Армении и Киева на Руси" (Н.Я.Марр "Избранные работы", т. 5. стр. 44-66).

[17] Мунчаев Р.М. "Кавказ на заре бронзового века", Наука, Москва, 1975.

[18] Пассек Т.С. "К вопросу о древнейшем населении в Днепровско-Днестровском бассейне", Советская этнография, № 6/7, 1947.

[19] Погожева А.П. "Антропоморфная пластика Триполья", Наука, Новосибирск, 1983.

[20] Фирдоуси. "Шахнаме", т. 1, Москва, 1957.

[21] Aharoni Y. "The archaelogy of the land of Israel", The Westminster Press, Philadelphia, 1982.
[22] Albright W.F. "Yahwe and the Gods of Canaan", Garden City, New York, Doubleday & Company, Inc., 1968.
[23] Aldred C. " Egypt to the end of Old Kingdom", New York, 1965.
[24] Amiran R. "Ancient pottery of the Holy Land", Massada Press, Tel-Aviv, 1969.
[25] (Avesta) "The Zend-Avesta", translated by J.Darmesteter, Parts I, II, III. Oxford Clarendon Press, 1880.
[26] Braidwood R., Braidwood L. "Excavations in the plain of Antioch", vol. 1, The University of Chicago Press, Chicago, 1960.
[27] Chadwick N. "The Celts". Penguin Books, 1970.
[28] Childe V.G. "New light on the most ancient East". London, 1934.
[29] Childe V.G. "The dawn of European civilization", New York, A.A. Knopf, 1958.
[30] Clark G. "World prehistory in new perspective", 3 edition.
[31] Coon C.S. "The races of Europe", New York, Macmillan, 1939.
[32] Delougaz P. "Plano-convex bricks", Studies in Ancient Oriental Civilization, no. 7, Chicago, 1933.
[33] Deniker J. "Les races et les peuples de la terre, Chap. VIII", Paris, 1926.
[34] Dingwall "Artificial cranial deformation", London, 1931.
[35] Diringer D. "The Alphabet", vol. 1, Hutchinson of London, 1968.
[36] Edwards M. "Pottery of Haftavan VI B (Urmia ware)", Iran, v. XII, 1974.
[37] Evans A. "The Palase of Minos at Knossos", vol. 1, Macmillan & Company, London, 1921.
[38] Ferembach D. "Formation et evolution de la brachycephalie an Proche-Orient", Homo, Bd XVII,1966, pp. 160-171.
[39] Finet A. "Yawi-Ila, Roi de Talhayum", Syria, XLI, 1964, pp. 117-142.
[40] Finkelstein J.J. "The Genealogy of the Hammurapi Dynasty", Journal of Cuneiform Studies, vol. XX, Nos. 3 & 4, October, 1966, pp. 95-118.
[41] Flavius Josephus "Antiquity of the Jews", Josephus, Complete works, pp. 607-636, Kregel Publication.
[42] Forrer E. "Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient protohistorique", Journal Asiatique, Oct.-Dec., 1930, pp. 227-252.
[43] Frankfort H. "Stratified cylinder seals from the Diyala region", The University of Chicago Press, Chicago, 1950.
[44] Frankfort H. "The art and architecture of the ancient Orient", Penguin Books, 1954.
[45] Ghırshman R. "Fouilles de Sialk pres de Kashan", v. 2, 1933, 1934, 1937.

[46] Ghirshman R. "Iran, from the earliest times to the Islamic conquest", Penguin Books, 1954.
[47] Gray J. "Canaanites", London. Thames and Hudson, 1964.
[48] Greenberg M. "The hab/piry", American Oriental Society, New Haven, 1955.
[49] Goff C. "Excavations at Baba Jan", Iran, v. XVI, 1978, pp. 29-65.
[50] Gurney O.R. "The Sultantepe Tablets", Anatolian Studies, v. 5, 1955, pp. 93-113.
[51] Hamlin C. "The early second millennium ceramic assamblage of Dinkha Tepe", Iran, v. XII, 1974, pp. 125-153.
[52] Hauschield M.W. "Die kleinasiatisschen Völker und ihre Beziehungen zu den Juden", Zeitschrift für Ethnologie, Braunschweig, 1920-21,52-53:524.
[53] "Hebrew and English Lexicon of the Old Testament", by F. Brown, S.R. Driver and C.A. Briggs, Oxford at the Clarendon Press, 1957.
[54] Henrickson R. "Simaski and Central Western Iran: The archaelogical evidence", Zeitschrift für Assyriologie, 74.1, 1984, pp. 98-122.
[55] Herodotus "The Histories", Penguin Books, 1979.
[56] Herzfeld E. "The Persian Empire", Wiesbaden, 1968.
[57] Hippokrates "The genuine works of Hippokrates", (translated from the Greek by Francis Adams) Baltimore, Williams-Wilkins, 1930.
[58] Jacobsen Th. "The Sumerian King List", Assyrilogical Studies, II. 1939.
[59] Klein J., Lerman J., Damon P., Ralph E. "Calibration of radiocarbon dates", Radiocarbon, vol. 24, No. 2, 1982, pp. 103-150.
[60] Kupper J. "Les Nomades en Mesopotamie au tempas des rois de Mari", Paris, 1957.
[61] Lieberman Ph., Crelin E., Klatt I. "Phonetic ability and related anatomy of the newborn and adult human, Neanderthal man and the chimpanzee", American antropologist, 74. 1972, pp. 287-307.
[62] Lloyd S. "The archaelogy of Mesopotamia", Thames and Hudson, London, 1978.
[63] F. von Luschan, "Ausgrabungen in Sendschirli" (Mitt. aus den orient. Sammlungen, Heft 11-14, 1893-1911).
[64] Matthiae P. "Ebla", New York, 1981.
[65] Mavalwala J. "An antropometric survey of the Parsi community of India", Homo, Bd XIII, 1966, pp. 97-111.
[66] Maxwell-Hislop K. "Western Asiatic Jewerly", London, 1971.
[67] Mellaart J. "The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia", Khayats, Beirut, 1966.
[68] Mellaart J. "Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma?", Antiquity, v. LIII, N. 207, 1979.

[69] Mellaart J. "The Neolithic of the Near East", London, Thames and Hudson, 1975.
[70] M. von Oppenheim "Tell Halaf", London and New York, G.P.Putnam's sons.
[71] Palmieri A. "Excavations at Arslantepe (Malatia)", Anatolian Studies, v. XXXI, 1981, pp. 101-119.
[72] Pettinato G. "The archives of Ebla", Garden City, N.Y., 1981.
[73] Piggots "The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence", Proceedings of the Prehistoric Society for 1968, v. XXXIV, L., 1969.
[74] Renfrew C. "Problens in European Prehistory", Edinburg, Edinburg University Press, 1979.
[75] Roux G. "Ancient Iraq", Penguin Books, 1980.
[76] Speiser E. "Excavations at Tepe Gawra", vol. I, University of Pensilvania Press, 1950.
[77] Stein A. "Old routes of Western Iran; narrative of an archeological journey". London, Macmillan & Company, 1940.
[78] Stolper M., "On the Dynasty of Simaski and the early Sukkalmahs", Zeitschrift für Assyriologie, 72, 1982, pp. 42-63.
[79] Strabon. "Geography", v.v. I, II, III, London, G.Bell & Sons, LTD, 1912.
[80] Sulimirsky T. "Prehistorie Russia".
[81] Vanden Berghe L. "La Luristan a l'Age du Bronze", Archeologia, N. 63, 1973.
[82] Vanden Berghe L. "La Necropol de Mir Kair un Push-i-Kuh, Luristan", Iranica Antiqva, v. XIV, 1979.
[83] Vandermeersch B. "Récentes découvertes de squelettes humaines á Qafzeh (Israél): essai d'interprétation", The origin of Homo Sapiens, UNESCO, Paris, 1972.
[84] Wagenseil F. "Beitrage zur physichen Antropologie der sefardischen Juden und zur judischen Rassenfrage", Zeitschrift für Morphologie und Antropologie, Stuttgart, 1922, 23, 1:149.
[85] Walton J. "The Antedeluvian Section of the Sumerian King List and Genesis 5", Biblical Archeologist, vol. 44, Number 4, Fall 1981.
[86] Watkins T. "Cultural parallels in the metalwork of Sumer and North Mesopotamia in the third millennium B.C.", Iraq, v. XLV, Part I, Spring 1983, pp. 18-23.
[87] Wolpoff M. "Paleoantropology", A.Knopf, New York, 1980.
[88] Wooley L. "Excavations at Ur" London — New York.
[89] Wooley L. "Ur of the Chaldess", W.W.Norton E Company Inc., New York, 1965.
[90] Yadin Y. "The art of warfare in the Biblical lands", New York, 1963.
[91] Yadin Y. "The earliest record of Egypt's military penetration into Asia?", Israel Exploration Journal, vol. 5, n. 1, 1955, pp. 1-16.
[92] Young T. "Excavations at Godin. First Progress Report", Royal Ontario Museum, Toronto, 1969.

Низаметдин АХМЕТОВ

ТЕСТЫ БРОДСКОГО

Я не думал, что известие о смерти Бродского отзовётся во мне такой горечью. Странные чувства испытываю я: кажется, что я будто бы знал его, будто бы помню его голос, слова и прикосновение своего плеча к его плечу, будто бы что-то было между нами: то ли женщина, то ли поэзия... Горький обман чувств, но рад человек обманываться, и вовсе не обязательно раскусывать облатку-обманку.

Кажется был третий день Фестиваля, а Бродский не приезжал. Его больше не ждали. Шла вторая половина ночи, утром я должен был ехать, но я всё ещё сидел в гостиничном холле. Как всегда, поэты сидели вповал, как братья родные: ошую поэт сидит и одесную — поэт лежит. Один я, как брат-кондрат: справа от меня сидят два голландца, оба седые, они корифеи местной богемы, я встречаю их на каждом Фестивале, почтенная супружеская пара, у них кисет с марихуаной, они мастырят косяки и запускают их на круг, оба ржут как ворошиловские лошади, принимая матюги поэтов за русское остроумие; слева от меня и вовсе пусто. Но мне и повезло, когда в холл спустился Бродский: он сел рядом со мной. Вот так я оказался сидящим одесную Бродского. Меня представил Евгений Рейн: "Вот товарищ по твоей части: он отсидел ... лет". Бродский смутился, да и было от чего: так участковому представляют освободившихся хулиганов. Бродский положил на стол пачку "Мальборо", сразу вытащил сигарету и стал её крутить между пальцев; покрутил и положил обратно в пачку. Такие манипуляции с сигаретой повторялись часто, но ни разу Бродский не прикурил сигарету. Интересно: как только Бродский брал сигарету, у него под носом оказывались 2-3 горящих зажигалки, и он отдёргивал голову, боясь обжечься. К вину своему он тоже не прикоснулся.

Прошло четверть часа, а мы сказали друг другу не более десятка слов, да и те были сказаны в рамках общего застольного разговора. При этом Бродский ни разу не взглянул на меня. Потом я обратил внимание, что он говорит так со всеми: смотрит не на собеседника, а на середину стола. А глаза у него были с подвохом. "Как правильно: галош или калош?" — спросил он Беллочку. Беллочка ответила томным взглядом томимых смертной жаждой глаз. Другие поэты отшучивались, все уклонялись от прямого ответа. Бродский задал ещё парочку "пустяшных" вопросов, но с тем же результатом. И однажды я поймал его взгляд: когда он спрашивал свои пустяки, а вернее задавал загадки, он щурился, как кот на мышей. Кот был превосходный, матёрый был кот, но и мыши были учёные, и мне пришлось увидеть царскую охоту.

Бродский общался с друзьями. Я чувствовал себя чужим в этом кругу. Голландцы то и дело пихали меня в бок: "Was hat er gesagt?" "Alles ist Arschloch" *, — переводил я к немалому удовольствию моих друзей. "Зверски сказано!" — одобряли они мнение Бродского. Ещё бы не зверски! — уж я-то знал, что словами "аллес ист аршлох" выражается без остатка их творческое, да и мировоззренческое кредо, и чёрта с два они у меня дождались бы, чтобы Бродский говорил такие же глупости, как все нобелевские лауреаты. Но и это мало забавляло меня, наоборот: общение с голландцами только подчёркивало мою отторгнутость от русского круга. Я некстати вспомнил о том, что один немец, балда и литагент, собираясь в Нью-Йорк, взял у меня стихи "для г-на Бродского". Наверное, в то время Бродскому приносили и привозили со всего света целые мешки рукописей, и маловероятно, чтобы мои стихи попались ему на глаза. Но я страдал, представляя себе, что подумал Бродский, когда увидел меня: ага, вот тот мудак, что прислал мне свои мудейные стишки с немецким мудогоном. Стыд сковал язык и обескураживал глаза, а хотелось говорить с ним, хотелось смотреть на него... Вдруг Бродский протянул мне сигарету: "Покурите "Мальборо". Тогда я курил "Кэмел", но я молча взял предложенную сигарету и прикурил.

---

* "Что он сказал?" — "Всё — дерьмо". (*нем.*)

Взбудораженные появлением Бродского поэты возвращались в нормальное состояние. Подошла Танечка и плюхнулась на колени Бродскому, теперь между нашими стульями висел танечкин курдюк. Сырели от мокрых губ косяки, поэты ржали громче голландцев, пахло конюшней и русским Пегасом. Бродский улыбался друзьям, шутил. Улыбка у него была дивная. По-моему так улыбался Блок. И та же не прокисающая блоковская грусть в глазах. Но на Блока, конечно, он не был похож. Признаться, Бродский разочаровал меня своим лицом: с такими я лежал на нарах, играл в "очко", гонял тачки на пожог-яму... Но, кажется, Танечка похрапывала и пускала слюни на пиджак Бродского.

— Искусство поэзии требует слов, — заговорил вполголоса Бродский, наклоняясь вместе с Танечкой в мою сторону. — Желательно, чтобы все слова были именами существительными.

— Потому что поэзия имя существительное? — спросил я.

— Да, поэзия имя существительное, стихи — прилагательное. Поэтому стихи пишут, поэзию ждут. Или ищут.

— Как женщину?

— Ага, как женщину... — сказал с натугой Бродский. Он пытался подобрать танечкин курдюк, чтобы уравновесить её: спящая красавица уже задрала свои крепенькие ноженьки. — Помогите же, чёрт вас побери. Фу! Спасибо. Я продолжу: поэзия снисходительна к глаголам, в отдельных случаях они бывают ей даже необходимы; но знайте, что поэзия не терпит прилагательных.

— Простите, Иосиф Александрович, но тогда поэзия не терпит стихов... не терпит стихов, раз она не терпит прилагательных... — я смотрел, как курдюк поэтессы снова переваливается через подлокотник стула, как студенистая морская мерзость. Бродский усмехнулся

— Не переживайте, поэзия всё терпит. Терпение и терпимость обе из качеств поэзии.

— Я вспомнил, как вы сказали, что поэзию ждут, как женщину.

— Это вы сказали.

— Да, это я сказал. Но я хотел сказать, что тело женщины стихи... То есть это не я хотел сказать, простите.

— Не за что. Это Брюсов хотел сказать, и сказал-таки, подлец.

— Я как раз подумал о его стихотворении "О закрой свои длинные ноги!": ведь тут вся поэзия в прилагательном, в том, что ноги ***длинные***. Вы согласны?

— Как же! Только у Брюсова ноги ***бледные***. Но я согласен с вами, а не с Брюсовым: в длинных ногах больше поэзии и они не такие бледные. Ну, не смущайтесь, продолжайте вашу мысль. Вы говорили о прилагательных, поэзии без стихов и женщинах с длинными ногами.

— Да, я скажу своё мнение об этом, — ободрился я. — По-моему, поэзия без стихов, как женщина без прилагательных...

Совершенный конфуз; я выкурил много марухи. Но Бродскому было весело:

— Браво! Вы это от души сказали, благодарю вас. Но откуда у вас уверенность, что длинные ноги прилагательное к женщине? Боюсь, что дело обстоит как раз наоборот, с точки зрения мужчин, во всяком случае. И как мужчина — вы хотели бы себе женщину с прилагательными или предпочли бы прилагаться к ней один? Так же отношусь к своей поэзии и я, берегу её от прилагательных. Длинные ноги, безусловно, украшают женщину, но не всем поэтам к лицу длинные рога. Хотите тест?

— На рога?

— Нет, на поэзию. Тест простой. Когда вы написали стихотворение и считаете его вполне законченным, сделайте последнее: вычеркните из него все прилагательные. И если стихотворение устоит на ногах, вы поэт.

Я взял у голландцев папиросную бумажку и написал на ней: "~~великий~~ ~~русский~~ поэт Иосиф Бродский".

— Вот так? — показал я бумажку Бродскому. Он впервые посмотрел мне прямо в лицо и, грозя пальцем, сказал наконец те слова, ради одних которых, может быть, судьба подарила мне эту встречу:

— Боюсь, вы не такой уж безнадёжный мудак.

— Что вы, Иосиф Александрович, я надёжный!.. — заверил я поэта. Бродский, смеясь, опустил свой грозящий палец. Кто-то из друзей отвлёк его. Танечка похрапывала, Беллочка визгливо требовала виски. "Беллочка, будь умницей, пей пиво." — "К чёрту пиво! Я от пива пи́сать хочу." Спорили дачники Геша и Евгеша: "А я тебе говорю: три литра за КАМАЗ навоза отдал." — "Дурак! Да я, да за три литра — сам два КАМАЗа, враз!" — "Врёшь, брат, два КАМАЗа за раз не сможешь." Бродский сказал, что утомлён перелётом из Нью-Йорка и что по программе ему завтра читать. Танечку перенесли на диван. Бродский с наслаждением закинул ногу на ногу. Я почувствовал, что мне дана ещё минута.

— Мне было приятно узнать, что существует искусство, не требующее жертв.

— Простите? — заинтересовался Бродский.

— Я о ваших словах, Иосиф Александрович, о том, что искусство поэзии требует слов. Ведь мы привыкли к тому, что искусство требует жертв.

— Спасибо. — Бродский помолчал. — *Милости хочу, а не жертвы.* В Библии эти слова встречаются три раза: первый раз у Осии и два раза у Матфея. Слов проклятия не счесть, как камней в Иудейской пустыне. Вы слышали о горах благословения и проклятия?

— Да, Гаризим и Гевал. С них евреи, разделившись на две равные части, произнесли благословения и проклятия своему народу.

— Верно, евреи разделились поровну — по шесть колен. Но знаете, какое открытие для себя сделал я недавно? Оказывается, Гевал, гора проклятия, выше Гаризима, горы благословения. Подтвердились мои давние подозрения...

— Вы были в Израиле? — спросил я.

— Был, — улыбнулся Бродский, верно угадав нотку зависти в моём вопросе.

— Вы боитесь смерти? — Вопрос, что называется, слетел с губ. Но Бродский ничуть не удивился:

— Человек знает, как он хочет умереть, и не хочет другой смерти; отсюда заблуждение, что человек боится смерти во-

обще. — Бродский вертел сигарету, словно поощряя меня на новый вопрос. Я не решился.

— Вы говорили, что Гевал выше Гаризима...

— Да, гора проклятия выше горы благословения, это бесстрастный географический факт, и тем не менее он меня удручает. И уж совсем подавляет меня другой бесстрастный факт — арифметический: с Гаризима было сказано 12 благословений, с Гевала — 72 проклятия. На одно благословение шесть проклятий.

— То есть проклят каждый день творения и благословен только день субботний, — подытожил я с мрачным торжеством.

— Чёрная мистика, или "Гоп со смыком", — поморщился Бродский. — "Потому что по субботам мы не ходим на работу, а у нас суббота каждый день, да-да!". У вас пели такой вариант Гопсы?

— Проклятия сбываются, Иосиф Александрович, — пожаловался я.

— Сбываются, вы правы. Проклинающие искренние люди, они проклинают всем сердцем и от всей души, страстно желая исполнения своих проклятий. А мы — думаем ли мы о здоровье человека, говоря ему "здравствуйте"? Насколько мы искренни, подписывая какую-нибудь никчёмную свою писульку "искренне ваш"? Чего стоят наши пожелания "успехов в трудовой деятельности и счастья в личной жизни"? За всем этим ничего не стоит, обиходные формулы на все случаи жизни, экономящие нам время, нервы, интеллект, совесть... Когда нам нужно произнести эти формулы, мы утруждаем только горло, язык и губы, чтобы отстукать их на машинке или компьютере, достаточно одного пальца. Принятые формы благословения таковы же: можно благословлять пальцем... Страшная сила проклятий в том, что за каждым из них чувствуется автор. Так и должно быть: проклятия — жанр пророческий. Не знаю, кто в этом виноват — протопоп Аввакум, Пушкин или просто суровый климат, но в русской поэзии утвердился тип поэта-пророка, глаголом жгущего сердца, проще говоря — изрыгающего проклятия. А если явится сеятель разумного и доброго, то он почему-то оказывается филоном, Гопсой, он быстро разочаровывается и кончает тем, что впадает в мизан-

тропию: все скоты, всех резать надо. Не дело поэта молотить и сеять, не дело поэта обжигать сердца живых людей, чтобы потом какой-нибудь хам "проклятьем заклеймённый" выдувал из них лампочки для электрификации всей страны. Задача поэта куда скромнее: остаться в языке частью речи. И милость к падшим призывать...

Бродский взял свой непочатый бокал с вином. Повинуясь его знаку, поднял свой бокал и я.

— Значит, вы едете завтра? — рассеянно спросил Бродский.

— Уже сегодня, через два часа.

— В добрый путь. Страшно спать хочу. Вы не находите странным, что 200-летие Пушкина почти совпадает с концом нашего века?

— Но он и родился в конце 18-го века.

— Разве? Странно. Странно, что и наш век кончается. А каким длинным он оказался! Век длинный, как жизнь. Что же, пусть будет по вашему желанию: да будет благословен его последний день, пусть станет он вашей субботой. И пусть последним словом века будет слово ***милость***.

Милостивый государь Иосиф Александрович Бродский простился с поэтами.

15.03.1996 (91 км)

Джон ФЕЛЬСТИНЕР

ГОЛОС ДРУГОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА.*

Работая над книгой о немецкоязычном поэте Пауле Целане (1920-1970), я первоначально остановился на названии "Пауль Целан и напряжение еврейства". Двоякий смысл слова "напряжение" должен был передать, **что́** означало для поэта быть евреем: он понимал это как упорное и трудное выживание, как особый путь и боль. Писатель из Черновцов — городка на восточной окраине бывшей Австро-Венгерской империи — в тринадцать лет испытал антисемитизм румынских жандармов, затем советскую оккупацию, встречу с эсэсовской Einsatzkommando 10 B; он внезапно потерял родителей, депортированных в Заднестровье и там погибших, сам девятнадцать месяцев провёл в лагере, пережил новую советскую оккупацию, оказался в изгнании в Париже, где у него не осталось буквально ничего, кроме родного языка, который стал языком убийц, пройдя через то, что поэт назвал "тысячей мраков смертоносной речи".

За пределами Германии даже образованные люди Целана знают плохо, потому что его стихи предъявляют и к языку, и к слушателю почти чрезмерные требования. В течение многих лет, когда я говорил кому-нибудь, что пишу о поэте по имени Целан, который жил во Франции, собеседники часто не понимали, о ком идёт речь, и считали, что я имею в виду Селина[1] — Луи Фердинанда Селина (1894-1961), который известен романом "Путешествие на край ночи" (1932), а также злобным фашистским антисемитизмом. В этой ошибке есть определённая ирония, так

---

* **John Felstiner, The Voice of the Other in Paul Celan**. Доклад на конференции Demonization and Antisemitism, состоявшейся в июне 1995 г. в Еврейском университете (Иерусалим) и организованной Vidal Sassoon Center for the Study of Antisemitism. Джон Фельстинер — профессор Стэнфордского университета (США), автор первой критической биографии Пауля Целана. Эссе публикуется с сокращениями, предложенными автором для журнала "НОЙ". — *Здесь и далее прим. пер.*

[1] По-английски (а иногда и по-русски) это имя произносится как [сел'ан].

как Целан был крайне ранимым и незащищённым человеком с опытом нацистских концлагерей, а идеи Селина — классический пример демонизации Другого. Однако здесь меня интересует не представленная Селином традиция, а одна из жертв антисемитизма. Я рассмотрю случай Пауля Целана, проанализировав то, как он выразил голос Другого — опыт инакости.

Этот опыт подразумевал для него в частности отождествление себя с евреями, которые по разным причинам отошли от еврейства или были им отвергнуты, — с такими как Барух Спиноза, Генрих Гейне, Густав Ландауэр, Роза Люксембург, Франц Кафка. А в качестве переводчика Целан обогатил родной язык чужими голосами — далёкими голосами Эмили Дикинсон, Гийома Аполлинера, Осипа Мандельштама. Ниже я постараюсь показать, как идея Другого, само это понятие и постоянное стремление его достигнуть стали центром лирики Целана: здесь обнаруживается всё обнажающая чужесть истинной поэзии в её движении к "совершенно Другому", к Богу, которого мы не в состоянии постигнуть.

Голос Другого не так просто расслышать у Целана, как например, в стихотворении Маргарете Зусман "Другие" (1953), где само заглавие — Die Andern — не случайно рифмуется с wandern — "бродить":

Среди народов мира
Мы вечно будем Другими.
И только бродя, мы встречаем тебя
В живой человеческой боли.
Мы станем едины в смерти:
Другие мы только в жизни.[2]

В стихах Целана военных лет голос Другого часто звучит на языке Библии. В "Чёрных хлопьях" упоминается "Иакова небесная кровь, благословленная топорами"[3], а в "Русской весне"

---

[2] Переводы стихов, если не оговорено особо, принадлежат переводчику эссе.

[3] Пер. М.Белорусца.

лирический герой спрашивает: "Должен ли я по-прежнему бороться с ангелом Иакова?" Два другие стихотворения 1943 г., названия которых заимствованы из псалмов, — "На реках Вавилонских" и "Из глубины" — используют язык и выражают отчаяние, характерные для периода Вавилонского плена.

"Фуга смерти" (1944) — самое известное стихотворение, рождённое Катастрофой, — чутко перенимает голос наиболее ярко выраженного "Другого" — узников концлагеря, комендант которого лучше относится к своим псам (Rüden), чем к евреям (Juden):

он псов своих свищет
он свищет евреев своих пусть роют могилу в земле
он велит нам теперь играйте музыку к танцу[4]

В этой последней команде — "играйте музыку к танцу" — слышится резкое стаккато (spielt auf nun zum Tanz), голос нацистского офицера доминирует над голосом жертв. Целан слышит, как узники точно эхо, повторяют голос, превращающий их в скотину; возможно это и есть самое страшное указание на их отчуждение. На единственной магнитофонной записи "Фуги смерти", сделанной автором, его голос становится в этом месте тревожным:

он кричит втыкайте глубже
в царство земное вы те вы другие играйте и пойте
он в поясе сталь достаёт ею машет глаза у него голубые
втыкайте глубже лопаты вы те вы другие играйте дальше музыку к танцу

Кажется, будто поэтом внезапно завладело воспоминание, будто он вновь услышал голос эсэсовца, снижающий до уровня животных "вас тех вас других".

И после войны смешанный с горечью гнев не оставлял Целана. В стихотворении "Поздно и глубоко" (1948) голоса жертв

[4] Все цитаты из "Фуги смерти" приводятся в пер. Л.Жданко-Френкель.

снова противостоят голосам клеветников — на сей раз христианских:

Мы едим плоды немоты...
Мы клянёмся миру священной клятвой песка...
А они кричат: богохульство!

Мы знали это давно.
Мы знали это давно, ну и что?
Вы мелете в мельницах Смерти белую пищу Обетования,[5]
кладёте её перед нашими братьями, сёстрами...

Вы угрожаете нам: богохульство!
Мы знаем это слишком хорошо.
Пусть будет вина на нас.

В этих стихах в сжатом виде заключена долгая история: странствие избранного народа по пустыне, приговоры Инквизиции, перемалывание евреев в Освенциме. Наконец, ироническое повторение роковых слов, которые вложил в уста евреев I в. евангелист Матфей: "Пусть будет вина на нас". Этот сарказм Целана не имеет ничего общего с ненавистью к себе, с интериоризированным чувством вины, терзавшим евреев и прежде и в наше время.

Целану хватало ненависти извне — и во время войны, и после. В 1952 г. его пригласили в Германию на встречу "Группы 47", где ему сказали, что "Фуга смерти" звучит как заунывное пение в синагоге. В следующем году Клер Голль, вдова поэта Ивана Голля, с которым Целан подружился и которого переводил, публично обвинила его в плагиате: он якобы украл выражения из произведений её мужа. Мне рассказывали, что в 1957 г. на углу одной из улиц Кёльна Целан услышал, как позади него какой-то немец сказал: "Какого чёрта эта жидовская морда задерживает тут движение?" А однажды в Бонне, куда его пригласили читать стихи, он заметил на кафедре карикатуру с надписью: "Опять ев-

[5] Ср. эту строчку в переводе В.Топорова (который в остальном очень далёк от оригинала): "Ваши мельницы взмыленно мелют наш ветхий завет".

рей у Стены плача. Поглядите, как он грызёт свои цепи!" Одновременно известия из Германии о вандализме неонацистов и возродившемся антисемитизме, а также о нацистах, вошедших в правительство или бежавших в арабские страны и Южную Америку, укрепляли ощущение Целана: "расовое безумие" (Rassenwahn) всё ещё существует. Эти слова он написал, переводя текст документального фильма о лагерях смерти "Ночь и туман" (1956).

Весной 1957 г., вскоре после Пасхи, Целан написал одно из своих самых язвительных стихотворений, назвав его Tenebrae и таким образом связав его со службой Страстной Пятницы, когда для усиления драматического эффекта одну за другой гасят свечи, потому что — по словам Матфея — когда Иисус висел на кресте, "тьма была по всей земле" (Tenebrae factae sunt). Целан вновь передаёт голос Другого, отождествляя себя с "мы" жертв. По первым строкам стихотворения создаётся впечатление, будто крестная мука Иисуса — модель страданий евреев:

Здесь мы, Господь, близко,
рядом — рукой подать.

Легко нас схватить, друг за друга
мы ухватились, будто
тело каждого —
тело твоё, Господь[6].

На самом же деле изображение мучений дословно заимствовано из описания очевидца, наблюдавшего, как евреи задыхаются в газовой камере; это описание Целан нашёл в книге Дж.Рейтлингера "Окончательное решение", незадолго перед тем переведённой на немецкий. И следующие далее строки Tenebrae: —

Молись нам, Господь,
молись нам,
мы рядом. —

[6] Все цитаты из Tenebrae приводятся в пер. О.Татариновой.

воспроизводят не утверждение трагического повествования о Страстях, а, точно эхо, повторяют восклицание Бялика: "Небеса... Молитесь за меня!", порождённое пасхальным кишинёвским погромом 1903 г. А слова "тело твоё, Господь" сочетаются в стихотворении со строками

Кровь то была, Господь,
кровь, что ты проливал.

В контексте стихотворения Целана эти евхаристические символы напоминают о кровавом навете, об обвинении евреев в святотатстве и богоубийстве.

Несмотря на заключённую в стихотворении горькую иронию, благонамеренные немецкие исследователи одобрили его, за то что автор примиряет Распятие и страдание евреев. Х.-Г.Гадамер вывел из Tenebrae универсальную жизненную истину: "Мы все одиноки и оставлены, как умирающий Иисус на кресте", — говорит он, находя "общность между Иисусом и нами". Но "мы" этого стихотворения не сливается с "нами" Гадамера. Агония евреев свидетельствует не об общности, а об инакости.

Около 1958 г. Целан стал ощущать на себе отпечаток еврейской инакости острее, чем когда-либо после войны. (В этой связи стоит вспомнить, что именно в 1958 г. в Париже вышла "Ночь" Эли Визеля, а в 1959 г. — "Последний праведник" Андре Шварц-Барта.) В 1958 г. произошла "встреча" Целана (этим словом он обозначал лишь глубокое потрясение узнавания) с другим гонимым еврейским поэтом — Осипом Мандельштамом. Это потрясение дало ему возможность блестяще воплотить инакость в переводе. Целан видел родство с Мандельштамом во многих личных обстоятельствах. Мандельштам (буквально — "миндальный ствол", а Целан называл его "еврейским корнем") тоже занимался переводами и однажды пытался покончить с собой. Оба они были близки с матерями, а из-за отцов усвоили двойственное отношение к иудаизму. После необоснованного обвинения в плагиате Мандельштам принял "почётное звание иудея". Такое сходство может объяснить, почему вопреки общепринятому мнению Целан некоторое время был убеждён, что

Мандельштама — подобно его собственным родителям — убили немцы.

В течение целого года Целан почти не сочинял стихов, зато благодаря его переводческой работе поэзия послевоенной Германии услышала пронзительно странный голос Мандельштама, "растраченного", по словам Целана, в собственной стране: переводчик принял вызов русского поэта и оказался на должной высоте. Об ощущении кровного родства свидетельствует тот жар, с которым Целан взялся за пересоздание русских стихов средствами собственного, ни на кого не похожего, немецкого. Именно у Мандельштама Целан нашёл для себя слова: "Время срезает меня, как монету". И ещё: "И я один на всех путях".

В июле 1959 г., перед самым выходом переводов Мандельштама, Целан изобрёл ещё один способ передачи инакости языковыми средствами. После путешествия с семьёй в швейцарские Альпы он сочинил прозаическое произведение, названное им "Разговор в горах". Это своего рода подражание народной сказке, где Маленький Еврей (Klein) встречает Большого (Gross) и они некоторое время болтают. Вот как начинается эта сказка: "Однажды вечером, когда исчезло солнце — и не только оно..." В этом контексте untergegangen (форма глагола untergehen), а также существительное того же корня Untergang, напоминает не только о закате солнца, но и о гибели, разрушении, закате цивилизации, связанных с Катастрофой. "Однажды вечером... покинув свой домик, ушёл Еврей, Еврей и сын Еврея, а вместе с ним ушло его непроизносимое имя... ушёл тот, кому разрешили: жить внизу, где его место". Вместо Jude Целан использует слово Jud, что ассоциируется либо с немецким расизмом, либо с названием евреев на идиш. И вот Маленький Еврей, Untermensch, бредёт в горах, а за ним следует "моя тень, моя собственная и чужая". И оказывается, что у него есть нечто, присущее только ему, — особая словоохотливость. Тут "Разговор" Целана переходит на особый немецкий, который переполняют перескакивание с одного на другое, существительные в уменьшительной форме, оборванные фразы, вопросы, отвечающие на вопросы, и т.п.: "Этот язык не для вас и не для меня, так я вас спрашиваю: для кого же он тогда

предназначен, для земли, я говорю, он не для вас и не для меня..."

Что значит эта сказка и какую смысловую нагрузку несёт её странный язык? Целан в Черновцах (как и Кафка в Праге) вырос в ситуации двойной чужести: говоривший по-немецки еврей жил в не-немецкой христианской стране. При этом Целан (как и Кафка) признавал свою отделённость от восточноевропейского еврейства. "Дома мы всегда говорили на литературном немецком, — писал он, — так что диалект, [т.е. идиш — *пер.*] к сожалению, оставался для меня чем-то далёким". Так было до войны. В лагере он много слышал идиш, и наверное выучил его настолько, насколько никогда не узнал бы в другой обстановке. Позднее поэт стал думать, что почти за тысячу лет существования в устах миллионов говорящих идиш сильно стёрся. Поэтому насыщенный еврейской речью "Разговор в горах" несёт пафос возрождения. Сам Целан однажды назвал его Mauscheln, что означает говорение не на идиш (как часто пишут в словарях), а на пропитанном им немецком; это "тарабарщина", которую немцы слышали в разговоре евреев между собой. (Такое уничижительное обозначение возникло давно, Mauscheln происходит от "Мойше" — "Моисей".)

Там, где взаимодействуют два народа, язык становится знаком различия, что особенно ощущается меньшинством. В 1954 г. Целан написал стихотворение "Шибболет", название которого отсылает нас к Книге Судей (12:4). Стихотворение протестует против отбора, характерного для немецкой культурной индустрии:

втащили они меня
в самую гущу рынка,
туда,
где развёрнут флаг, которому я
присяги не приносил[7].

Далее поэт говорит себе и другим:

---

[7] Все цитаты из "Шибболета" приводятся в пер. Л.Жданко-Френкель.

Выкликни его, шибболет, там,
на чужбине родины.

Может ли он войти в царство Гёте и Шиллера, удостоверив свою личность с помощью библейского пароля?

Даже если бы евреев не отделяли религиозная практика и обычаи, их "тайный" язык — будь то иврит или идиш — всё равно сделал бы их притесняемым меньшинством. Поскольку в детстве Целан не говорил ни на одном из этих языков, он мог хранить верность лишь родному для него немецкому. После войны, возражая на известные слова Адорно ("После Освенцима поэзия невозможна".), он сказал: "На свете нет ничего, что заставило бы поэта перестать писать, даже если он еврей, а его стихи говорят по-немецки". Чтобы такой еврей мог продолжать писать по-немецки, он должен был снова сделать этот язык своим. Для Целана одним из способов достичь этого стало создание "Разговора в горах", который заканчивается словами: "Я на пути к самому себе". А через год он заметил, что "на этом пути язык обретает свой голос". Перед лицом антисемитизма Целан настаивал на своей инакости принципиальным для себя образом — средствами языка.

Но иногда он чувствовал себя беспомощным и уязвимым. В октябре 1959 г., до выходя в свет "Разговора", появилась рецензия на его последний поэтический сборник "Решётки языка", которая показала Целану, что его шибболет не даёт ему пропуска в немецкую литературу. Опубликованная в берлинской газете статья осуждала его за "словесные изыски" и "оторванные от действительности метафоры". Далее автор рецензии предложил, что происхождение поэта (еврейское или румынское?) ослабляет его связь с немецким языком. Человека, с 1945 г. посвятившего себя кропотливой работе над родным языком и только что приглашённого в качестве доцента в École normale (Париж) преподавать немецкий, такое указание на "происхождение" должно было задеть особенно сильно — как еврея и как поэта.

В Рождество 1959 г. на стенах вновь открывшейся в Кёльне синагоги появились свастики и антисемитские надписи. За этим последовала волна неонацистских выступлений. Целан пи-

шет Нелли Закс, тоже оказавшейся в изгнании: "Что я могу Вам сказать? Каждый день — поверьте, буквально каждый день — в мой дом входит подлость. Что ждёт нас, евреев?"

Вскоре после этого всплыло возникшее в 1953 г. обвинение в плагиате. Один мюнхенский журнал опубликовал отрывки из рецензий, содержавших самые лестные отзывы по поводу "Решёток языка", однако редактор сопроводил публикацию примечанием, заявив, что "не намерен лизать задницу г-ну Целану". Тогда вдова И.Голля написала в редакцию, повторяя свои обвинения и приводя пассажи, якобы украденные "этим мастером плагиата". Для достижения своей цели она исказила цитаты и нарушила хронологию. В письме также говорилось о том, как в 1949 г. Целан растрогал её умирающего мужа "скорбной легендой" об убитых нацистами родителях, которую он "поведал в трагическом тоне". Слухи о плагиате распространились и достигли Целана даже из Германии. Хотя литературное общество почти единодушно подобное обвинение отвергло, а один журнал даже вспомнил в этой связи о деле Дрейфуса, всё же зло было причинено.

В письмах к друзьям Целан говорил о "махинациях неонацистов... пытающихся погубить меня и мои стихи". Он называл себя "одним из тех, кого *отменили*... немецкие неонацисты и их орудия", а также "беспочвенным Степным Волком с ярко выраженной еврейской внешностью". Сравнивая себя с Гейне, он писал, что "тому жилось лучше в те времена".

Мысль о Гейне была отнюдь не случайной, так как Целан ощущал большую близость с этим поэтом — евреем, жившим в Париже и питавшим серьёзные сомнения относительно Отчизны. В 1961 г. Целан впервые дал эпиграф одному из своих стихотворений: это были язвительные строчки из стихотворения Гейне "Эдому" (так в Библии евреи называли своих врагов): "Лишь иногда, в мрачные времена". Этот эпиграф заставляет нас вспомнить остальные строки о "терпимости" народов мира, которая нарушается всякий раз, "когда ваши благочестивые когти/ окрашиваются моей кровью". Стихотворение Целана отличает чёрный юмор, основанный на соединении самого грубого антисемитизма с пророчеством Исайи о приходе Искупителя, который сделает кривые пути прямыми:

...где
моя еврейская звезда, где
борода моя, которую вы рвёте?
Кривым был путь, которым я шагал,
да был кривым он,
ибо да:
прямым был он...
Таким кривым, как мой горбатый нос.

Игра слов, соединяющая мессианское пророчество с расистским антисемитизмом, несёт здесь особую смысловую нагрузку, так как сама поэтика Целана со временем тоже сделалась "кривой", "искривляя" немецкий язык, чтобы пробиться прямо к собственной правде поэта.

С Кафкой Целан ощущал ещё бóльшую близость, чем с Гейне. Осознанная инакость Кафки, его активное отчуждение делали его особенно притягательным для Целана. В принадлежавшем поэту издании дневников Кафки я увидел жирно подчёркнутый пассаж, где Кафка спрашивает: "Что у меня общего с евреями? У меня нет почти ничего общего с самим собой" (8 января 1914). А рядом с записью от 24 января 1922 г. — "...совершенно покинут" — Целан, явно переживая такую же покинутость, в мае 1968 г. просто добавил: "13.5.68". Думаю, что по временам у Целана бывала потребность видеть более тесную связь между еврейским происхождением Кафки и его чужестью, чем тот признавал сам. В 1962 г. Целан подписался под одним письмом: `st nur ein Jud ("Это всего лишь еврей/жид"). Источник очевиден. В рассказе Кафки "Сельский врач", где о евреях нет и речи, горожане поют насмешливо-злую песенку: "Разденьте его догола, пусть полечит./ А если не сможет, забейте до смерти./ Ведь это всего лишь лекарь" (`st nur ein Arzt). Такой подписью Целан указывал на своё родство с Кафкой: он тоже чувствовал себя затравленным и загнанным.

В то же время — и не менее сильно — Целан преклонялся перед пражским писателем за его непоколебимую верность своему призванию и мастерству. В своём последнем письме Целан приводит слова Кафки о том, что он может достигнуть

"счастья, лишь если сумеет возвысить мир до Чистого, Истинного и Непреложного".

В стихах Целана мы часто встречаем имена евреев, которые — в отличие от Гейне и Кафки — подвергались преследованиям или смерти так или иначе в связи со своим происхождением. Его всегда волновали Барух Спиноза, Роза Люксембург и Густав Ландауэр — оба убитые в 1919 г., Осип Мандельштам, погибший в Сибири в 1938 г., Вальтер Беньямин, покончивший с собой в Бразилии в 1942 г., Эдит Штайн — ортодоксальная еврейка, ставшая монахиней и тем не менее погибшая в Освенциме в 1942 г.

Такие фигуры как Люксембург, Ландауэр и Бабель, вызывали у Целана особенно острую боль, потому что они не понимали, что еврейское происхождение не могло не наложить отпечатка на их судьбу. Его поразило высказывание Ландауэра о соединении в нём еврейского и немецкого: "Немецкость и еврейскость во мне не только не вредят друг другу, но даже помогают". Однако война, считал Целан, показала, что это была одна из самых трагических ошибок. Даже признание и премии, исходившие из Германии, он воспринимал как алиби немцев, не приближавшие, а ещё более отдалявшие его от этой страны.

Вследствие несчастий и отчуждения, которые он испытал во время и после войны, Целан сознательно повернулся к Восточной Европе, где он видел свои подлинные корни. Это был мир его погибших родителей и родного дома, традиционного быта и мистицизма, русской поэзии и надежд на революцию. Когда его обвинили в плагиате, он написал своему учителю, румынскому еврею: "Знаете, я часто думаю, что, возможно, было бы лучше, если бы я остался среди родных берёз". Даря свой первый поэтический сборник Эриху Калеру, он надписал на нём фразу из книги самого Калера: "К восточноевропейским евреям часто относились с пренебрежением, и ассимилированные евреи западных стран значительно способствовали такому отношению, стремясь дистанцироваться от своего прошлого". А в 1962 г. Целан, соединяя русские слова с латинскими, шутливо назвал себя "русским поэтом in partibus немецких infidelium" ("русский поэт на территории немецких язычников").

Целан переводил Мандельштама, Есенина и Блока и приветствовал появление "Бабьего Яра" Евтушенко. Он перевёл поэму на немецкий и дважды напечатал этот перевод в 1962 г. Произошёл странный поворот: Евтушенко отождествляет себя с виктимизированным Другим ("Мне кажется сейчас — я иудей"), а его переводчик-еврей утверждает собственную идентичность, повторяя по-немецки слова русского поэта: "Затравленный, оплёванный, оболганный..."

Уже через несколько месяцев после завершения работы над "Бабьим Яром" Целан снова возвращается к своим восточноевропейским интересам. Он переводит воронежские стихи Мандельштама и пишет длинное стихотворение, навеянное сборником "Тарусские страницы", в который вошли многие стихи Марины Цветаевой. За год до этого он предпослал одному из своих стихов эпиграф из Гейне, а теперь стихотворение "Эта книга из Тарусы" получило эпиграф из Цветаевой. Целан взял слова, которые теперь известны лучше, чем его (и даже её) строки: "Поэты — жиды!". Следует заметить, что когда речь идёт об этом эпиграфе у Целана, его обычно переводят неверно: "Все поэты — евреи". Строчка взята из "Поэмы конца" , где Цветаева в старом пражском гетто размышляет об отверженности поэтов: "В сем христианнейшем из миров/ Поэты — жиды!" И Цветаева, и Целан употребляют оскорбительное слово "жид" иронически. Интересно, что Евтушенко в "Бабьем Яре" использует три разных слова для обозначения евреев: выражая симпатию, он говорит "иудеи" и "евреи", а в уста погромщика вкладывает слово "жид".

Этот эпиграф печатался по-русски, так что неизвестно, насколько его поняли немецкие читатели. Для самого же Целана была важна идея: истинное призвание обрекает поэта на злословие и гонения.

В 50-60-е гг. он получил две почётные немецкие премии — премию им. Г.Бюхнера Немецкой академии языка и литературы и литературную премию г. Бремена; в это время он в каждом стихотворении продолжает отстаивать немецкий язык перед лицом "тысячи мраков смертоносной речи". Страдая маниакально-депресивным психозом, он в этот период много времени проводил в больнице, где нередко начинал до девяти коротких стихотворений в день. В этих стихах Целан упорно настаивает на том, что для нашей эпохи точкой отсчёта и главным событием стала Катастрофа. В 1965 г. он начал стихотворение:

С гонимыми в позднем, не-
замолчанном,
сияющем
завете.

Присущее Целану понимание долга перед языком заставило его "открыть косноязычный от правды рот", сломать, обнажить и сделать загадочно-сжатым немецкий стих, так что некогда отчуждённый язык стал чужим и странным совсем по-новому. Возникший в результате этого процесса верлибр позволил выразить то, что поэт назвал "царапающей правдой", и создать "песню лишений". Прокладывая собственную дорогу в послевоенной поэзии, Целан опасно балансировал и почти не находил поддержки. В 1964 г. он завершил одно из стихотворений словами:

Никто
не свидетельствует о
свидетеле.

Однако при всей необычности, загадочности и внешней противоречивости его стихи неизменно стремились к своему адресату — к слышащему их Ты, к готовому отвечать Другому.

В то время как Целан "пёк хлеб пустыни/ из странствующего вместе с ним языка", а его "рот, запинаясь, упрямо сжимался, но снова и снова/ искал тебя, вкус дыма", — в то время как его поэтика оттачивала новые метафоры и ритмы, он не оставлял мессианскую тему: "Идём со мной к Дыханию,/ и выше" (1966). Целан около десяти лет изучал работы Гершома Шолема, находя в Каббале, а также в творчестве Майстера Экхарта парадокс невыразимого Ничто, который сделал возможным для поэта "не-замолчанный,/ сияющий завет" с мёртвыми. Он стремился передать их чужесть и одновременно духовное присутствие.

Эта потребность была связана в сознании Целана с представлением об Израиле. Его родители не уехали в Палестину, а он сам после войны предпочёл "до конца испытать судьбу еврейского духа в Европе". Шестидневная война пробудила в нём и гордость, и тревогу за Израиль. В октябре 1969 г. он наконец посетил страну. Выступая перед Ассоциацией еврейских писателей, он сказал: "Я думаю, мне известно, что такое одиночество евреев". Однако его восхитил возрождённый язык и киббуцы, где

еврейский коллективизм свободно существовал на своей земле. Перед Целаном открылась новая возможность наконец переселиться на свою почву, но эта надежда, по-видимому, требовала от него усилий, на которые он был неспособен. Вероятно, инакость была его судьбой, он не был создан для мессианского единения. Возможно также, ему казалось, что иврит, который он хорошо знал, угрожает ему новым отчуждением от родного языка, доставшегося ему столь дорогой ценой.

Вернувшись в Париж, поэт некоторое время жадно писал друзьям и родственникам в Израиле и говорил, что хочет опять туда поехать. Возможность жизни в Израиле вызывала большие сомнения, но и существование в Париже стало очень напряжённым. Один из друзей Целана вспоминает эпизод, происшедший в начале 1970-го г. и характеризующий душевное состояние поэта. Это случилось в метро: "Какой-то парень отделился от стоявшей позади нас группы молодёжи и заорал на весь вагон: "Евреи — в печь!" Я увидел, как лицо Целана стало напряжённым и печальным, а кулаки сжались".

В апреле 1970 г., в дни Пасхи, Целан тайно от всех утопился в Сене. Самоубийство не было редкостью среди тех, кто прошёл концлагеря: при разных обстоятельствах покончили с собой Тадеуш Боровски, Петр Равич, Жан Амери, Примо Леви, Ежи Косински... Самоубийство Целана — независимо от его психического состояния в тот момент — вновь заставляет задуматься об инакости:

Никто
не свидетельствует о
свидетеле.

Пер. с английского Ольги Боровой

Эудженио МОНТАЛЕ (1896-1981)

СОН ЗАКЛЮЧЁННОГО

Рассветы от ночей здесь едва ли отличимы.

Зигзаг летящих птиц над вышками
в дни борьбы, мои единственные крылья,
полярный холод сквозняка,
взгляд начальника охраны из глазка,
треск раскалываемых орехов, шипенье
масла в ямах, вращенье вертелов
в бреду иль наяву, но солома — золото,
и цвета винного фонарь — очаг,
если во сне я верю, что — у ног твоих.

Чистка длится вечно, и причин ей нет.
Говорят, кто отрекается и подписывает,
может спастись от этого истребления гусей;
кто, признаваясь, всё же предаёт
и продаёт других, получает черпак,
вместо того, чтобы угодить в паштет,
предназначенный гнусным богам.

Тугодум, израненный
колючим ложем, я соединился
с полётом моли, измельчившей
подошвы обуви, стоящей на полу,
с мерцающими кимоно огней,
до зари развешанных на вышках,

я услыхал украденный ветром из печей
палёной кожи запах,
я поглядел вокруг, я вызвал
радуги на горизонтах паутины
и лепестки на ветвях решёток,
я встал, и я опять упал на дно,
где минуте столетие равно, —

и выстрелы повторяются, и шаги,
и ещё не знаю, буду я на празднике
поваром иль пирогом. Но ожидание долго,
и мой сон о тебе не окончен.

Пер. с итальянского Евгения Пашанова

Юзеф ОЗГА-МИХАЛЬСКИЙ (род. 1919)

ПОКАЗАНИЯ ЕВРЕЯ НА СТРАШНОМ СУДЕ

В час Страшного Суда все одеянья сбросив
и без стыда, нагим — каким был создан —
пред Судией явлюсь.
Без тоги адвоката; со мною лишь
с еврейской Стены Плача псалм Давида.
Никто меня не спас от превращенья в дым,
клубами к трону Твоему несомым, точно стадо
овец заблудших. И восседал Ты, Боже,
там же, где восседаешь и теперь.
Так кто ж перед Судом предстанет Страшным?
Ты, Господи,
иль вечный дым, что был когда-то мною?

Пер. с польского Зинады Шаталовой

Антоний СЛОНИМСКИЙ (1895-1976)

СТИХИ

В последних числах ноября 1918 года в кафе "Пикадор" в центре Варшавы, в центре эйфории снова независимой Польши, возродившейся после ста двадцати лет небытия, состоялся вечер пяти молодых поэтов. Это были Тувим, Ивашкевич, Слонимский, Вежиньский, Лехонь. Два года спустя они создали поэтическую группу "Скамандр", отождествляя с той рекой, что протекала близ гомеровской Трои, варшавскую Вислу. Ивашкевич и Вежиньский только что приехали из Киева, Тувим, уроженец Лодзи, уже два года был студентом Варшавского университета, Лехонь и Слонимский были варшавяне.

Антоний Слонимский был ценим и любим в Варшаве не только как лирик, но и как сатирик, как популярный фельетонист. Да и в лирике он иногда не чужд издёвки, иронии, инвективы, как это бывало и в поэзии его далёких предшественников — польских романтиков XIX века. По Варшаве ходили не только печатные тексты, но и словечки, остроты Слонимского. Острословом он был во втором поколении: одним из первых остроумцев Варшавы считался когда-то его отец, известный в городе врач.

Семья жила рядом с Саксонским садом, который был местом детских игр Антония и который вновь и вновь возвращается в его стихах и воспоминаниях. Слонимский окончил варшавскую Академию Художеств, изучал живопись также в Мюнхене, в 1913 году жил какое-то время в Париже, с началом первой мировой войны выехал в Россию, побывал в Петербурге, затем вернулся в Варшаву. Его первой книгой была книга сонетов (1918), создавшая ему репутацию мастера формы и чуть-чуть парнасца, но впоследствии приверженцы его поэзии ценили больше её содержание, нежели форму, с годами он всё более становился гражданским поэтом, убеждённым либералом, непримиримым противником немецкого нацизма и польской реакции, пацифистом, человеком, утопически верящим в возможность прогресса, свободы, демократии. Польский патриот, он вынужден спорить с другими "патриотами", уже в 20-х годах готовыми выгнать его, еврея, из Польши. Этот спор — содержание стихотворения "Две отчизны". Хрестоматийное в Польше стихотворение Слонимского "Разговор с земляком" (1922) написано по впечатлениям его поездки в Палестину и вошло в его книгу "Путешествие на Восток" (1924). Годы второй мировой войны Слонимский провёл в Лондоне, где в 1942-м вышла его автобиографическая поэма о Варшаве его детства и юности, о родных и друзьях —

"Пепел и ветер" (1942). С 1945 года стихи Слонимского печатаются в Варшаве, но сам он окончательно вернулся в Варшаву шестью годами позже: в 1946-1948 он руководил секцией литературы в ЮНЕСКО в Париже, в 1948-1951 — Институтом польской культуры в Лондоне. В 1956-1959 (это годы польской "оттепели") он был председателем Польского союза литераторов.

В первые послевоенные годы, после Голокауста, после гибели целой цивилизации польских евреев, написано знаменитое стихотворение "Элегия еврейских местечек".

В 1970-х годах старик Слонимский — патрон и кумир польской оппозиционной интеллигенции. Многое его не устраивает в Польше, но даже прямые оскорбления в выступлениях руководителей государства не толкнули его к отъезду, как толкнули события и газетные статьи 1968-го многих других польских евреев. В стихотворении "Ответ на приглашение" Слонимский объяснил, что привязывает его к городу.

В первый же мой приезд в Варшаву, в 1963-м, мы с Натальей Астафьевой зашли к Слонимскому. Он охотно принял нас, интересовался современной русской поэзией, Россией, Ленинградом, где ещё жив был тогда его двоюродный брат, русский писатель Михаил Слонимский.

ДВЕ ОТЧИЗНЫ

В твоей отчизне привыкли спину
Гнуть перед властью,
На побеждённых — с презреньем кинуть
Взгляд перед казнью.

В твоей отчизне дань на коленях
Несли трём тронам.
В моей отчизне — кто падал, то лишь в сраженьях,
Непокорённым.

В твоей отчизне Бог к иноверцам
Жёстче и твёрже.
Моя — объяла весь мир всем сердцем,
Крест распростёрши.

В твоей отчизне знатных портреты,
Чиновных ранги.
В моей отчизне слова поэта
В сердечной рамке.

Хоть мрак стоит за тобой полночный
И мгла слепая,
Как можешь выгнать меня из Польши,
Её не зная?

РАЗГОВОР С ЗЕМЛЯКОМ

Возле Яффских ворот я попался еврею:
— Как Саксонский наш Сад? Стал я стар и слабею.

Как фонтан? Там, где вход был с улицы Чистой,
Торговал там кондитер, как был я мальчишкой.

— Всё там так же, как прежде: фонтан и киоски.
Но теперь там стоит ещё князь Понятовский.

Понятовский? Да, знаю, герой был бесстрашный...
Как теперь там у вас? Хорошо было раньше!

Мне бы только здоровье немного поправить,
Я поехать хочу, поселиться в Варшаве.

Если всё распродать бы да без проволочек...
Даже есть покупатель... Но сын мой не хочет.

Он учёный, он Леви, фамилия та же,
Говорю с ним о Польше — не слушает даже.

Объяснял, толковал я ему многократно:
"Да ведь там же — Варшава!". Ему не понятно.

1922

ЭЛЕГИЯ ЕВРЕЙСКИХ МЕСТЕЧЕК

Нет уже, нет уже в Польше еврейских местечек,
В Карчеве и Фаленице, в Хрубешуве, в Бродах
Тщетно искал бы ты в окнах затепленных свечек
И синагог деревянных, и ка́мней надгробных.

Нет уж еврейских лохмотьев, всё чисто отныне,
Кровь по евреям замыли и след их чумазый,
Стены побелены заново известью синей,
Будто на праздник большой или после заразы.

На́ небе месяц один лишь, холодный и плоский,
За городом на шоссе, когда ночь здесь настала,
Гордость еврейской родни, поэтичные хлопцы,
Уж не увидят двух месяцев Марка Шагала.

Месяцы те над другой уже ходят планетой,
Прочь улетели, гонимы молчаньем понурым,
Нет уж местечек, где был сапожник поэтом,
Был мудрецом часовщик, брадобрей трубадуром.

Нет уж местечек былых, где библейские песни
С грустью славянскою смешивал ветер незримо,
Где старики-иудеи под сенью черешни
Стены святого оплакивали Иерусалима.

Нет тех местечек, и нет этой скорби исхода,
Тень их витает и тень на слова наши ляжет,
Прежде чем время вновь сблизит по-братски и свяжет
Два перемученных общим страданьем народа.

ОТВЕТ НА ПРИГЛАШЕНИЕ

"...Would you come to us?
What is that feeling that you have
about that ugly city of yours?"[1]

Что связует меня с этим городом?
Малость.
Осенние яблоки, сливы,
Бражным запахом их дышалось,
Фуражка, в которой я шёл из школы,
Лаком пахнущий мокрый околыш
В день дождливый.
Даже дух капусты, что тут и там
Из подвалов зарешёченных бил,
Стук пролётки, грязь улиц, туман,
Духи́ моих первых богинь.
Запах юности — клей
Взятых в читальне книг,
Весенних ветров longplay[2]
И лунный лик.
Искать экзотик труд пустой,
Земной объезжая круг.
Мир, который ты трогал рукой.
Запах, звук.
Важность дел, что заботят нас,
Чары того, чем жил.
And that is quite enough,
And that is what I feel[3].

Перевод и вступление Владимира Британишского

---

[1] "...Собираетесь ли Вы к нам? Что за чувство привязывает Вас к этому Вашему безобразному городу?" (*англ.*)

[2] долгоиграющая пластинка (*англ.*)

[3] И этого вполне достаточно, и вот что я чувствую. (*англ.*)

Вольф БУХМАН

* * *

Изучаю
язык древних евреев.
С первой страницы учебника
глядит набычившись русское слово "*бык*"
на звучащее
певучим понуканием
слово "*пар*".
Но нельзя не улыбнуться
тому, что рядом с быком
летит "*парпар*" — бабочка.
Порхая
над тяжело шагающим быком,
она заставила улыбнуться
уставшего человека.
Двойным шевеленьем губ —
парпар —
он позвал
порхающую танцовщицу.

1995

* * *

Рядом с привычными словами
"идти пешком"
шагают древние
"идти ногами":
"лалэхэт барэгэль".
Блуждая
среди густорастущих слов,
мысленно произношу

вместо
"яхóль леэхóль" —
"могу есть" —
"охэль барэгэль" —
"ем пешком".
Радуюсь
и этой несуразной находке.
Пригодится и она.
Брожу по Вселенной языка.
"Изучаю пешком" —
"ламэд барэгэль".

1995

* * *

Не знаю,
что было за окном.
Должно быть, падал снег.
Мать —
обычно у плиты,
вся жизнь в приготовленье пищи,
умела накормить всех нас, голодных, —
стояла у окна,
смотрела задумчиво
во двор,
там дерево огромное росло.
Должно быть, падал снег.
Мать обычно говорила
на идиш с нами.
Глядя в окно, сказала по-русски:
— *природа великая вещь.*
А мы смеялись, повторяя
её слова.

1995

* * *

Отец рассказывал,
что дед его,
подвыпив в праздник,
возвращаясь домой
после молитвы в синагоге,
танцевал
на улице еврейского местечка.
Дед держал, танцуя,
один конец большого платка,
другой покачивался,
взлетая выше.
Его держал,
танцуя с дедом,
Бог.

1995

Владимир КЛИМОВ

"ИЗМЫ" И "СТИШИЯ"

Светлане

Сочится Вовка именем твоим

когда-нибудь и я умру — и точка
плесни-ка Светка в горло кипяточка

убили Зиму
низложили
и всю пустили по ручьям

ужесточилася Зима
        и тут же свалилось с неба
        количество такое снега
        что качество свело с ума
душа отпрянула от сна

КОНЕЦ

Я всёхнулся
Я
    ВСЁ
            узнал

я выкормыш фантазии моей

не в строчках помещается пророчие
а где-то между строчек — в междупрочии

и сытый мрак
и хилый сумрак
едва лысеющий рассвет

О, нестремизм к конечной цели!

... и в горло Голос ввинчен
    до визга он завинчен
    словами увенчан
    в языковом бренче

Юрию Кононенко

Жизнь каждого — афоризм на его могиле
Жизнь — маленькая слабость Смерти
Жизнь — это всего лишь приключение заблудившейся Смерти
Без Смерти — кто бы о Жизни вспомнил

кислые неба щи
от бога нет помощи
состоянье дурацкой немощи
в землю спрячусь — уж ты не взыщи

мне тайна жмёт
и неизвестность — тéсна

пица
не могла приземлиться
пришлось ей себя излетать

Земля — сплошная лицотека
собранья сочинений лиц

Жизнь — течёт, а чей-то Голос
протекает сквозь неё — неуслышанным

Я рождён. Заверните меня.

Булат ОКУДЖАВА

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Что было, то было. Минувшее не оживает.
Ничто ничего никуда никого не зовёт.
И немец, застреленный Лёнькой, в раю проживает,
и Лёнька, застреленный немцем, в соседях живёт.

Что было, то было. Не нужно ни славы, ни денег.
По кущам и рощам гуляют они налегке,
то пёрышки белые чистят, то яблочки делят,
то сладкие речи на райском ведут языке.

Что было, то было. И я по окопам полазил
и всласть пострелял по живым — всё одно к одному —
убил ли кого или вдруг пожалел и промазал?
... А спрашивать негде. И надо решать самому.

сентябрь 1996

Александр ЛАЦИС

ИЗ-ЗА ЧЕГО ПОГИБАЛИ ПУШКИНИСТЫ?

Тревожных предвестников не было: ни шельмования в печати, ни заседания с публичной проработкой. Молодого, несомненно одарённого учёного на пустынной площади, на одной из центральных площадей Ленинграда, сбила насмерть машина. Много лет спустя в московском музее Пушкина мне поведали изустное предание. Оно гласило: "Машина за ним гонялась, как за мухой".

Дорожное происшествие имело место в начале 1937 года. Казалось бы, к чему такие сложности? Не проще ли доставить учёного куда надо, на Литейный проспект? Позвольте предположить, что суть дела до того деликатная, что обычные способы были чем-то неудобны, не годились.

Учёного звали Сергей Гессен. Он успел зарекомендовать себя статьями о декабристах, а также о Десятой, то есть об утраченной, зашифрованной и сожжённой главе "Евгения Онегина". Его труды не были изъяты. Появился неформальный, сердечный некролог. Имя продолжало упоминаться.

Словом, полностью соблюдался тот декорум, который положен по графе "несчастный случай". Можно прийти к мысли, что так оно и было.

Прошло без малого двенадцать лет. В поезд Москва-Ленинград сел очень известный пушкинист, обычно его именуют Модзалевский-младший, Модзалевский-сын. Лев Борисович до Ленинграда не доехал — выпал из поезда, разбился насмерть.

Оба погибших ленинградских пушкиниста были, разумеется, между собою знакомы. Мало сказать "знакомы". Они ещё и соавторы. Под их именами — С.Гессен и Л.Модзалевский — выпущена книжка. "Разговоры Пушкина".

Так из-за чего погибли пушкинисты? Из-за разговоров Пушкина?

Или — это куда вероятнее — из-за разговоров о Пушкине?

Публикация этой статьи стала возможна благодаря содействию фотосалона "БИТЦА" и доброму участию Даниила ДОМБРОВСКОГО.

Так или иначе, но в годы, когда государство продолжало страдать манией преследования, это сочетание не могло не восприниматься как данный для острастки наглядный урок. Каждому пушкинисту следовало самому сообразить, что и ему может упасть кирпич на голову.

Главной задачей стало не сказать лишнего.

А вот что оно такое — "лишнее"?

Чего именно следует избегать?

На всякий случай — всего.

Долгое время я не решался в разговорах со знакомыми мне пушкинистами спрашивать — по какой причине вокруг жизни и творчества поэта возник зловещий запретный круг, как случилось, что Пушкин находится на запретном режиме, на положении арестанта, осуждённого чуть ли не на вечный срок?

Если ты начал о чём-либо догадываться, то тем более помалкивай. Вот девиз, под которым прошла жизнь большинства моих современников.

Тем временем биография Пушкина продолжала оставаться в крайне запутанном виде. Перемешивание фактов с легендами приводило к единственно остающемуся выводу: Пушкин был, видите ли, "поэт". В обывательском представлении об этом слове.

Он был "поэт", значит человек вспыльчивый, порывистый, рассеянный, противоречивый, попросту взбалмошный.

Но в коем случае не политический деятель, не сколько-нибудь последовательный мыслитель, а "поэт", да и только.

* * *

Когда какая-то загадка долгое время не поддаётся решению, надо попробовать поставить рядом с ней ещё одну. Может оказаться, что они сами решают друг друга.

Труды пушкинистов не давали и до сих пор не дают сколько-нибудь ясного представления о Десятой главе "Онегина". И, как нарочно, а может, и впрямь — нарочно, дежурные пушкинисты печатают заведомую бессмыслицу, вроде того, что таковой главы никогда не было!

Стало быть, не эта ли тема — в числе сугубых секретов?

Что ж, оно, пожалуй, понятно. Если Десятая глава — насквозь сатирическая, то она мешает укреплять культ государства. А у нас благо государства — высший закон.

Если Модзалевский-младший вместе с Гессеном, или вслед за Гессеном, открыл истинный ключ к Десятой главе, то он обладал достаточно проницательным умом.

Много лет спустя, кажется, в 1982 году, беседую с одним из лучших пушкинистов, с Сергеем Михайловичем Бонди.

— А что, Модзалевский-младший, он был очень умный?

— Дурак. Совсем дурак. Мы про него так и говорили: у него вместо головы — картотека его отца.

— А что вы говорили про его отца?

— А про его отца мы просто говорили: у него вместо головы — картотека. С младшим, — продолжает Бонди, — был у меня такой случай. Пришёл он ко мне, жалуется: "Почему Леонид Гроссман про меня говорит, что я дурак? Не такой уж я дурак..." И тут мой гость увидел на столе недавно вышедший третий том писем Пушкина. Тот том, где его, Льва Борисовича, обширные примечания. "Очень, — говорит, — интересно. Сейчас глянем на ваши замечания". И берёт том в руки. Я подскочил, кричу: "Нельзя!", стараюсь отнять. А он не отдаёт. Потанцевали мы с ним по комнате, держась за книгу. В конце концов я победил, книгу вытащил. Я не был сильнее. Но я знал, что мне невозможно уступать. Из-за моих пометок. А были они такие: "Он ничего не понял!", "Опять ничего не понял!", "Идиот!". Модзалевский-младший не предполагал подобных выражений, понял наши с ним танцы совершенно иначе и обиженно сказал: "Напрасно вы мне не доверяете. Я бы не разболтал ваших секретов".

Далее я спрашивал у Бонди, какого мнения он о Л.Гроссмане, о Д.Благом, о Б.В.Томашевском.

— Леонид Гроссман был настоящий интеллигент. Человек высокой культуры. Прекрасно знал французский. Богатая эрудиция. Неплохо писал стихи. Но дурак, Боже мой, какой дурак!

Хуже всего отзывался Бонди о Благом. И только Томашевский был удостоен похвалы.

— Умница! Он был умнее нас всех, вместе взятых! Один недостаток: не обладал развитым поэтическим слухом.

Возможно, Бонди запомнил и учёл, что в одной из предыдущих бесед я упомянул, что учился у Томашевского. Позднее, когда я кому-то из сотрудников московского музея Пушкина излагал отзыв Бонди, в ответ я услышал:

— Что вы нам рассказываете? Уж мы-то знаем, как Бонди отзывается о Томашевском!

В конце концов я понял, что не скоро подневольные пушкинисты получат возможность взяться за решение тайны Десятой главы. Она оказалась не такой уж сложной, искусственно замудренной. Текст спокойней, чем можно было ожидать. Иначе и быть не могло. "Славная хроника" — так записал в дневнике свои впечатления от услышанного П.А.Вяземский.

И впрямь — "славная хроника". Какая ж тут угроза для наших властей? Нету там ничего смертельно опасного.

История поиска ключа к Десятой главе сама по себе любопытна, но это другая тема, не она сопричастна с судьбой погибших пушкинистов.

* * *

Учёных можно поделить на два подвида. Одни — по преимуществу рассуждатели, другие — фактовики.

Бытовало такое присловье: Б.Модзалевский в Ленинграде знает о Пушкине всё, М.Цявловский в Москве знает всё остальное.

То же самое соотношение сил нетрудно выразить иначе: Б.Модзалевский (то есть старший) составил картотеку. В неё он вносил сведения о тех, кто жил в России в пушкинские времена.

М.Цявловский, со своей стороны, подготовил всеобъемлющую летопись жизни Пушкина. Личные архивы обоих разыскателей хранятся в Ленинграде, в Пушкинском доме. Не пытайтесь туда обратиться. Вам скажут: "Архивы не разобраны". Возможно, так оно и есть. Не успели. Со времени кончины Модзалевского-старшего прошло всего-навсего шестьдесят лет.

Модзалевский-отец был непревзойдённым знатоком генеалогии. Про девятнадцатый век он знал всё. Кто от кого родился по сведениям, взятым из документов. И кто настоящий, фактический родитель.

Недавно в ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома воспроизведено письмо М.П.Алексеева к Б.Л.Модзалевскому. В 1924 году будущий академик пишет из Одессы в Ленинград. Он только что узнал потрясающую новость. Мария Николаевна Раевская, в замужестве Волконская, поехала к декабристам в Сибирь не из-за мужа, а из-за друга. Муж, генерал С.Г.Волконский, послужил официальным предлогом.

Если Модзалевский ответил Алексееву, то в письме или при встрече он, вероятно, сказал: "Экая новость! Это всему миру давно известно, и только мы стоим в позе страуса!"

В действительности отцом детей Марии Николаевны был Александр Васильевич Поджио. Но, дабы дети не считались незаконнорожденными, их записали на фамилию мужа.

Когда декабристы возвратились из Сибири на родину, Поджио не отъехал от фактически сложившейся семьи и стал именоваться "управляющим имением".

Годы шли, наступило начало двадцатого века. Потомок Волконской уехал в эмиграцию, в Италию. Там он вернул себе фамилию своих истинных предков. Его похоронили в семейной усыпальнице итальянской ветви рода Поджио.

Эти уточнения не умаляют подвига Волконской, а также и Трубецкой. Они отправились в каторжную Сибирь, повинуясь не супружескому долгу, а во имя верности любви.

Повторяю: Модзалевский-старший по части генеалогии знал всё. Модзалевский-младший тоже знал немало. Проницательный С.Гессен мог к нему обратиться за какой-нибудь справкой. Но если не представляла реальной угрозы для существования государства Десятая глава "Онегина", то разве рухнуло бы оно из-за чьей-то карточки в картотеке Модзалевского?

* * *

Собственное имение братьев Поджио называлось Грамоклея. Довольно длинная речка того же названия начинается от южной оконечности Полтавской губернии и течёт на юго-запад, по Елизаветинскому уезду Херсонской губернии. Несколько имений, деревень, колоний носили одно и то же название Грамоклея.

Те, кто читал всё о Пушкине, скажут: "Знакомое слово. Где-то встречалось. Не в записках ли Россет-Смирновой?"

Так оно и есть. Иголочка памяти пушкинистов работает профессионально. Подвернётся слово "Грамоклея". За ним тут же тянется мнемоническая цепочка: "Поджио — Волконская — Пушкин".

И ещё раз — Грамоклея. И другая цепочка: "Александра Россет-Смирнова — Пушкин".

У каждого пушкиниста в сознании или где-то поглубже, в подсознании, множество подобных цепочек, работающих рефлекторно, на высоких скоростях.

Воспользуемся девизом Монтеня — "Que sais-je?" — "Что знаю я?" И вернёмся к эффектной фразе "гонялись, как за мухой".

Каков её юридический вес? Ноль целых, ноль десятых.

С не меньшим основанием можно было сказать, что пешеход упорно стремился под колёса.

Если рассуждать непредвзято, вот что могло произойти. Стараясь избежать наезда, шофёр повернул было в сторону. Но одновременно в ту же сторону метнулся пешеход. Мгновение — и снова одновременно — пешеход и водитель бросились в другую сторону. Так произошло гибельное столкновение.

Ни к какому периоду не следует навешивать напраслин, вроде тех, которыми изобилует сочинение С.Мельгунова "Красный террор в России", некритически освоенное А.Солженицыным.

Так что же мы узнали? Как нередко приговаривал Пушкин, "ничего, иль очень мало".

Предполагать, что за несчастными случаями могут скрываться преступления, мы вправе. При условии, что сумеем, хотя бы приблизительно, установить мотив.

* * *

Тупиковое положение раньше многих ощутил и обрисовал Иван Сергеевич Тургенев. Затем, ещё подробнее, С.А. Соболевский. Опаснее любого цензурного ведомства — цензура нравственных норм, ханжеская цензура общего мнения. Оно не позволит друзьям Пушкина, его современникам выйти за рамки обыденных представлений о прави-

лах приличия. Мемуаристы не сумеют, не смогут рассказать о Пушкине всё, что им известно.

К сожалению, И.С.Тургенев остаётся прав. Цензура предрассудков никогда не допустит, чтобы облик Пушкина в чём-то отклонялся от средних норм. Его поведение обязано соответствовать тому уровню морали, который общепринят в такое-то десятилетие данного века.

Нормы поведения изменчивы, как всё на свете, и, как всё на свете, подвержены влиянию моды. Особенно заметны колебания по части допустимости бранных выражений. Однако на словарь Пушкина не распространились нынешние послабления. Далеко не самые страшные обороты, такие, как бордель, блядун, выблядок, по-прежнему заменяют многоточиями. Но вот что уморительно: не везде. То, что в одних томах Большого академического издания можно, в других — ни в коем случае не печатают.

А ещё нельзя позволять Пушкину, чтобы он признавался в том, что упал в обморок. В его письме, написанном по-французски, прямо сказано: "allait jusqu' á la défaillance".

Это означает "дошло до обморока".

Как извернулись перепуганные пушкинисты? При переводе подменили "обморок" на "изнеможение"!

Знавший Пушкина А.В.Никитенко упомянул о том, что было у поэта постоянное дрожание левого угла верхней губы.

"Вот поэт Пушкин. Видев его хоть раз живого, вы тотчас признаете его проницательные глаза и рот, которому недостаёт только беспрестанного вздрагивания: этот портрет писан Кипренским".

Никто из пушкинистов не взялся рассуждать про тик, или обморок, или близорукость. Разве что С.Гессен и Л.Модзалевский? Уж не коснулись ли они сих пагубных подробностей в неосторожном разговоре? Если так, то они повинны не в легкомыслии, а в сущем безумии...

* * *

Приведём отрывок из записок И.И.Пущина. Возможно, именно этот эпизод показал И.С.Тургеневу, как перо мемуариста пасует перед ханжескими условностями.

Время и место действия — Петербург, после окончания Пущиным и Пушкиным лицея, примерно 1817 или 1818 год.

"Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдёт он ко мне. Вместо: "Здравствуй", я его спрашиваю: "От неё ко мне или от меня к ней?" Уж и это надо вам объяснить, если пустился болтать.

В моём соседстве, на Мойке, жила Анжелика — прелесть полька!"

Фамилию Анжелики Пущин огласке не предаёт, и весь эпизод обрывает пушкинской стихотворной строкой: "На прочее — завеса".

Намёк довольно очевидный. Значит, потом было прочее.

Значит, у любовных встреч Пушкина было последствие. Появилось дитя любви, рождённое вне брака.

Оглашать поимённо подобные тайны в девятнадцатом веке не полагалось.

Внебрачные дети теряли права дворянства, их не принимали в "приличных домах". Кроме того, они или их потомки, их родственники могли вчинить иск мемуаристу о возмещении убытков за диффамацию, то есть за разглашение порочащих сведений, хотя бы и справедливых. Вот почему пикантные сюжеты излагались туманно, нередко с переносом на выдуманные адреса или с переносом на тех, кто уехал за границу и не оставил корней в России.

Первые пушкинисты и их преемники, рассказывая об одесском периоде, приплетали имя Амалии Ризнич, не игравшей реальной роли в жизни Пушкина. Её имя служило псевдонимом для замены подлинных имён. Вынужденная сдержанность Ивана Ивановича Пущина была неизбежной, об этом и говорил И.С.Тургенев, на которого мы ссылались выше. После революции препоны, казалось бы, исчезли. Отпала проблема наследственных дворянских прав, исчез закон о диффамации. Ринувшись отыскивать "утаённую любовь", пушкинисты перебрали чуть ли не десяток версий, втягивали в обсуждение любые имена, вплоть до Марии Раевской, в замужестве Волконской.

Все эти легенды уводили прочь от простого решения. Упоминая в черновике вступления к "Полтаве" "утаённую любовь", Пушкин говорил о с в о б о д е.

Почему же не появилось ни одной версии, ни одной догадки относительно фамилии польки Анжелики, относительно судьбы вне-

брачного ребёнка? Почему об этом увлечении Пушкина — глухое молчание, словно воды в рот набрали?

Таких детей, выражаясь на французский лад — *bâtard*, выражаясь по-русски — *выблядков*, по возможности скрывали, им сочиняли подложные метрики или их отдавали на воспитание в чужие семьи, и тайну рождения приёмыша хранили чужие люди.

* * *

Итак, было последствие. Что за дитя? Девочка или мальчик? Ничего не известно?

Думаю, что известно. Послушаем Пушкина.

Под вечер, осенью ненастной
В далёких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.

Дадут покров тебе чужие
И скажут: "Ты для нас чужой!"
Ты спросишь: "Где ж мои родные?"
И не найдёшь семьи родной.

Но что сказала я? Быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня тревожит!
Возможно ль с ы н а не узнать.

Повторяю сказанное Пушкиным со всей силой не придуманного, истинного чувства: возможно ль с ы н а не узнать?

Тут легко меня уличить в подтасовке, в натяжке. Эти стихи, "Романс", печатают под Пушкиным проставленной датой — "1814". Раз они написаны года за три до встречи с Анжеликой, то они не могут приниматься во внимание.

Довод внушительный, только он имеет обратную силу. Дата "1814" для того и придумана Пушкиным, чтоб написанное им от всего сердца не послужило поводом для пересудов. Если приглядеться, то

становится очевидным: нет ничего общего с уровнем детских стихов, судя по мастерству, стихи написаны не ранее 1819 года.

* * *

В сентябре 1820 года Пушкин рассказывает о семье Раевских в письме к брату Льву. Речь идёт о сыне генерала Раевского, о Николае Николаевиче-младшем.

"Ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные".

К этим словам нет у пушкинистов ни малейшей попытки дать комментарий.

Конечно, "важные услуги" можно сказать о чём угодно. Но "незабвенные"! Но — "тесная связь"! Это, я думаю, позволительно истолковать вполне определённо.

Друг Пушкина, Николай Николаевич Раевский-младший, вызвал к себе в Петербург надёжного человека, хлопотуна по всем делам семейства Раевских, француза Фурнье. Ему дано поручение: отвезти малютку в южные имения Раевских. На юге полковой священник исполнил, согласно пожеланию генерала, обряд, выписал метрическое свидетельство. Ребёнку присвоена фамилия матери. В роли крёстного отца выступил адъютант по имени Леонтий.

Адъютант генерала Раевского вам знаком, но не по имени, а по фамилии. Леонтий Васильевич Дубельт впоследствии стал правой рукой Бенкендорфа. Ему будет поручено возглавить посмертный осмотр бумаг Пушкина. За его сына выйдет замуж дочь Пушкина.

Если Дубельт принял участие в крещении, то возможно, что младенцу было дано имя Леонтий.

Далее француз Фурнье присматривал за воспитанием, и посему ребёнок неплохо выучил французский язык.

* * *

Нетрудно убедиться: именно так действовал Пушкин, когда вновь попал в подобное положение. Есть его письмо к князю

П.А.Вяземскому, из Михайловского в Москву. Речь идёт о крепостной крестьянке, об Ольге Калашниковой.

"Письмо вручит тебе очень милая и добрая девушка, которую один из моих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твоё человеколюбие и дружбу.

...При сём с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно, ей-богу... но тут уж не до совести".

Вяземский, в отличие от Раевского, помочь отказался. Калашникова вместе со своим отцом переехала на жительство в Болдино. Появился на свет мальчик, наречённый Павлом. Как Пушкин и опасался, ребёнок умер в раннем детстве.

* * *

О своей "брюхатой грамоте" Пушкин писал Вяземскому в 1826 году. Прошло два года. Бойкий журналист — его так и звали "Борька Фёдоров" — 6 мая 1828 года занё с в дневник услышанное от Пушкина: "У меня детей нет, а всё выблядки".

Значит, опять-таки подтверждается: когда Пушкин ещё не был женат, побочные, рождённые вне брака дети у него были, и не один.

Прошло ещё два года. Пушкин обращается к Бенкендорфу, просит, чтобы его отпустили в поездку в Европу. Ему отвечают: "Нельзя".

Он просится в Китай. Опять отвечают: "Нельзя".

"Ежели Николай Раевский проследует в Полтаву, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство дозволить мне его там навестить".

Чего не хватает в этом письме? Пояснения. С чего вдруг — в Полтаву, и почему просьба условная, в зависимости от того, будет ли там Николай Раевский?

Да и какая надобность повидаться с Николаем Николаевичем-младшим, с которым в недавние дни путешествия в Арзрум Пушкин две или три недели прожил в одной палатке?

Пушкин в письме Бенкендорфу чего-то не договаривает.

Потому что при Бенкендорфе находится Дубельт, для которого пояснений не требуется, ему всё понятно. Пушкин собирался навестить своего сына. Сын находится где-то недалеко от Полтавы, а где именно — Пушкин этого не знает и думает, что без Николая Раевского может не отыскать.

Возможно ль с ы н а не узнать...

Однако и на эту просьбу последовал отказ.

* * *

Вся цепочка догадок выглядела бы весьма гадательной, если б не существовало многотомное документальное издание "Архив Раевских". Пять томов подготовил к печати и снабдил примечаниями Модзалевский-младший. Та часть писем, которая была написана по-французски, напечатана без перевода на русский язык.

Подобно Модзалевскому-старшему, младший тоже свободно владел французским языком. Он не мог не знать напечатанную в "Архиве" французскую часть переписки. Действие переносится в Крым. Посыльный отправляется из Кореиза (владение княгини Анны Голицыной) в Форос (недавнее приобретение Раевского-младшего. Другое название — Тессели). Княгиня Анна пишет (скорее всего — диктует) записочку к Николаю Николаевичу:

"Я вам посылаю вашего Димбенского. Славный мальчик, но у него не всё ладно с ногами. И это ведёт к тому, что он мне не сможет пригодиться как секретарь".

Главная обязанность домашнего секретаря — вести французскую переписку. Значит, юноша необходимым уровнем знаний обладает.

Что ещё мы узнали? Фамилию. Димбенский или что-то в этом роде. На обороте имеется приписка, в ней повторяется та же фамилия несколько иначе: Дебинский.

Есть шутливое выражение, но не вовсе шуточное правило: когда предстоит выбор между двумя путями, предпочитайте третий.

1 мая 1834 года отослано из Петербурга письмо к Николаю Николаевичу Раевскому.

"Посылаю вам паспорт для вашего Дембинского и прошу вас возвратить мне тот паспорт, который был ему выдан с.-петербургским Генерал-Губернатором. По истечении же годичного срока пришлите мне и прилагаемый паспорт для перемены онаго.

Счёт израсходованным деньгам за Дембинского посылаю. Хотите заплатить, то пришлите, не хотите, то Бог с вами.

Ваш друг душою и сердцем

Л.Дубельт"

Упоминая о деньгах, Дубельт, очевидно, шутит. Сбор за выдачу годового паспорта взимался в размере 1 р. 45 коп.

Письмо Дубельта — внимательное, заботливое, оно в какой-то степени подкрепляет предположение о том, что Леонтий Дубельт — крёстный отец рождённого вне церковного брака сына Анжелики. А фамилия её, если считать, что Дубельт ничего не перепутал, — Дембинская.

* * *

Построить достаточно связную версию — это первая половина нашей задачи. Вторая половина — рассказать, как к той же самой версии пришли, не могли не прийти С.Гессен и Л.Модзалевский.

"Разговоры Пушкина" они начали готовить при жизни Модзалевского-старшего, по его замыслу, пользуясь его советами.

В будущий сборник была включена и запись Борьки Фёдорова, та, где приведено упоминание о приблудных детях поэта. Нетрудно представить, что составители сборника обменивались мнениями и не оставили в стороне рассказ Пущина о польке Анжелике. Модзалевский-старший, по всей вероятности, посоветовал заглянуть в "Архив Раевских". Остальные подробности сами собой подвёрстывались к сюжету.

Благодаря всё тому же "Архиву Раевских" выясняется, что Н.Н.Раевский женился в зрелом возрасте. В 1839 году ему — 38, а его

невесте — 20. Анна Михайловна, урожденная Бороздина, так и не прилепилась душой к своему пожилому супругу. В 1843 году жена находилась в Крыму, муж — в воронежском имении. Внезапно развернулось мучительное заболевание. Оно длилось месяц. После кончины супруга прошёл ещё месяц. Прибыла хозяйка, известная своим крутым, весьма энергичным характером.

Управляющий имением представил письменный отчёт о ходе болезни, о лечении. Из этого доклада мы узнаём, что кто-то из сопровождающей хозяина обслуги читал умирающему французские книги. Сочтём это сообщение за косвенное известие о Дембинском. Далее о нём в "Архиве Раевских" сведений нет.

У Анны Михайловны — две кузины, урождённые Бороздины. Одна вышла замуж за декабриста Поджио — не за Александра, за его брата Иосифа. Другая — за декабриста Лихарева. Обе от мужей отреклись. И ни одной части доходов от имений не предоставили своим бывшим супругам.

Есть довольно распространённый тип женщин, которых мужчины сами по себе не интересуют. Ничто этих дам не привлекает — ни внешность, ни характер. Особый род тщеславия побуждает их собирать коллекцию людей известных, чем-либо примечательных.

Была ли Анна Михайловна и её родственницы посвящены в происхождение 25-летнего Дембинского? Не унаследовал ли потомок поэта некие особенные дарования?

Нет оснований утверждать, что подобное любопытство было присуще представительницам именно того, а не другого дворянского рода. Любая барыня, оказавшись брюхатой, должна была на время скрыться от общества, а затем отдать ребёнка в какую-нибудь не близко проживающую семью. Желательно, в непьющую, в надёжную. А какие семьи самые заботливые? Ответ известен...

Так у Дембинского мог появиться свой тайный сын. По отчеству Леонтьевич. Фамилия — той семьи, которая приютила младенца. Время рождения — где-то около 1845 года...

* * *

Скончался Модзалевский-старший. Вышли в свет "Разговоры Пушкина". Через год, в конце 1930-го, в Берлине — по-русски, в Париже

— по-французски, появилось автобиографическое повествование "Моя жизнь", принадлежащее перу одного из самых знаменитых политических деятелей первой половины двадцатого века.

О родителях автора рассказано весьма кратко. Ни разу не упоминается фамилия отца. Девичья фамилия матери, хотя бы её имя — всё это остаётся неизвестным. Не указано — откуда она родом, не знаем и год её рождения.

Впрочем, в дальнейшем мы можем вычислить год рождения отца. Примерно 1846, полюс-минус единица.

Первая фамилия, которая попадается на глаза, — Дембовские. С этими соседями у отца какие-то дела. Часть земли у них купил, часть — арендовал.

В свой хутор, в Яновку, родители переехали из Грамоклеи. В Грамоклею отец прибыл откуда-то из Полтавской губернии.

А вот и его имя-отчество. Давыд Леонтьевич.

В доме Давыда Леонтьевича не говорят ни на иврите, ни на идиш.

Ежедневно, даже по субботам, за общий стол садится обедать механик, русский человек, Иван Васильевич. Мать тоже не соблюдает религиозные обычаи, по субботам не перестаёт работать.

По некоторым эпизодам судя, характер у Леонтьевича прямо-таки цыганский: жёсткий, резкий, высоко ценящий смелость, справедливость, независимость, неподчинение начальству.

Его сын во втором классе Одесского реального училища участвовал в выходке против учителя. На время исключили из школы. Когда вернулся в Яновку, домашние опасались отцовского гнева. По совету сестры мальчик поселился у приятеля. Отец обо всём узнал и сказал: "Молодец! Покажи, как ты свистел на директора. Вот так?" И отец положил два пальца в рот. Свистнул. И засмеялся.

— Не на директора. И я не свистел.

— Нет, нет, не спорь. Ты свистел на директора! Ты смелый парень!

А какая внешность у сына? Светло-голубые глаза. Вьющиеся волосы. Прямой нос. Только рот, пожалуй, великоват, немного выворочены толстые губы.

Тут в нашем этюде появляется дуаль. Нельзя исключить возможность побочного решения. Несомненно, что был ребёнок у Анжелики. Вероятно, что его фамилия — Дембинский или Дембовский.

Но в жизни Пушкина были и другие приключения. Две или три недели пропадал, путешествуя с цыганским табором.

Ещё об одной цыганке рассказывали кишинёвские старожилы. Условно говоря, у Земфиры могла родиться дочь. Пушкин об этом не знал, да, судя по письму к Вяземскому, не очень и интересовался судьбой побочных дочерей.

Невозможно ни опровергнуть, ни полностью доказать, что Леонтьевич — из рода Анжелики. Но, на случай какого-то прокола, наготове запасная версия: Леонтьевич был сыном цыганки.

Примерно так между собой спорили Гессен и Модзалевский после того, как в их руки попал первый том автобиографии "Моя жизнь".

Разумеется, они напомнили друг другу, что необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Никому ни слова!

Как водится, при этом каждый сделал исключение для одного человека, которому можно доверять "как самому себе". А тот — не делился секретом ни с кем, кроме, опять-таки, одного человека.

Чем это кончилось? Внесудебной расправой.

Не будем делать большие глаза. Подобные способы не являются монополией государственных систем двадцатого века.

В Киеве 30 марта 1830 года на берегу Днепра было обнаружено мёртвое тело иностранца Фурнье. Ноги — на берегу, голова — в воде. Объявили, что покойный, по-видимому, внезапно потерял сознание, неудачно упал и захлебнулся.

Незадолго перед тем местные власти потребовали от иностранца, чтобы он представил дополнительные документы на право проживания в Киеве.

В девятнадцатом веке, как и веком ранее и веком позднее, слово "документы" применялись во всем понятном значении: "деньги".

Иностранец оказался гордецом. Он заявил, что "документы" представлять не намерен. Да ещё и написал властям, чтобы его оставили в покое, а то он будет жаловаться. Не только в Москве, но и в Петербурге он человек известный, есть кому заступиться.

К петербургскому заступнику за всех, кто причастен к семейству Раевских, к Л.В.Дубельту, иностранец Виктор-Андре Фурнье обраться не успел...

* * *

Почему пушкинисты не сумели перевести с французского слово "обморок"? Не знали такого слова? Или постеснялись, сочли, что оно, так сказать, снижает образ?

Да нет, всё знали, ничего не стеснялись, но сделали должные выводы из участи Гессена и Модзалевского.

Про обмороки — нельзя. Потому что внезапные беспричинные обмороки были у сына Давыда Леонтьевича, у Льва Давыдовича Троцкого. Об этом ещё в 1921 году в Нью-Йорке в брошюре "Л.Троцкий. Характеристика по личным воспоминаниям" рассказал Г.Зив.

Выше я приводил рассказ А.В.Никитенко о том, что в верхнем левом углу губы у Пушкина было постоянное трепетание. Добавлю, что именно по этой причине он держал в этом углу то карандаш, то перо, а то и просто прикрывал рукой бьющийся живчик.

Не знавшие его близко, видевшие мельком, городили чепуху, мол, Пушкин постоянно грызёт ногти. Пушкин не грыз ногти. Он придерживал свой тик.

Года два назад в ЦДЛ состоялся доклад одного из тех, кто получил кандидатскую степень за тему "Борьба с троцкизмом", вскоре защитил докторскую диссертацию по той же теме, а сейчас бодро выступает, сдвигая оценки туда и обратно. Так вот, выступил докладчик, говорил разное, а затем в зале поднялся человек и назвал себя: "Я — Саша Брянский, Саша Красный. Меня приняли в Союз писателей, когда мне было сто два года". Ему сказали: "Так вы поднимитесь на сцену". На что он ответил: "Я не буду подниматься. Мне сто четыре года, мне подниматься нелегко. Я скажу отсюда, и меня будет слышно. Во время гражданской войны я служил в том поезде, который был поездом Троцкого. Я о нём сейчас скажу. У него вот здесь (показывает на угол рта) был постоянный тик".

Это совпадение, до сих пор не отражённое в печати, я считаю решающим доводом. После него можно не обращать внимания на совпадения других наследственных признаков, таких, как подагра, желу-

дочно-кишечные хлопоты, близорукость или внезапные беспричинные обмороки.

Неоспоримая прямая наследственность позволяет совершенно по-иному воспринять облик Троцкого, который так и говорил делегации евреев: "Скажите тем, кто вас послал, что я не еврей".

Его ответ не понимали и думали, что он хотел сказать — "я — большевик и потому у меня нет национальных пристрастий". Но он отвечал в прямом, в буквальном смысле, а мы в двадцатом веке утратили способность доверять тому, что слышим.

На родословной Троцкого пытались нажиться политические спекулянты и их прихвостни, литературные импотенты, бубнившие, что, мол, "всё зло от них пошло". Но не выйдет это. Лишь один из наркомов первого поколения считался иудеем, и тот оказался потомком Пушкина!

* * *

Не только к Троцкому, но и к Пушкину можно отнести сказанное А.В.Луначарским: "В нём нет ни капли тщеславия, он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властностью: ему бесконечно дорога́, и в этом он честолюбив, его историческая роль".

"...Могучий ритм речи... замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности, логика".

"Его статьи и книги представляют собой застывшую речь, — он литературен в своём ораторстве и оратор в своей литературности".

Послушаем самого Троцкого.

"С ранних лет любовь к словам была неотъемлемой частью моего существа".

"Хорошо написанная книга... казалась и продолжает казаться мне самым ценным и значительным продуктом человеческой культуры".

"В тюрьме с книгой или пером в руках я переживал такие же часы высшего удовлетворения, как и на массовых собраниях революции".

Троцкий не притворялся, не хитрил, когда говорил, что и в изгнании каждый день, проведённый им за письменным столом, был счастливым днём. Он оставался жизнерадостен, весел, с оптимизмом ду-

мал о будущих временах. Надёжный друг своих друзей, человек доброжелательный, разве что иной раз чересчур доверчивый, он прожил яркую, по-настоящему счастливую жизнь.

Пусть многопишущие обыватели отделываются штампами — "трагическая фигура", "неудачник", "проигравший".

Если мерить человеческую жизнь умением радоваться счастливым дням, то его "победитель", не знавший в своей жизни ни одного спокойного дня, в любых обстоятельствах страдавший от комплекса неполноценности, от скорпионских, провокаторских укусов, непрерывно наносимых самому себе, всем приближённым, всей стране — вот он-то и остаётся в истории хроническим, неизлечимым, обречённым неудачником.

* * *

Духовное и физическое родство Пушкина и Троцкого помогает многое обдумать вновь. Не только Пушкин помогает понять всё человеческое в Троцком. Но и Троцкий помогает увидеть в правильном масштабе политическую силу ума Пушкина и глубже проникнуть в законы политического и личного поведения великого поэта.

Через века и страны будут подниматься всё выше две великие фигуры. Они будут двигаться навстречу друг другу, они друг друга поддержат с пониманием и с любовью.

И что останется от завистников, от патологических лжецов, от человеконенавистников?

Бесконечная космическая пыль.

Кольцо "А". Литературный альманах. Вып. 1.
М., "Московский рабочий". 1993-1994.

ПРИБАВЛЕНИЕ

Попробуем предугадать читательские недоумения и неудовольствия.

Итак, ***нападение первое***. — "Лишь потому, что иначе версия не выстраивалась, вам пришлось изобретать передатировку стихотворения "Под вечер, осенью ненастной..." Что это? Произвол!"

Защита. — Предположение о более поздней датировке — не мой каприз. Оно выдвигалось неоднократно, в частности пушкинистом М.Л.Гофманом.

Нападение второе. — "Концы с концами не сходятся! Почему за увлечением полькой Анжеликой должно следовать рождение ребёнка? Вовсе не обязательно! Известно, что романы с Амалией Ризнич, с Каролиной Собаньской остались без "последствий". Что это? Домысел!"

Защита. — Ни с А.Ризнич, ни с К.Собаньской романов не было, потому не могло быть последствий. Письма Пушкина безосновательно приурочила к Собаньской Т.Цявловская. Ещё до войны эту легенду убедительно опровергал Н.К.Козмин...

Нападение третье. — "Допустим, что у Анжелики ребёнок был. Тогда объясните: откуда у потомка польки и Пушкина — цыганские черты, цыганский характер? Почему "цыганский", а не африканский? Вам что, незнакомо такое имя — Ганнибал? Где логика?!"

Защита. — Что ж, заодно опровергайте логику Пушкина. Вот две строфы из стихотворения, напечатанного им в 1831 году.

ЦЫГАНЫ

С английского

Здравствуй, щастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провожал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след.
Вы уйдёте — но за вами
Не пойдёт уж ваш поэт.

Столь же решительно опровергайте примечание В.В.Томашевского:

"Пушкин помечал это стихотворение как перевод с английского, но ничего подобного в английской поэзии не найдено. Самое содержание стихотворения связано с фактами жизни Пушкина...".

Насчёт Африки — опровергайте непосредственно Осипа Абрамовича Ганнибала. Вам поможет профессор П.И.Люблинский. В "Литературном Архиве" АН СССР, т. 1, 1938, стр. 159-231 в обзоре "Из семейного прошлого предков Пушкина" он привёл обширную документацию. Из неё следует, что Мария Алексеевна, урождённая Пушкина, впоследствии известная, как "московская бабушка" поэта, родила дочь Надежду 21 июня 1775 года.

Когда дочери ещё не исполнился год, Мария Алексеевна навсегда покинула мужа, вернулась из имения "Суйда" С.-Петербургской губернии в Москву, к своим родителям. Затем "маия 18 дня 776 года" послала разлучное письмо.

"Государь мой Осип Абрамович! ...уже я решилась более вам своею особою тягости не делать, а растатся на век и вас оставить от моих претензий во всём свободна. ...от вас и от наследников ваших ничего ни как требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением, ваша, государь, покорная услужница, Марья Ганнибалова."

"Во уверение сего и что оное письмо подписано рукою сестры моей родной подписуюсь, орденскаго кирасирскаго полку подполковник, Михайла Пушкин."

П.И.Люблинский опубликовал и ответ Ганнибала от 29 мая.

"Письмо ваше от 18-го числа сего маия я получил, коим... требуете только, чтоб отдать вам дочь вашу Надежду... и на оное имею объявить, что я издавна уж... нелюбовь ко мне чувствительно предвидел и увеличившиеся ваши, в досаждение мое, и несносные для меня поступки и поныне от вас носил с крайним оскорблением; ...как себе от вас приемлю, так и вам оставляю от меня, свободу навеки; а дочь ваша Надежда припоручена от меня... управителю... для отдачи

вам, которую и можете от него получить благопристойно, ...и затем желаю пользоваться вам златою волностию, а я в последния называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал."

Вскоре положение изменилось. Отца М.А. разбил паралич, он скончался. Тут М.А. обратилась к императрице Екатерине II с жалобой на отсутствие поддержки от... супруга!

В ответном прошении Ганнибала, обращённом к всемилостивейшей государыне, читаем: "*Всевышний возмездник знает совесть мою, знает так же п р о и з в е д е н и е дочери моей*".

Профессор Люблинский о "сомнениях Ганнибала" заключает:

"Кто может доказать, что они не могли быть искренними?

При ином предположении нам будут совершенно непонятными тот тон и та горечь, какою наполнено его ответное письмо к жене."

Нападение четвёртое. — "Если Африке заявляется отвод, чем объяснить, что увезённая дочь, Надежда Осиповна, которой было суждено стать матерью Александра Пушкина, впоследствии получила прозвание "прекрасная креолка"?"

Защита. — Южные черты — не обязательно африканские. В недалёком расстоянии от Суйды находилось имение выходца из Индии, князя Визапура, знаменитого светского льва, то есть успешного дамского поклонника.

В книжке "Рассказы бабушки Благово" (СПб, 1885, стр. 458-460) поминается и Марья Алексеевна. Оказывается, именно про неё по Москве ходил стишок:

В Москве нашлась такая дура,
Что не спросясь Амура
Пошла за Визапура.

(По смыслу надо бы не "Амура", а "Авгура", то есть "не спросясь совета".)

Не берусь утверждать, что Визапур — единственный представитель индийских цыган, коего следует принимать в расчёт. Достаточно сделать вывод ограничительный. Происхождение от Ганнибала — воз-

можная версия, но почему бы не держать её под вопросом, наряду с прочими?

Нападение пятое. — "Пушкин говорит с Борисом Фёдоровым о своих незаконнорожденных отпрысках во множественном числе. Почему вы ведёте речь об одной Анжелике?"

Защита. — Другие имена оставляю в качестве засадного полка.

* * *

Не предупредив, что имею какое-то отношение к тексту, предложил его вниманию одного из читателей. Результат превзошёл ожидания.

Балетмейстер и композитор Иосиф Ильич Слуцкер обладает отличной памятью и неукротимой жизненной энергией. Он успел в юные годы в своём родном городе Клинцы услышать выступление вождя Красной Армии Льва Троцкого. Тогда обходились без всяких звукоусилителей. Оратор говорил с балкона Госнардома, стоявшего на Большой улице, впоследствии улица Карла Либкнехта.

— Я на всю жизнь остался под впечатлением, я был заворожен красотой его речи, богатством слога, музыкальностью интонаций. С тех пор, особенно в поездках за рубеж, я стремился — и сумел — прочесть всё, им написанное. Вот почему я считаю эту версию крайне интересной, но всё же не доказанной, не вполне убедительной. Вот что меня смущает. Если оно всё было так, почему же сам Троцкий ни в одном из печатных выступлений не сказал ни слова, не оставил намёка на тайну своего происхождения?

— А не является ли намёком тот факт, что его самого зовут Лев, старшего брата — Александр, сестру — Ольга? То есть повторены все три имени...

— Что из того? Таких повторений, в уважение памяти поэта, могли быть десятки...

— Но ведь в статье написано, что он умышленно опускал фамилию, под которой числился его отец. Отсюда возможен обратный вывод: он точно знал, что истинная, фактическая фамилия — совсем другая.

— Если знал — тем более необъяснимо молчание. Ведь, казалось бы, как раз в его интересах было сделать эту тайну известной. Значит, всё-таки не знал? Но разве мог не знать? Тут что-то не так...

— Давайте подумаем. Допустим, что тут не одна тайна, а несколько, друг от друга неотделимых. Кроме того, возможно, он знал только вторую половину, только ближайшую к себе часть. А в этой, да и в первой половине, могли быть неудобные, так сказать, "невыгодные" предки. Если в его родословной — генералы царской службы, если его дед — губернатор, объявлять об этом было вовсе ни к чему.

* * *

Развернём оставленную в запасе, на вид сложную, но вместе с тем наиболее вероятную версию.

Виднейший пушкинист Б.В.Томашевский отрицательно относился к узко-биографическим трактовкам лирики поэта. Он отметал догадки, сводившиеся к выкликанию наугад различных женских имён. Протестуя против домыслов и легенд, он отнюдь не призывал умалчивать о действительных фактах.

Несколько стихотворений, каждое по отдельности, нигде не суммируя частные наблюдения, Томашевский соотнёс с женским именем, очевидно единственным, которое он посчитал бесспорным.

Какие-то ему ведомые доводы учёный в печати не привёл. Однако, хотя и в рассыпную, в разброс, не прикоснулся ли он к чреватому последствиями сюжету?

Борис Викторович отличался отменным здоровьем. Во время отдыха в Крыму, превосходный пловец утонул, купаясь на пляже Гурзуфа. Виновником гибели могли оказаться медузы. Согласно древнегреческой мифологии одна из них, Медуза Горгона, превращала каждого, кто осмеливался на неё взглянуть, в камень...

* * *

Её звали Катерина. Екатерина Раевская, дочь знаменитого боевого генерала, 15 мая 1821 года она вышла замуж за генерала Михаила Фёдоровича Орлова, в то время командовавшего 16-ой дивизией. Свадьбу играли в Киеве. Сын Катерины Николай родился 20 марта 1822 года, то есть на целый месяц (на 29 дней) позже обычного срока.

Отсчитаем обратно 40 недель (280 дней). Спрашивается, где была Екатерина Николаевна в понедельник, 13 июня 1821 года?

По данным "Летописи жизни и творчества Пушкина" (стр. 274-275) Пушкин воротился в Кишинёв из Одессы 25 или 26 мая. Чета Орловых прибыла из Киева в Кишинёв около 5 июня. Итак, все действующие лица нашего сюжета в должное время оказались в должном месте. Николай Михайлович Орлов со временем стал губернатором в том же Кишинёве.

В журнале "Кодры" (Кишинёв, 1983, № 4) высказывалось предположение: один из самых проницательных и проникновенных пушкинистов, Михаил Осипович Гершензон, — тайный потомок Николая Михайловича Орлова. Вот главный аргумент: дочь губернатора, Вера Николаевна Орлова, замуж не вышла, посвятила свою жизнь заботе о... М.О.Гершензоне. Опекала его не в качестве подруги, а в качестве матери или сестры. Она владела домиком возле Арбата, в Плотниковом переулке, и подарила весь флигель М.О.Гершензону по случаю его женитьбы на сестре пианиста А.Б.Гольденвейзера.

Добавим, что у Н.М.Орлова могло быть несколько побочных детей. Если одного ребёнка взяла в приёмыши кишинёвская семья Гершензонов — точно таким же образом мог получить столь же надёжных усыновителей и их фамилию Давыд Леонтьевич "Бронштейн".

* * *

Заключительную часть данной публикации ("Прибавление") читатели увидят впервые. Предшествующие страницы печатались в одном из альманахов. С ним ничего плохого не случилось. Но, например, "Литературная газета", сообщая о выходе альманаха, не ограничилась тем, что опустила название моего текста. Удалили имя автора, заменили на инициалы экономиста (О.Р.Лациса — *Ред.*). Таким образом, немалый круг читателей, интересующихся пушкинианой, был оставлен в неведении.

Поскольку редакция "ЛГ" не сочла нужным исправить свою оплошность, трудно поверить в случайность произведённой подмены.

Остаётся выразить признательность редакции журнала "НОЙ", решившейся ещё раз нарушить традицию смущённого замалчивания, традицию умышленного разрыва и скособочивания облика великого поэта и его столь незаурядных тайных потомков.

Позвольте напомнить начало и конец стихотворения "Гречанке".

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов...
....
Мне долго щастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им.

Комментаторы ошиблись, не обратили внимание на то, что гречанкой по материнской линии — была Екатерина Раевская, в замужестве Орлова.

Поэт включил это стихотворение, пометив его 1822 годом, в раздел "Послания". Под каким номером?

Нетрудно догадаться. Это судьбоносное число мы вычислили, а Пушкин помнил. И не отказал себе в удовольствии в честь своего личного праздника поставить его под номером — т р и н а д ц а т ь !

11 июня 1996 г.
Александр Лацис.

Лев ДУГИН

КУМРАН

Второй день пути.

После Хеврона спуск сделался круче, зелень исчезла, холмы обнажились — по их бугроватым склонам лишь темнеют входы в пещеры, да блестят полосы кварца среди белого известняка...

И вот — Иудейская пустыня, похожая на белёсое море с застывшими — по мановению Господа — волнами. И воздух неподвижен. А над головой сквозь багровую дымку яростно блистает жёлтый круг, плавя и небо, и гребни, и нагромождения камней.

От жары, от духоты, от покачивания на спине мула в голове несвязно мелькают образы: дом... прощание с женой... споры с братом... Что же наша страна? Поля, обозначенные камнями; выдолбленные в скалах цистерны с дождевой водой; крестьяне — в накидках-абу поверх домотканых рубах — за тяжёлой работой... Жилища — коробки, сложенные из камня... плоские крыши одна над другой по склонам холмов — и даже в городах вид жалкий, стены растресканы, и хозяйство из века в век — амбары, загоны, да тяжёлые мельницы-жернова... Наша страна бедна, наша страна — это горы... Так что же мы — народ пастбищ, народ земли или народ гор?

Жарко. Мулы ступают медленно, осторожно. Ветер Большого моря не долетает сюда, в пустыню, — но и сильный ветер не сдвинул бы бесконечные гряды тяжёлых песчаных холмов.

Впереди и позади меня — Храмовые стражники: ведь и пустыня не свободна от разбойников; острия пик то здесь, то там блёстко вспыхивают в лучах солнца.

Воздух неподвижен. Душно. Жёлтый круг в небе — жгуче яростен. Но что это — мираж? Продолжение забытья, грёз, путаницы в голове? Я глазам не поверил: посреди однообразных пес-

---

глава из романа "Вечный жид"

чаных холмов — женщина и маленький мальчик. Но она, заметив нас, схватила мальчика и, подобно зверьку, попыталась укрыться, шмыгнув в расщелину. Мы обошли нагромождение камней.

— Благослови Господь... — Увидев на мне священнические одежды — хотя подтянутые и подпоясанные — она успокоилась.

В нашей стране воистину не осталось безопасных мест, все боятся друг друга. Арабы — извечно воинственны; эдомитяне, маовитяне, набатейцы, идумейцы, прочие давние ханаанские племена — изначально греховны, и разноплеменные их шайки грабят караваны; зелоты устраивают засады римлянам.

На женщине был хитон, подпоясанный верёвкой, сандалии на деревянной подошве, чёрный платок закрывал голову и шею и, перекрещенный под подбородком, широкими концами ниспадал на плечи. Казалось, солнце так высушило её небольшую фигурку, что едва не превратило в тень. Она держала за руку мальчика, с головы до ног закрытого накидкой из верблюжьей шерсти. Откуда брались у неё силы — тащить мальчика, нести за спиной мех с водой, а в складках длинного хитона запас еды?

— Освятил нас Господь заповедями Своими... Я-то подумала — это *нохри*, римляне...

— *Алма*, — обратился я к ней. — Женщина, куда ты идёшь по пустыне и ведёшь мальчика?

Из-за платка блеснули глаза.

— *Арава*, пустыня. — она обвела рукой. — Загробный мир, *олам ха-ба*! — Теперь из-за платка блеснули в улыбке зубы. — *Адони*, господин мой, я веду своего сына к его отцу.

— Он там, у моря? — Я показал на восток.

— Да, господин, в Кумране. А мы идём из Адуллама.

Я посмотрел на мальчика. Он едва держался и опустил голову.

— Мальчик устал!

Она пожала плечами.

— Я вырастила ему сына... Давний закон — для меня, для всех...

— *Елад*, — сказал я, — мальчик, садись... — И подняв его, посадил на мула перед собой.

Маленький караван продолжил путь. Снова неспешное покачивание. Мулы в тяжёлой дороге незаменимы: они выносливее лошадей и спокойнее ослов.

— *Аль тира*, не бойся, *елад*... — Мальчик вытянул ноги поверх вьюков, и не жаловался, не плакал.

...Песчаные волны, острые гребни, белёсый известняк каменных взгорий, слепящий мергель, безжизненные валуны — будто некие силы противились здесь жизни. Даже скалы здесь были изодраны, изранены, изрыты. Даже камне не держались и ссыпались в овраги...

И вдруг мы оказались на краю бездны: глубоко внизу лежало Мёртвое море. С края огромных утёсов виднелась зелёная, густая, местами тёмная гладь. А на другом берегу — таяли в фиолетовой дымке Маовитские горы.

Мулы скользили копытами по изрытой тропе, вскидывали головы, ревели, боясь глубины — их удерживали за хвосты и тянули за узду.

Вот и берег под высокой стеной с её зубцами, выступами, ущельями. Из скал бил горячий источник. Пахло серой. Вблизи морская вода казалась не зелёной, не синей, а почти чёрной — липкие огромные массы плавали на её поверхности. Может быть, права была женщина — здесь, в самом деле, *олам ха-ба*? Может быть, Господь в этом уголке земли ещё не закончил Своего творения? Трудно было дышать испарениями моря среди соляных наростов, известковых скал и гранитных утёсов.

Зная дорогу, женщина пошла первой. Берег ширился, скальная гряда отступала, песок и гравий, покрытые наледью соли, сменились — то здесь, то там — зеленью ущелий. А в глубине ущелий били ключи прозрачной воды, по отвесам скал журчали водопады, и мы увидели пальмы.

Впереди показались строения... дома, стены, изгороди — за ними небольшие обработанные поля. Вот он, посёлок Кумран, община *ессеев*, живших независимо от Храма, отделённых от Храма пустыней...

Когда мы приблизились к каменной и высокой ограде, навстречу из ворот тотчас вышел тот, кто ждал своих *ишшу* и *бара*. Он не обнял, не поцеловал ни жену, ни сына. У этого еврея

были толстые губы, он их поджал, от чего выпятился подбородок. Он, несомненно, был суровым человеком. Невысокий его лоб бороздили глубокие складки. Одет он был в хитон — и беднее нельзя было придумать: одежда нищих, даже не окрашенная.

Между тем, женщина низко поклонилась.

— Ну? — сказал мужчина, глядя мимо неё в даль.

— Я привела, — сказала женщина. — Исполнилось пять лет.

Мужчина взял мальчика за руку. В голосе женщины послышались слёзы.

— Да, возьми, возьми своего сына, *ках-на эт-бинха*.

Ессей не только не смотрел на женщину, но будто не слышал её. Он повернулся к ней спиной и повёл мальчика к воротам.

— Скажешь хоть что-нибудь? — слезливо спросила его спину женщина.

— Кто много разговаривает с женой — тот отвлекается от Торы, — сумрачно проговорил мужчина, полуобернувшись. — Он здоров?

— Я старалась, *адони*, господин мой...

— Приду в Адуллум к тебе через год.

В переднем дворе за воротами толпились те, кто пришёл в ессейский посёлок раньше нас.

— Ты пойдёшь в Адуллум, чтобы твоя жена снова родила? — не удержался я от вопроса.

Ессей посмотрел на меня. Нет, не мрачность была в его лице; просто он без остатка, без минуты отдыха, и днём и ночью отдавал себя Богу. Напряжённый трепет души прозвучал в его словах:

— Греховный род человеческий не нужно умножать перед концом мира!

В глазах мальчика, которого он крепко держал за руку, выразился страх; глаза искали мать.

Странные слова проговорил ессей, глядя мимо меня:

— Эфраим — Ливан — Учитель — Нечестивец — дом Авессалома — яростный Лев! — Он вскинул голову; шея у него

была жилистая, сожжённая солнцем. Потом повёл мальчика в глубину посёлка.

Кто эти люди во дворе ожидания? Зачем они пришли?

Я вздрогнул, когда чей-то голос — ясный и звучный — произнёс моё имя. В воротах внутреннего двора стоял старик в белой хламиде, с клокастой, видимо, не знавшей стрижки, седой и длинной бородой, а сам — ещё стройный, ещё крепкий, и ростом выше всех, кто почтительно толпился за ним. Он поманил меня пальцем:

— Миха бен-Малый...

— Равви! — Я изумился. — Неужто тебя предуведомили...

Он прервал меня.

— Мы ведь знаем, что Храм за нами следит... Мы знаем, что Иосиф Каифа послал тебя.

— Равви, я лишь Храмовый врач. Ваши целители приходят в Иерусалим, они удивляют нас...

Старец распорядился — стражников с животными куда-то повели.

Строения общины — в большинстве прямоугольные, с крышами на столбах, с перекрытиями из пальмовых деревьев — соединялись крытыми переходами в единый причудливый посёлок; там и тут в землю зарыты были цистерны; удивляло множество бассейнов для омовений; отдельно стояли хозяйственные сараи и мастерские.

Мы вошли в почти пустое, довольно обширное помещение — сюда меньше проникали испарения моря и дышалось легче.

— Итак, Миха бен-Малый? — сказал начальник общины.

— Рабби, вот тебе послание от первосвященника...

— Мы рады всякому... — Голос его звучал теперь мягко, смиренно, даже с нотками грусти. — Да, мы исцеляем — не столько своей силой, сколько данной нам Господом.

Посреди комнаты стоял глиняный стол.

— Посмотри... — Его пальцы, перебиравшие свитки, имели странную форму: необыкновенно длинные, необычайно подвижные. — Семьдесят седьмин — что это значит? — Его го-

лос окреп. — Это значит — сейчас! Да, сказано: четыре всемирных царства — значит, вавилоняне, персы, греки, римляне. И ещё сказано: от рода Ноя, от ветви Сима, из потомства Авраама, Исаака и Иакова, из колена Иуды, от Дома Давида... — Вдруг он перешёл на шёпот: — Это значит — Мессия пришёл. Миха бен-Малый, так и передай первосвященнику Иосифу Каифе!

Мои мысли путались: меня здесь знают? ждали?

Конечно, ессеи по делам общины — главным образом, торговым — бывают не только в Адуллуме, Хевроне, Иерихоне, но и в Иерусалиме — и осведомлены обо всём. И вот доказательство: начальник общины хлопнул в ладоши и громко позвал:

— Хива бен-Барки!.. — Это было имя товарища моей юности.

Я ужаснулся, когда он вошёл из соседней комнаты: он выглядел стариком, он сутулился, он, казалось, прячет лицо, а борода у него была неопрятно-нестриженной.

— Хива бен-Барки, ты давно не был Иерусалиме, — сказал я. — Твои старики-родители ждут тебя...

Хива бен-Барки молчал и, казалось, прятал лицо.

— Да, к нам приходят и с нами остаются, бросив, как земной прах, семью, жену, детей, — сказал глава общины. — Ты видел толпящихся у ворот?

Потом указал на Хиву бен-Барки:

— Он всё знает и всё покажет тебе.

Мы пошли крытыми переходами.

— Здоров ли ты, Хива бен-Барки?

В его лице читалась какая-то скорбь — а в юности он был одним из моих ближайших: радостный, словоохотливый, смешливый.

— Что означают эти слова: Эфраим — Ливан — Учитель — Нечестивец?

Казалось, и говорить ему трудно.

— Всё, сказанное у пророков — тайна; и нужно её понять... Пророк говорит: к а с д и м — значит, вавилоняне; но расшифруй — и это уже к и т т и е в, значит, римляне, поработившие нашу страну. Сказано — Н и н е в и я — но это Иеруса-

лим, в котором Нечестивец, ваш первосвященник Иосиф Каифа, приносит в жертву животных...

Что он говорил? Ничего не осталось от прежнего Хивы бен-Барки!..

— Выйдем на воздух, — попросил я.

Вдали, вдоль берега, тянулась длинная высокая стена — она защищала посёлок от приливов и испарений моря; сам посёлок прижимался к скальной гряде.

— Сколько лет уже ты здесь, Хива бен-Барки?

— Ты ведь знаешь — много... — Он задумчиво смотрел на меня — казалось, к нему постепенно приходят воспоминания о давнем. Но он сказал: — Иерусалим погряз в роскоши, разврате, пороках...

— Хива бен-Барки! — воскликнул я. Ведь он сам был знатного рода, в родстве с рабби Иогошуа и жил в соседнем с моим квартале.

— Да, да, во что превратились саддукеи?! Деньги! Первосвященство — за деньги!.. У римского прокуратора Альбина Луция первосвященство за деньги получил Иошуа бен-Дамная. Прокуратор Валерий Грац за большое золото назначил Исмаила бен-Фаби... А Иосиф Каифа, зять Анны Ханана? И это — вожди Израиля?

— Мы — фарисеи, Хива бен-Барка...

Наконец-то в его лице появилось знакомое мне с юности выражение живости.

— Прочь, прочь из Иерусалима! — вскричал он. — Фарисеи — мелочны в законах, они терпят римлян, и они молчали, когда Нечестивец губил Того, кто всех праведнее... Учителя Справедливости...

О чём он говорил? Мне трудно было понять.

— Мы, ессеи, спасёмся, все остальные — погибнут! Вот поэтому я грущу... — Вспышка погасла. — Но тебя ожидает Ишера бен-Иехиль.

Ишера бен-Иехиль? Знаменитый целитель, имя которого так часто повторялось в Иерусалиме? Нет, я недаром совершил трудный путь.

Ишера бен-Иехиль был сухонький, с морщинистой кожей, с глубоко сидящими глазами человек неопределённого возраста. Он занимал обширное помещение. На скамьях, на полках, на полу, на глиняных столах теснилось множество кувшинчиков, чаш, амфор, связок трав... Запахи бальзамов и приправ смешивались с горькими испарениями моря.

Странно, все ессеи, которых я успел увидеть, выглядели очень старыми и увядшими. Как и назареи, они не стриглись. Разросшаяся борода Ишера бен-Иехиля перетягивала вперёд его тощее туловище; глаза казались живыми и быстрыми, выглядывавшими из зарослей.

Жестом руки он обвёл собранные им богатства.

— Вы, Храмовые врачи, — сказал он, — не чувствуете ритма времени. Например, лучшее время для лёгких — к пяти часам утра, для толстой кишки — к семи часам, для сердца — к полудню, для мочевого пузыря — к вечеру... Как лечить астму, колики, тяжесть в печени?.. Я не могу, Миха бен-Малый, открыть тебе тайны расчётов — но помни о ритме времени. Взглянем на море.

Мы вышли на террасу. До моря было не меньше часа ходьбы.

— Ты видишь тёмные пятна? Нет, это не странные животные, это смола, она бьёт из бездонных глубин тёмными струями, это — асфальт, и он — целебен... Но я не могу, Миха бен-Малый, открыть тайны изготовления.

На моих глазах море меняло цвет: лучи солнца разбивались о чёрную и, казалось, твёрдую поверхность, разбрызгивались огненными блёстками и высвечивали воду; и в глубине вода переливалась странным светом.

— Зачем лекарства, — вскричал Ишера бен-Иехиль, — если мы ждём конца света! — Он выпрямился, стал будто выше ростом; может быть он уже сейчас готов был предстать перед судом Мессии?

Его волнение передалось мне: зачем людям целители их тел, когда нужно думать о душе?

Но Хива бен-Барки поторопил меня. Мы пошли осматривать гончарные мастерские, потом мельницу, пекарню, зерно-

хранилища, стойла вьючных животных, многочисленные бассейны — обширные, глубокие, с лестницами и без лестниц — для ежедневных различных ритуальных омовений.

— Новички, — объяснил Хива бен-Барки, —должны два года жить лишь вблизи посёлка: ни общих омовений, ни общего имущества, ни общих трапез, ни общих молитв...

А вот большое помещение, в котором над свитками трудились писцы. На длинных гипсовых столах — с чернильницами из бронзы — расстелены были полосы обработанной телячьей кожи — пергаменты — и лёгкие листы папируса. Сквозь широкие проёмы в стенах лился яркий солнечный свет, растекаясь по белённым стенам и каменному полу.

Переписчики углублены были в работу, их лица были напряжены. Один линовал полосы, другой — склеивал их, третий — с бесконечными предосторожностями, особыми кисточками, особыми палочками, разными шрифтами, разными красками — выводил священные слова... Ошибка была бы несчастьем, нечестьем. Но перед тем, как вывести Его имя — нужно было погрузить руки для омовения в специальные выемки, а потом воззвать к Единому и Всемогущему... не произнося Его имя.

Усталость навалилась на меня неодолимой тяжестью.

— Пойдём, ты отдохнёшь у меня — сказал Хива бен-Барки.

Он жил в получасе ходьбы от посёлка в одной из пещер горного развала. Вверх вели довольно крутые тропы. В этих норах — одних у основания, других высоко поднятых — было голо; ничего кроме тощих подстилок, амфор с маслом, да светильников.

— Прости, — сказал Хива бен-Барки, — рабочий день ещё не кончился...

Ессеи трудились от зари до зари.

Я уселся у подножия гряды. Неведомое прежде состояние нереальности окутало меня. Весь путь сюда — будто сон... Всё, что здесь окружало меня — лишь видение...

Небо было чистым, безоблачным, но блеск синевы уже угасал.

Должно быть, я задремал. Должно быть, страшный сон снизошёл на меня. Мы, евреи, тысячными толпами вслед за Моисеем идём по пустыне... Мы устали и ропщем. ноги наши утопают в зыбучем песке. Мучают голод и жажда. Силы нас оставляют — мы больше не верим, нет, нет, назад!.. Мы проклинаем Моисея. А фигура пророка начинает расти, она делается громадной, голова уже достигла неба... Облака вскипают, взвихривается земная плоть и сквозь гул окрест звучит голос: Я Господь ваш и нет иного...

Слова подгоняют, как бичи. Мы падаем, вытаскиваем из песка ослабевшие ноги, карабкаемся, поднимаемся, тащимся шаг за шагом... А страшный голос гремит: Я Господь ваш...

Я спал? Я проснулся? Где я? Что со мной? А в небе уже догорал закат, уже темнело — и в пещерах кое-где зажглись светильники. Рядом со мной сидели Хива бен-Барки, ещё несколько человек.

Эти люди в тишину роняли скупые слова: Мессия... Иерусалим... *нохри*-римляне... мерзостные жертвоприношения...

Они обвиняли Храм. Они осуждали Иерусалим. Они проклинали Рим.

Я попробовал объяснить:

— Да, — сказал я, — Рим — вавилонская блудница. Да, саддукеи — тщатся вслед за *нохри*... Но не фарисеи, нет, не фарисеи... Потому что это саддукеи верят предопределению, но не фарисеи...

— Всё через Него, — произнёс тихий, но внятный голос. Этого человека напротив — лет тридцати, с тонкой, хрупкой фигурой — прежде не было; я и не заметил, когда он подсел.

Совсем стемнело. Вдоль кряжа мигали светильники, горели костры. Внезапно в полную силу засияла огромная луна.

— Придёт Мессия из царского рода Давида, — сказал я.

— Род Давида пресёкся, — сказал этот человек.

По одежде — полосатому, длинному хитону — он был галилеянин; белая накидка лишь слегка прикрывала волнистые волосы; бородка у него была рыжая, раздвоенная. Сердце у меня начало сильно биться.

— Разве не сказано в псалме, — я повернулся к Хиве бен-Барке, ища у него поддержки, — разве не сказано: Я обрёл Давида, раба моего... Разве не сказано у Иезекииля: раб мой Давид князем будет среди них!

Когда я повернулся к незнакомцу, его уже не было. Куда успел он удалиться?

— Нужны знамения, — сказал Хива бен-Барки.

Кто-то вспомнил Второзаконие:

— Пророка из братьев твоих воздвигнет тебе Господь...

— Будут знамения: сияние солнца ночью, огонь с небес... Но ессеи — спасутся.

— Спасутся чистые сердцем, — услышал я. Галилеянин сидел на прежнем месте. — Верой спасутся...

Сердце, казалось, выскочит у меня из груди.

— Кто ты? — спросил я. — Разве язычники не топчут грязной обувью жертвенник Господень? — спросил я у Хивы бен-Барки.

Незнакомец вновь исчез — и там, где он только что был, зыбко сквозило пространство.

Что-то произошло. Какой-то трепет был в воздухе. Что-то творилось в мире. О твёрдую поверхность Мёртвого моря лучи разбивались уже не солнечными, а лунными брызгами... А вдали, весь облитый молочным светом, высился соляной столп — это, несомненно, был столп жены Лота.

Светильники постепенно гасли. Все уходили на отдых в пещеры.

Сняв священническое своё одеяние, я растянулся на подстилке рядом с Хивой бен-Барки.

Ион ДЕГЕН

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУЖЕСТВЕ

Однажды в августе 1945 года, меня вызвали во 2-й дом Наркомата обороны. В ту пору я "кантовался" в полку резерва бронетанковых и механизированных войск. "Кантовался" — очень ёмкое слово. Его следовало бы рекомендовать в Израиле для определения работы многих чиновников. Официально я числился на службе в армии, но повседневным занятием моим было безделье или бесцельное болтание по Москве. Не знаю, что творилось в трёх остальных батальонах полка резерва, но в нашем — только "кантовались". Да и название у него было соответствующим — 4-й "мотокостыльный" батальон. Действительно, в батальоне не было ни одного офицера без видимых признаков инвалидности. Только у командира батальона, гвардии полковника, были и глаза, и руки, и ноги. Правда, всем было известно, что после ранения на нём нет живого места. А ещё было известно, что ранение это он получил, закрыв своим телом пацана-подчинённого. Случай из ряда вон выходящий: не подчинённый спас командира, а командир — подчинённого.

Вообще о командире батальона рассказывали легенды. В танковой армии генерала Рыбалко он был самым прославленным, самым героическим командиром бригады. Надо сказать, что танкисты — народ, мягко выражаясь, весьма демократичный. Чинопочитание как-то исключается общностью боевой деятельности, совместной жизнью в экипаже. Это даже в нормальной части. А тут, в "мотокостыльном" батальоне собрались офицеры, которым вообще на всё наплевать, потому что чёрная перевязь, перечёркивающая изуродованное ожоговыми рубцами лицо, костыли или протезы доводили демократизм до апогея. И тем не менее, командиру батальона подчинялись с удовольствием. Его не просто уважали — боготворили, хотя он и еврей. Но ведь каким должен быть этот еврей, чтобы дважды получить звание Героя Советского Союза! Да ещё где, — в танковой армии антисемита Рыбалко!

Так вот, из "мотокостыльного" батальона меня вызвали во 2-й дом НКО. В этом не было бы ничего странного, так как многих офицеров вызывали туда, если бы вызов был не лично к командующему бронетанковыми войсками Советской армии маршалу танковых войск Федоренко. Лейтенанта вызывают к маршалу!

Вышагивая на костылях по пустынной дороге, связывающей казармы на Песчанке со станцией метро "Сокол" (в ту пору там ещё не было ни одного дома), я

испытывал в основном любопытство с едва заметным налётом беспокойства. Мне было двадцать лет. И, несмотря на увечья, будущее виделось в розовом свете.

Маршал встретил меня приветливо. Спросил о моих планах. Услышав, что я собираюсь поступить в медицинский институт, возмущённо сказал:

— Ты, боевой танкист, превратишься в клистирную трубку? Да ты что, рехнулся? Слушай, лейтенант, говорят, что ты силён в математике, а?

Я ответил, что до войны успел окончить только девять классов, а на аттестат зрелости сдал сейчас экстерном, так что вряд ли меня можно назвать сильным в математике. Сидевший в стороне подполковник придвинул ко мне лист бумаги и карандаш и предложил стереометрическую задачу, настолько лёгкую, что я, решив блеснуть математическими способностями, дал ответ, не прибегая к карандашу. Фанфаронство моё было наказано. К несчастью, оно произвело впечатление и на маршала, и на подполковника.

— Ну, лейтенант, под счастливой звездой ты родился. Хоть ты и инвалид, а демобилизовывать тебя не будем.

Я снова повторил, что хочу быть врачом. Маршал рассердился и стал объяснять, что в гражданской жизни мне придётся голодно и туго, а тут — и зарплата, и звания, и обмундирование, и учиться буду, и диплом инженера получу, и только идиот может отказаться от всего этого. Я настаивал на том, что хочу быть врачом и имею право на демобилизацию.

— Право-то ты имеешь, да вот тут у меня лежит реляция на тебя, дурака. Сбежишь — закрою. Подумай.

Командир "мотокостыльного" батальона уже ожидал меня. Он осведомился, почему у меня такая постная физиономия. Я рассказал ему о приёме у маршала. Гвардии полковник молча долго смотрел на меня, потом вдруг сказал:

— Анклейф, ингелэ*.

Значение слов мне, конечно, было понятно. Не понимал я только их смысла. Комбат заметил это и рассказал мне о том, как его еврейское происхождение мешало ему в детстве, и после, и даже сейчас. Рассказал, что все его товарищи-неевреи, даже значительно менее способные и не дважды Герои уже генералы, а он — всё ещё полковник.

— Анклейф, ингелэ, нечего тебе, еврею, в армии делать. Конечно, жалко, если этот хозер прикроет реляцию, но, если ты будешь хорошим врачом, у тебя появится хоть какая-то независимость. Может быть, это и будет защитой от антисемитизма. А вспомнишь моё слово — он будет с каждым годом страшнее.

---

* Убегай, мальчик (*идиш*).

Очень странно было слышать такие речи из уст не серого обывателя, а уважаемого человека, дважды Героя Советского Союза. Я считал, что он возводит в степень неизвестную мне личную обиду и объясняет её антисемитизмом.

Конечно, какая-то антисемитская отрыжка времён прошедшей войны ещё ощущалась. Но она казалась мне нетипичной для советского строя и — главное — неофициальной.

Примерно за месяц до разговора с гвардии полковником, будучи в отпуске, на пароме я переправлялся через Днестр из Атак в Могилёв-Подольский. Лошади, подводы, люди. На пароме повернуться нельзя было, чтобы не задеть соседа. Вдруг невдалеке от себя я услышал: "Ах, ты, жыдивська морда!" Это обругал кого-то средних лет мужик с тяжёлым мешком через плечо. Мешком он опёрся о перила парома. Расталкивая стоящих на моём пути, я направился к мужику. Не выясняя, по какому поводу была произнесена эта фраза, не интересуясь, к кому она обращена, я положил костыли и, стоя на одной ноге, выбросил мужика с парома. В июле Днестр полноводный и невероятно быстрый. Мешок тянул ко дну. Течение увлекало в щель между понтонами. Вытянуть мужика из воды никак не удавалось. "Дядько, кыдай торбу!" Но мужик не мог расстаться со своим добром. Только видя, что погибает, он выпустил мешок и ухватился за багор. Оказалось, что в мешке была пшеница, которую на последние деньги он купил в Бессарабии. Мужик плакал и кричал. Мешок пшеницы в 1945 году! Все с ужасом смотрели на меня. Но вслух никто не смел осудить. Я был в гимнастёрке с погонами, с орденами и медалями. Я был представителем армии, только что разгромившей фашизм, а мужик позволил себе антисемитский выпад.

Спустя несколько дней в Атаках я избил старшего сержанта с культёй левой руки, по какому-то поводу возмущавшегося жидами. Не знаю, может быть, в конкретном случае он был прав по существу. Но форма! И здесь я чувствовал себя защищённым социальной справедливостью. Естественно, не может быть антисемитизма в советском государстве, где все национальности равны. Можно было даже возвратиться к предвоенному состоянию и перестать осознавать себя евреем

Сейчас, вспоминая это время, я не могу понять, почему в Йом-Кипур я, атеист в ту пору, пошёл в синагогу. В Черновицах стояла тёплая осень. Уже за несколько кварталов трудно было пробраться сквозь огромную толпу евреев, не имеющих никаких шансов попасть в синагогу. Путь мне прокладывали костыли и ордена на гимнастёрке. В синагоге даже уступили место. Совсем неожиданно невдалеке от себя я увидел майора, который одно время был у нас командиром батальона. Только сейчас я узнал, что он еврей. На нём был китель с орденами и медалями. Один рукав за ненадобностью был подвёрнут. Майор приветливо помахал

мне своей единственной рукой. Кантор Зиновий Шульман растрогал меня своим пением. А может быть, это была совокупность впечатлений... Из синагоги я вышел торжественный и просветлённый.

Сейчас, вспоминая этот день, я увидел дорогу от синагоги мимо находящегося почти рядом с ней еврейского театра. И развернулась цепочка ассоциаций. Еврейский театр... Чуть дальше, на площади располагался украинский музыкально-драматический театр. Богатое здание в стиле барокко выходило фасадом на широкую нарядную площадь. Праздничное настроение создавалось у зрителя уже при подходе к театру, когда по пологому пандусу или широким ступеням он поднимался к гостеприимному входу. Внутри всё было нарядным и ярким. Красный бархат сидений. Белые пояса лож, обрамлённых вычурным переплетением золотых виньеток. Дорогой тяжёлый занавес под белым с золотом фронтоном. Всё предвещало праздник ещё до начала спектакля.

В одном квартале от украинского театра, на углу двух узких улиц, находилось ничем неприметное здание еврейского театра. Может быть, оно не казалось бы таким убогим, не будь у него роскошного соседа. Да и внутри всё было серым и неуютным. Тёмный зал напоминал колодец. Иногда, когда я смотрел спектакли с галёрки, видна была лишь авансцена. О том, что происходит в глубине сцены, можно было только предполагать. Казённые ряды сидений в партере. Ложи, как тюремные камеры. Деревянные скамейки галёрки. В этом здании праздником даже не пахло. Праздник начинался, когда раздвигали неопределённого цвета занавес, такой же убогий, как и всё в этом зале.

Как правило, до 1947 года зал был всегда переполнен. Приходили смотреть спектакли не только евреи. Помню на премьере "Скупого" профессоров университета неевреев, с томиками Мольера в руках, следящими за действием. Спектакль был французским во всех деталях. Его окутывало неуловимое облако своеобразного легкомыслия, характерного для французского ренессанса. И тут же тяжеловесный, насквозь русский (порой даже казалось, что артисты говорят не на идиш, а по-русски) "Васса Железнова". Героиню играла талантливая актриса Ада Солнц. Созданный ею образ мог бы украсить самый лучший русский театр. Традиционно-еврейские спектакли, такие как "Цвей кунилемл", "Колдунья", "Гершеле Остраполер" были вообще выше всяких похвал. Эти спектакли запомнились мне как концентрация еврейского юмора и еврейской боли, еврейского мироощущения и человечности.

Мы знали, что Черновицкий еврейский театр ненамного хуже Московского еврейского театра. Но ведь закрыли Московский театр. И не просто закрыли. В ту пору мы уже не с полным доверием отнеслись к сообщению о гибели Михоэлса в

автомобильной катастрофе, тем более, что до нашей провинции докатились слухи об арестах артистов Московского еврейского театра, об арестах деятелей еврейской культуры в Москве и в Киеве.

Озноб проходит по моей спине, когда я вспоминаю холодные мокрые дни мрачной осени 1948 года. Этому предшествовала цепь партийных собраний, на которых мы единодушно поддерживали родной Центральный комитет в его борьбе против журналов "Звезда" и "Ленинград", против Ахматовой и Зощенко, против оперы "Великая дружба", против композиторов Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна.

Тучи нависали всё ниже. Атмосфера сгущалась. Уже трудно было дышать. И, наконец, грянул гром. Началась борьба против космополитов. Я ещё противился очевидному, считая, что это не обычная антисемитская кампания, а действительно политическая борьба за чистоту генеральной линии партии. Я ещё радовался, находя в рядах космополитов нееврейские фамилии. Но уже в следующее мгновение мне разъясняли, что под благородной фамилией, например, Стебуна, скрывается какой-нибудь подлый Кацнельсон. Поэтому в городе приезд ликвидационной комиссии казался уже вполне закономерным. Нет, нет, ликвидационная комиссия не делала никаких политических или, не дай Бог, национальных выводов. Она просто должна была ликвидировать еврейский театр как нерентабельный.

Мне очень не хотелось, чтобы меня упрекнули в субъективизме, или ещё хуже — в еврейском национализме, когда невольно придётся сравнивать два черновицких театра — украинский и еврейский. Украинский областной музыкально-драматический театр имени Ольги Кобылянской был действительно областным по масштабу, по налёту провинциализма. Находясь в великолепном театральном помещении, он не шёл ни в какое сравнение с театрами Киева — украинским и русским.

Еврейский театр имел своё творческое лицо. Такой театр мог украсить любую столицу. Каждая постановка традиционных еврейских пьес, инсценировок Шолом-Алейхема, мировой классики — всё это было настоящим искусством, серьёзной работой, творчеством.

Весть о прибытии ликвидационной комиссии с неимоверной быстротой разнеслась по городу. Антисемиты ликовали, считая это (заодно с кампанией космополитов) симптомом замечательных санкций против ненавистных жидов, недобитых немцами... Либеральные русские интеллигенты, как всегда, смущённо уходили от неудобной темы. Евреи поглупее, вроде меня, считали это очередным перегибом какого-нибудь высокопоставленного антисемита республиканского масштаба. Более разумные с завистью говорили об уехавших в Палестину румынских евреях и пророчески изрекали, что сейчас, мол, ещё хорошо, а вот дальше что будет!

Ликвидационная комиссия присутствовала на четырёх последних спектаклях еврейского театра. Я уже говорил, что формальной причиной ликвидации театра была его нерентабельность. Надо ли объяснять лживость этого аргумента? В отличие от нерентабельного украинского театра, существовавшего на дотации государства, что само по себе, я считаю, было справедливым, еврейский театр был на хозяйственном расчёте.

Последние четыре спектакля... Я напрягаю память, но не могу вспомнить первый и второй. Отлично помню мелкий холодный дождь, огни фонарей в зловещем тумане, толпы евреев, за несколько кварталов от театра спрашивающих лишний билетик. У самого театра совсем не театральная, подавленная толпа сгущается, запрудив проезжую часть улицы. В самом театре яблоку негде упасть. Я сижу на приставном стуле в проходе возле последнего ряда. За моей спиной, плотно забив выход из партера, сгрудилась толпа не имеющих места. Между приставными стульями с трудом пробираются запоздавшие счастливчики — обладатели билетов. В первом ряду за небольшим столом члены ликвидационной комиссии — четыре человека с типичной украинской внешностью (специально подобрали?) в вышитых сорочках, окрещённых "антисемитками". Перед каждым на столе стопка бумаги.

...Черновицкий театр перестал существовать. Это событие, как взлёт сигнальной ракеты, послужило в городе началом разнузданного антисемитизма, который очень скоро проявился в нашем институте. В ту пору я окончательно почувствовал себя евреем, почувствовал национальную гордость от принадлежности к своему преследуемому народу, почувствовал боль от того, что столько недостойных евреев дают пищу и без того не голодающим антисемитам.

Несмотря на большую разницу в возрасте, после войны мы очень сдружились с главным художником Киевского украинского драматического театра имени Франко. Старый еврей жил искусством. Всей душой и телом он был предан украинскому театру. Но где-то в закоулках его сердца гнездилась тоска по исчезнувшему еврейскому быту, культуре. Часто, разговаривая со мной, он как бы машинально карандашом или мелком рисовал евреев в ермолках, головки пейсатых мальчиков, силуэт козы на типичной улочке еврейского местечка. Как жаль, что я тогда не забрал тут же уничтожаемых рисунков. Впрочем, что бы я с ними сделал? Не дали ведь вывезти специально для меня написанный им натюрморт. Натюрморт со смыслом, понятным только нам двоим. Много интересных вещей о живописи, о театре узнал я от старого художника. От него я впервые услышал о "Габиме".

Однажды, придя к нему, я увидел, как он накладывает последние мазки на большое полотно. На фоне кособоких домишек, двориков с чахлой растительно-

стью, развевающегося на ветру ветхого белья стоял Шолом-Алейхем с пальто, переброшенным через руку, и шляпой в другой руке. Композиция, освещение, колорит! Картина была бы просто очень хорошей, если бы не одна деталь, делающая её прекрасной — лицо Шолом-Алейхема. С какой грустью, с какой болью и любовью он смотрел на раскинувшееся перед ним убожество! Это был взгляд моего друга, старого художника, в минуты, когда рассказывая о своём детстве и юности, о любительских еврейских театрах и "Габиме", он набрасывал свои добрые, а иногда ироничные рисунки. С восторгом я смотрел на эту картину, безусловно, вершину творчества художника Матвея Драка.

Зазвонил телефон. Старый художник снял трубку. Не стану сейчас говорить о причинах, обвинять того или другого, но как раз в это время в семье Матвея Драка произошёл раскол. Телефонный разговор с ближайшим родственником становился всё острее. И вдруг я увидел, как старый человек, бледнея, сползает вниз вдоль стены. Я подхватил его, усадил и взял трубку телефона. На том конце провода продолжали говорить:

— Я ещё раз повторяю, если ты не выполнишь моих условий, я заявлю, что ты — еврейский националист, что ты пишешь портрет Шолом-Алейхема.

Что я сказал тому, на том конце провода, описывать не стану, потому что это не поддаётся и не подлежит описанию. Как мог, успокоил старика и, считая, что сделал всё возможное, ушёл домой. На следующий день, придя к старому художнику, я был потрясён до глубины души. Матвей Драк всю ночь работал, уродуя лучшее своё детище. Он замазал Шолом-Алейхема всё теми же кособокими домишками и убогим тряпьём. Картина перестала существовать.

Часто в эти страшные дни и уже значительно позже я вспоминал знаменательный разговор поле приёма у маршала Федоренко. Что стало с гвардии полковником? В армии ли он ещё или демобилизовался? Где-то году в шестидесятом случайно узнал, что он служит в Днепропетровске в звании генерал-майора. Его товарищи уже давно генералы армии и маршалы, а он, самый талантливый, самый храбрый из них, всё ещё генерал-майор. Ну что ж, всё естественно. Сейчас мне уже не казался странным его вырвавшийся из глубины души возглас: "Анклейф, ингелэ!" В Киеве, в атмосфере матёрого антисемитизма, меня уже давно ничто не удивляло, даже чёрная неблагодарность к одному из храбрейших комбригов Отечественной войны. Удивило, нет, не просто удивило, — потрясло — нечто совершенно другое.

Однажды в "Правде" прочёл большую дурно пахнущую статью, в которой автор обрушился на тех, кто говорит о каком-то несуществующем в СССР антисемитизме. Я бы отнёсся к этой привычной стряпне, как к ещё одной порции

дерьма, если бы не подпись автора статьи — Давид Драгунский. Долго я не мог прийти в себя.

Давид Драгунский, дважды Герой Советского Союза, гвардии полковник, в подразделении которого я служил в августе 1945 года? Не может быть! Давид Драгунский, объяснивший мне, не верящему в это, что надвигается волна антисемитизма, сейчас, после всего, что мы пережили, после борьбы с космополитизмом, после уничтожения еврейской культуры и физического уничтожения деятелей этой культуры, поле дела врачей-отравителей, после ежесекундного проявления антисемитизма во всех сферах жизни подписывает грязную статью, сфабрикованную черносотенцами? Мне было больно и стыдно за глубоко уважаемого мною человека. И когда жена и сын, когда мои друзья — все те, кто много раз слышал от меня рассказ о Драгунском, когда они с упрёком спросили меня, как это могло случиться, я растерялся. Вероятно, пытался я оправдать Драгунского, статью подписали без его ведома, как это нередко делают, а там — военная дисциплина, пятое, десятое... Но и сам я не очень верил своему объяснению.

Через несколько дней всё стало на свои места. По телевидению показали знаменитую пресс-конференцию, по поводу которой потом циркулировало множество анекдотов. (Один из них: "Что такое пресс-конференция? Это тридцать евреев под прессом." Тоже своеобразная попытка оправдать недостойное поведение.) Одной из видных фигур на этой конференции был генерал-полковник (наконец-то очередное воинское звание вместо тридцати сребреников) дважды Герой Советского Союза Драгунский. Его трудно было узнать. Нет, не потому, что он постарел. И тогда, в 1945 году, мне, двадцатилетнему лейтенанту, он казался почти стариком. Всё относительно. Нет. Тогда он был человеком, героем, личностью. Даже в детстве он был личностью. Когда в их классе девочка обозвала его жидом, он, зная, что нельзя бить женщин, выплеснул ей в лицо чернила. Сейчас это была жалкая марионетка в компании марионеток. Сейчас его окунули в дерьмо по самые уши, а он радовался запоздавшему на двадцать лет очередному воинскому званию.

В этот вечер навсегда перестал существовать для меня комбриг Драгунский. В этот вечер я окончательно понял, что военное и гражданское мужество — величины несравнимые.

Спустя некоторое время Драгунский с группой таких же подонков-евреев приехал в Брюссель, где в эту пору проходил сионистский конгресс. Приехали они доказывать, как изумительно живётся евреям в Советском Союзе. Группа остановилась в гостинице вблизи цирка, в котором в это время выступали советские артисты. Хорошие артисты. На афише цирка какой-то остряк написал: "Драгунский с группой дрессированных евреев". Драгунский и дальше погружался в трясину под-

лости. Но именно этот факт я вспомнил только потому, что фраза на афише с одинаковым успехом могла быть написана и сионистом и антисемитом. Дважды два всегда и везде четыре. Альберт Эйнштейн как-то сказал, что евреи не лучше других, не хуже других, они просто другие. Это высказывание служило мне некоторым утешением, когда я встречал евреев-подлецов, евреев-подонков.

Слабым утешением оно служит и сейчас, когда в еврейском государстве я вижу избыточное количество евреев-подонков, разрушающих свою страну, своё единственно в мире убежище.

(печатается с сокращениями)

И.Деген. Из дома рабства. Изд-во "Мория", Израиль. 1986.

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ

Генерал-лейтенант бундесвера стоял в окружении сопровождавших его израильских офицеров. Слева дома друзской деревни вырисовывались на фоне горы Хермон. Справа, на юге, даже без бинокля можно было разглядеть развалины сирийского города Кунейтра. А перед ним в долине... нет, это невероятно! Сотни знакомых ему советских танков "Т-55" и "Т-62", отличных танков, которыми были вооружены сирийцы. Кладбище танков, сгоревших, подбитых. А вот, если он не ошибается, целые, покинутые экипажами. Нет, он не ошибается. Генерал-лейтенант нарушил затянувшееся молчание:

— Странный вы народ, евреи. И это вы называете поражением? Да если бы мы, немцы, уничтожили столько танков в одном бою, мы бы в течение веков праздновали небывалую победу.

Что бы сказал генерал, знай он, как были уничтожены эти танки, какими силами. Поверил ли бы он, что это работа одного танкового батальона, оставленного без пехоты, без поддержки артиллерии и авиации? Впрочем, и сам командир батальона, 29-летний подполковник Авигдор Кахалани, понимал, что случилось чудо, что трудно, проанализировав всё происшедшее, объяснить неслыханную победу батальона только героизмом и умением его танкистов, хотя и этого было больше чем достаточно.

Есть люди, которым на роду написано быть героями. Авигдор родился в 1944 году, в посёлке Нес-Циона, в скромной религиозной семье йеменских евреев. Отца привезли годовалым младенцем из Адена в 1924 году. Мать приехала из Саны в 1933 году. Авигдор рос в обстановке почтения к родителям и к труду. Закончил ОРТ, получив специальность точного механика. В 14 лет увлёкся мотоциклом. В 1962 году был призван в Армию обороны Израиля. Мечтал стать лётчиком, но попал в танковые войска. Отличного танкиста направили на командирские курсы. И тут — один из самых забавных парадоксов в биографии Кахалани. Авигдор рассказывал о нём с чувством юмора, сквозь который проступала незабытая обида. Учился он хорошо. Но его отчислили, мотивируя это тем, что у Кахалани нет командирских и лидерских качеств. Попробуй опровергнуть такое утверждение! Командующий танковыми войсками добился разрешения начальника генерального штаба направить Кахалани в школу офицеров-танкистов, хотя это категорически запрещалось, если не было аттестата об окончании командирских курсов. Авигдор стал командиром танкового взвода без офицерского звания.

— Знаешь, я не носил знаков отличия. Стеснялся, — с улыбкой сказал мне как-то Авигдор. Не раз я задумывался над формулировкой: "нет командирских и лидерских качеств". Что было причиной такой формулировки? Добрые глаза красивого йеменского еврея? Врождённая деликатность? Глупость командира роты, выходца из Болгарии, относившегося к йеменскому еврею как к представителю "низшей расы"? Но именно командирские качества: умение быстро оценить обстановку, принять оптимальное решение и потребовать от подчинённых сделать всё для выполнения этого решения, умение увлечь подчинённых за собой, за лидером, — в первую очередь поражают в Кахалани, а не его личный беспримерный героизм.

К началу Шестидневной войны Кахалани уже командовал танковой ротой — 14 танков "Паттон".

Жена Далия была на восьмом месяце беременности. В бой Кахалани повёл ещё одну роту. Вторая часть батальона пошла южнее. Уже с первой минуты боя у Кахалани не было связи с командиром батальона. Как потом выяснилось, на танке комбата сбили антенну. Авигдору пришлось самостоятельно принимать решения и руководить боем половины батальона. Мужество, героизм, блестящие командирские качества — всё это было. Но меня остановило, казалось бы, незначительное событие, которое характеризует не просто командира Кахалани, а типичного представителя еврейского народа. Во время атаки Авигдор увидел египетского солдата, зарывшегося в песок и с ужасом смотревшего на стальное чудовище, несущееся на него. Ещё несколько секунд — и египтянина раздавят танковые траки. Кахалани скомандовал водителю свернуть влево. Он не мог убить беспомощного

человека. Танк пронёсся мимо. Сзади раздалась автоматная очередь. Крышка командирского люка спасла жизнь Авигдора. Он оглянулся. Египтянин, которого он пощадил, целился в него из автомата. Всё правильно. Вы думаете, что этот случай изменил еврея? Во время боя за Сидон, 9 июня 1982 года, командир дивизии бригадный генерал Кахалани в своём бронетранспортёре в 200 метрах за головным атакующим танком увидел, что огонь артиллерии и авиации может поразить мирных жителей. Он приказал орудиям прекратить огонь, а самолётам — вернуться на базу. Представитель авиации напомнил, что самолёты не могут приземлиться с бомбовым грузом. "Пусть сбросят в море", — приказал Кахалани.

И ещё одно качество, природу которого я пытался понять. В бою, имея возможность скомандовать своим танкам идти впереди меня, я всё-таки шёл первым, преодолевая страх. Ещё страшнее было еврею представиться трусом в глазах подчинённых. Но что заставляло Кахалани идти первым?

— Ну, как ты не понимаешь? — удивился Авигдор. — Я ведь командир. Да, командир в израильской армии идёт первым. У нас нет команды "Вперёд!", есть команда "За мной!". Не случайно так велики потери командного состава в войнах Израиля.

Недалеко от Эль-Ариша египтяне подожгли танк Авигдора. Только при третьей попытке, когда, казалось, что это уже конец, ему удалось выбраться из горящей машины. Врачи определили: обожжено 60 % тела, ожоги в основном третьей степени, почти нет надежды выжить. Но он выжил. Когда с Авигдором мы сидим на полке в сауне нашего клуба, я незаметно поглядываю на рубцы, уродующие его тело. Профессионалу нетрудно определить: вторая группа инвалидности по бывшим советским критериям.

В Израиле нет орденов и медалей. Есть ленточки за участие в войне — равные для начальника генерального штаба и рядового писаря в тылу. Только в исключительных случаях могут вручить ещё одну ленточку. И Кахалани получил её — "Мофет" ("Пример").

В той же больнице, в которой медики боролись за жизнь Авигдора, Далия родила сына. Армия организовала в больнице "брит-мила" Дрора. Этот праздник стал для Авигдора лекарством не менее действенным, чем все усилия медиков. Вместе с сынов Кахалани учился сидеть, стоять, ходить.

Его выписали из больницы с профилем 31 % — тяжёлый инвалид. О службе в боевой части не могло быть и речи. Кахалани руководил курсом огневой подготовки в танковой школе и упорно думал об осуществлении давней мечты — о прыжках с парашютом. Командир школы считал его сумасшедшим. Командующий танковыми войсками предупредил командира школы: запретить Кахалани делать

глупости. Кахалани впервые в жизни пошёл на подлог — переделал профиль с 31 % на 97 %, т.е. абсолютно здоров, может служить в парашютных войсках. Два врача комиссовали Кахалани и заключили: о прыжках не может быть и речи. Но доктор Каплан, который сделал Авигдору двенадцать пластических операций, в своё время сказал ему: "Ты не относишься к категории людей, которым говорят, что можно, а чего нельзя. Нет для тебя лучшего врача, чем ты сам. Сам и решай". И Кахалани решил. Пять прыжков должен совершить израильский солдат, чтобы получить "крылышки" парашютиста. Капитан Кахалани прыгнул одиннадцать раз.

Годичные командные и штабные курсы — военная академия. Как и обычно, Кахалани использует каждую минуту учения, чем завидно отличается от некоторых других слушателей — от капитана до подполковника. После окончания курсов Кахалани командовал танковым батальоном резервистов, а потом был назначен заместителем командира 77-го танкового батальона 7-го танкового полка. Вскоре он стал командиром этого батальона, дислоцированного в Синае. К двадцативосьмилетию Авигдора Далия подарила ему дочку Вардит.

Празднование Нового года (в это время Авигдор пришёл со свадьбы брата Эммануэля) было прервано звонком командира полка, приказывавшего немедленно прибыть на Голанские высоты, куда передислоцирован батальон. Подполковник Кахалани поехал на новое место в новый полк, в который влился его батальон. Только через несколько дней, уже за считанные часы до начала войны Судного дня, весь 7-й полк прибудет на Голанские высоты, а пока танки на Синае закрыли и поставили на консервацию, личный состав на самолётах перебросили на север и укомплектовали взятые здесь со склада только 22 танка "Центурион" со 105-миллиметровой израильской пушкой. Кахалани со своими офицерами использовал каждую минуту для рекогносцировки местности и изучения обстановки. А обстановка была малоутешительной. Оборону всей израильско-сирийской границы обеспечивали 12 бункеров. В каждом гарнизон из 12-16 бойцов. Примерно 165 пехотинцев, поддержанных двумя неполными танковыми полками, должны были сдержать возможное наступление сирийцев!

Это очерк о Герое, а не о преступном поведении правительства Меир-Даяна, стоившем народу Израиля стольких жертв в Войну Судного дня. Но и сегодня, 21 год спустя, Кахалани рассказывает о первых днях войны с чувством неутихшей боли. Граница между Израилем и Сирией — обычный забор из сетки. На некоторых участках противотанковые рвы и минные поля. А чего стоят противотанковые препятствия, не охраняемые огнём пехоты и артиллерии?

История не знает сослагательного наклонения. Но невольно задумываешься над тем, что или Кто спасает нашу страну в роковые минуты. Нет сомнения в

том, что и на Синае, как и прежде, Кахалани проявил бы героизм и выдающиеся командирские качества. Но на Синае это не было судьбоносным для Израиля. На Синае была стратегическая глубина. На Синае можно было позволить себе отступить при необходимости. На Голанских высотах такой возможности не было. Счастье нашего государства, что батальон Кахалани оказался на Голанских высотах в нужное время.

Утро 6 октября 1973 года. Судный день. На инструктаже у командира полка стало очевидным, что война неизбежна и начнётся она сегодня. Кахалани вернулся в батальон, закрыл синагогу, приказал молящимся занять места в танках и прекратить пост. Сам он тоже перекусил. Кстати, наша религия предусматривает такие ситуации — "пикуах нефеш" — спасение жизни. Без пяти два после полудня, когда Кахалани снова поехал в штаб полка, на лагерь налетели сирийские "МиГи". Началась война. Командир батальона вывел танки на огневые позиции.

Меня не перестаёт удивлять, как спокойно Кахалани рассказывает о первых днях войны. Может быть он не умеет ругаться? Утром 6-го октября командир полка забрал у него танковую роту и передал её мотострелковому батальону. Своего заместителя с ещё одной ротой Кахалани вынужден был послать в Кунейтру, чтобы отразить наступление сирийцев на город. В распоряжении комбата остались две неполных танковых роты и ещё один взвод. У него не было ни малейшего представления о том, кто его соседи. Он не знал, сколько солдат в бункерах. Батальону не придали ни одного пехотинца. Танки растянулись, обороняя немыслимо широкую полосу. Сирийская артиллерия точно била по позициям наших танков. Сирийские "МиГи" безнаказанно праздновали в небе. Нашей авиации не было и в помине. С наступлением темноты в атаку пошли сирийские танки. У них было явное преимущество перед "Центурионами" — инфракрасные прожектора, позволявшие им видеть в темноте, оставаясь невидимыми. У израильских танкистов не было даже специальных биноклей, способных реагировать на инфракрасные лучи. Только благодаря осветительным ракетам удалось обнаружить и поджечь несколько сирийских танков. Их пламя осветило цели для израильских танкистов. Несколько сирийских танков было уничтожено буквально рядом с нашими, между огневыми позициями "Центурионов".

На рассвете следующего дня 90 танков "Т-55" и "Т-62" пошли в атаку на позицию батальона Кахалани. На один израильский танк более восьми сирийских. "Мы стреляли, как сумасшедшие", — вспоминает Авигдор. Погиб командир роты и ещё шесть командиров танков. Погиб один танкист в экипаже. Ремонтники под огнём ремонтировали подбитые танки. Врач батальона и его помощники эвакуировали убитых и оказывали помощь раненым в непосредственной близости от позиций

танков. Все сирийские танки были уничтожены или брошены сбежавшими экипажами.

Уже в первые часы после начала войны сирийцы захватили гору Хермон. Вот откуда их наблюдатели так точно корректировали огонь артиллерии. Это было несчастьем для батальона Кахалани. Но для всего Израиля несчастьем было то, что противник захватил дорогое уникальное оборудование, позволявшее вести разведку значительной части сирийской территории.

Третий день войны. Сирийцы не прошли на участке обороны батальона Кахалани и изменили направление атаки. Батальон пополнили вернувшимися ротами и ещё несколькими танками из другого батальона и переместили на направление сирийской атаки. Как и обычно, танк Авигдора впереди. Он выехал из-за скалы, и душа у него, как он выразился, ушла в пятки. Прямо перед ним стояли два танка "Т-55", третий, "Т-62", медленно двигался к ним. Из командирской башенки Кахалани направил пушку на ближайший танк. "Стреляй!" — крикнул он. "Какое расстояние?" — спросил ничего не понимающий стрелок. Что-то зелёное закрыло всё поле зрения прицела, так как пушка чуть ли не упёрлась в сирийский танк. "Стреляй!" — крикнул Кахалани. Выстрел. Танк подбит. Кахалани перевёл пушку правее, на второй танк. "Стреляй!" Подбит и этот танк. "И тут я увидел, как смерть хватает меня в свои объятия, — рассказывал Авигдор. — Огромное орудие "Т-62" смотрело прямо мне в глаза. Я юркнул в башню, распрощавшись с жизнью. Но стрелок поджёг и третий танк. За ним мы увидели четвёртый и тоже подожгли его. "Авигдор, — сказал я, — но ведь это невозможно. Представь себе, что я бы командовал одним из сирийских танков". "Я знаю, что это невозможно, — он ткнул указательным пальцем вверх и снова, в какой уже раз, произнёс: — Чудо". По пути в долину они подбили ещё шесть танков, что было пустяком в сравнении с только что происшедшим. Несколько десятков сирийских танков поднимались на гряду. Танк Кахалани одиноко стоял на перевале. Если сирийцы поднимутся сюда — это конец. Придётся отступить под огнём противника. Кахалани приказал батальону подняться к нему. Но только один танк командира роты стал рядом с ним. Остальные словно приросли к земле. Даже израильские танкисты всего-навсего люди. Ох, как нелегко преодолеть страх! Кахалани приказывал, увещевал, упрашивал. Ни с места.

(Мне очень трудно быть беспристрастным летописцем. Почти 50 лет назад у меня возникла точно такая же ситуация. Девятые сутки наступления. Мне 19 лет. Я командир сборной роты. 12 машин — всё, что осталось от нашей танковой бригады, тяжёлотанкового полка и полка 152-миллиметровых самоходных орудий. Я приказал в атаку. Машины стоят. На шум работающих дизелей немцы открыли бешеный огонь из пушек и миномётов. Машины задраены наглухо. Командирам на-

плевать на мой изысканный мат — единственное средство убеждения, которым я владел в совершенстве. Я скомандовал "За мной!", надеясь на то, что эти сукины сыны сдвинутся с места. Не сдвинулись. Мой танк был подбит. Три человека в экипаже и шесть десантников убиты. Механик-водитель и я тяжело ранены).

Кахалани нашёл нужные слова. Главное — надо было собрать все силы, чтобы фраза прозвучала спокойно, в повествовательной манере. "Говорит комбат. Посмотрите, с каким мужеством противник поднимается на позиции против нас. Я не понимаю, что с нами произошло. Ведь они всего-навсего арабы, и мы сильнее их! Начните двигаться и станьте в одну линию со мной. Я обозначу себя флажком". И танки пошли! И снова знакомая фраза: "Мы стреляли, как сумасшедшие". Кахалани был вынужден приказать стрелять только по движущимся танкам, чтобы впустую не расходовать снаряды. Все сирийские танки были уничтожены. Это была победа! По радио прозвучал голос командира полка: "Кахалани, ты остановил сирийцев. Ты — Герой Израиля!" Кстати, это был единственный участок фронта, где противнику не удалось прорваться. Южнее танковый полк отступил до центра Голанских высот, понеся страшные потери. Были убиты и командир полка, и его заместитель. Только через четыре дня двум дивизиям резервистов в тяжёлых боях удалось вернуть утерянные позиции.

Полтора дня формирования. Кахалани во главе своего батальона, а за ним ещё один батальон (командир полка с двумя батальонами южнее) пошли в наступление. На второй день была занята большая сирийская деревня в 35 километрах от Дамаска. Дальше нашим танкам не приказали идти. Вероятно, у правительства были свои соображения.

Прекратились бои. Но всё в этот последний день войны шло не так как надо. Сменивший их батальон пришёл с большим опозданием, поздно вечером, и танки батальона Кахалани вытягивались в колонну в абсолютной темноте, естественно, не включая фар. Командир полка срочно вызвал Кахалани к себе. Но одна из рот, находившаяся на соседней высоте, всё ещё не присоединилась к батальону. Командир роты по радио пообещал прибыть через несколько минут, так как он уже в пути. Прошло более получаса, и Кахалани сообразил, что рота заблудилась и попёрла к сирийцам. По радио он сообщил командиру полка, что вынужден задержаться, и на своём танке по скалам в кромешной тьме поехал разыскивать заблудившуюся роту. На обратном пути у двух танков соскочили гусеницы. К командиру полка он прибыл поздней ночью. Странным было поведение командира полка. Кахалани понимал, что предстоит разговор необычный. Он дисциплинированно ждал, когда командир сообщит ему причину вызова. "Кахалани, срочно поезжай домой. Батальон на формировании обойдётся без тебя. Погиб твой брат Эммануил. И брат

Далии". Авигдор расстался со своим любимым братом в утро после его свадьбы... Вот когда до предела пришлось мобилизовать свою волю. Авигдор рассказывал мне, чего стоило ему подавить рвущиеся из груди рыдания. Далии с детьми не было дома. Она уехала в Иерусалим к родителям, оплакивавшим смерть сына. Их старший сын погиб в Шестидневную войну. А потом "шлошим" (тридцать дней после смерти) Эммануила. Посмертно танкист Эммануил Кахалани был награждён той же наградой, которую получил Авигдор за Шестидневную войну, — "Мофет".

Продолжалась армейская служба. Кахалани — командир базы манёвров. Командир танкового полка. Далия родила сына Дотана. Год учений в военной академии в США. В июне 1982 года бригадный генерал Кахалани повёл в бой свою дивизию, и в этой войне снова проявил командирский талант. Военную службу он завершил в 1988 году в должности заместителя командующего сухопутными войсками. В Тель-Авивском университете он получил степень бакалавра, в Хайфском — мастера. Он автор двух книг, ставших бестселлерами.

Сейчас Авигдор Кахалани заместитель мэра Тель-Авива — Яффо. Он депутат Кнессета от Рабочей партии. Я не люблю эту партию. Но мы никогда не говорим о политике. Авигдор как-то сказал мне, что он не политик. Это правда. Лидеры Рабочей партии собираются отдать Сирии Голанские высоты.

Депутат Кнессета от этой партии, будь он политиком, был бы обязан поддержать своих вождей. Но Авигдор Кахалани, как никто другой, знает, что такое Голанские высоты и какое значение они имеют для существования нашего государства. Поэтому, к явному неудовольствию своих вождей, Авигдор Кахалани возглавил колонну тракторов, пришедших с Голанских высот в Иерусалим в знак протеста против возвращения врагу жизненно важной территории, возглавил, как раньше возглавлял колонны танков, идущих в бой. А две недели назад Авигдор принял на себя командование операцией, в которой участвуют все жители Голанских высот: правые, левые, религиозные и атеисты. Этих столь разных людей объединила не только борьба за свой дом, передаваемый Сирии в обмен на клочок бумаги, а, самое главное, забота о будущем страны, остающейся беззащитной без Голан. Сперва Авигдора поддержали некоторые члены Кнессета от партии Авода. И вот тут началось давление, которое можно сравнить только с самым настоящим боем. Некоторые почти сразу не устояли, сдались. Я верю в Авигдора и очень надеюсь на то, что он выиграет и этот бой. "Оз-77" — так назывался 77-й танковый батальон, которым командовал Кахалани, защищая от сирийцев Голанские высоты. "Оз" на иврите — отвага.

Сейчас Кахалани защищает Голаны не только от сирийцев, но и от израильского правительства.

Название этой операции — "Оз-94".

Справка для моих товарищей по оружию — ветеранов Отечественной войны.

Оглянитесь вокруг, когда вас возмущает отсутствие привилегий для ветеранов.

Вот этот водитель автобуса геройски командовал взводом в батальоне Кахалани. Вот этот киббуцник был у Кахалани отважным командиром роты. Вот этот продавец орешков и семечек, будучи стреляющим, уничтожил более десяти сирийских танков. Вот этот чиновник в банке был водителем танка. Вот этот мальчишка, не уступивший вам места в автобусе, смертельно устал после сегодняшней ночи: он служит в специальном, очень опасном подразделении по борьбе с террором — "Дувдуван". Ни у кого из них нет никаких привилегий. Все граждане государства Израиль — солдаты Армии обороны Израиля. В нашей стране все ветераны. Правда, у ветеранов на груди нет металла, выпущенного к торжественным годовщинам, в том числе к именинам "бессмертного" Ленина, а не за героизм и отвагу в бою. Вот почему коренные израильтяне с недоумением поглядывают на нас, когда мы появляемся, увешанные этими медалями.

Звание Героя Израиля, которое тоже не даёт никаких привилегий, за всю историю нашей страны получил 41 человек, из 21 — посмертно. В войну за независимость героями стали 12 человек, за операцию "Кадеш" — 5, за Шестидневную войну — 11, за Войну Судного дня — 8, 5 человек получили звание Героя между войнами. Авигдор Кахалани единственный Герой, удостоенный ещё одной награды — "Мофет".

"Алеф" (Тель-Авив), № 547

Очерк об Авигдоре Кахалани написан в сентябре 1994 года. После его опубликования я с тревогой следил за развитием событий. Кахалани подвергся неслыханному у нас давлению лидеров партии Труда, которую он представлял в Кнессете. Четыре из пяти поддержавших его социалистических депутата не выдержали давления и отступили вопреки своим убеждениям. В бою Кахалани был героем. Но ведь гражданское мужество не всегда является продолжением ратной отваги, — примером тому служит

генерал Драгунский, тоже герой-танкист, опозоривший себя, когда мужество понадобилось не в бою. Правда, условия в демократическом Израиле несравнимы с мракобесием "страны победившего социализма". Но ведь и Кахалани был в социалистической партии. Социалистической! А детей всюду делают одним и тем же способом. Как и на Голанских высотах, Кахалани не отступил. Он порвал с социалистами. Он создал свою партию — "Третий путь", которая на выборах 29 мая 1996 года получила 4 мандата в Кнессет*. Во время выборов Кахалани блокировался с партией Натана Щаранского "Исраэль ба-Алия", договорившись о передаче друг другу избытка голосов избирателей. Сейчас Авигдор Кахалани получил пост министра общественной безопасности в правительстве Беньямина Нетаньяху, пообещавшего народу отказаться от "мюнхенской" политики своих предшественников. Надо надеяться на то, что Герой в этом правительстве поможет премьер-министру занять прочную оборонительную позицию.

20 июня 1996

Ион Деген

---

* Кнессет — однопалатный парламент. Его название и число депутатов (120) происходит от "Кнессет ха-Гдола" — "Великое собрание", которое созывалось в V веке до н.э. в Иерусалиме Эзрой и Нехемией. - *Ред.*

Маркс ТАРТАКОВСКИЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К НЕКРОЛОГУ

Американские газеты после похорон Ицхака Рабина писали, что весь мир плакал вместе с внучкой убитого премьер-министра, выступавшей с траурной трибуны. На телеэкране весь мир не виден, но, действительно, немолодой ветеран в почётном карауле, наклонясь за трибуну, украдкой смахивал слезу, а юный, атлетический скроенный солдат до боли, чувствовалось, закусил губу, чтобы не заплакать. Эмоции эти вполне понятны. Заслуги покойного перед еврейским народом огромны. Юный Рабин первым со своим воинским соединением прорвал арабскую блокаду еврейской части Иерусалима в первой из арабо-израильских войн, он — один из главных творцов молниеносного разгрома армий трёх арабских государств (с приданными им "братскими" соединениями) в Шестидневной войне 1967 года. Его политика, в конце концов, привела к миру с соседней Иорданией — и это прекрасно.

Увы, в наше время безопасность страны и её граждан и высокое понятие "мир" — отнюдь не синонимы. И я не убеждён, что лишь искренним горем исчерпываются все эмоции хотя бы только этих отмеченных нами людей.

Ветеран определённо участвовал во многих боевых операциях. Быть может, ему довелось в октябре 1973 года выстоять перед натиском девятикратно превосходивших сирийских танковых сил на Голанских высотах... Быть может, он чудом уцелел на Синае, когда египтяне, обученные советскими военспецами, неожиданно форсировав Суэцкий канал, раздавили гусеницами танков всю израильскую оборону...

Юный солдат обо всём этом, бесспорно, знает из книг, документальных лент, рассказов отца. Быть может, он уроженец северного Израиля, где всё ещё слышна перестрелка по другую сторону границы с Ливаном. Уж ему-то известно, что никакая полоса безопасности, постоянно патрулируемая, минированная и снабжённая самой изощрённой электроникой, не спасает от дерзких, отлично вооружённых и обученных террористов.

Не исключено, что кто-то из его близких или друзей погиб от террора в самом сердце Израиля, в Иерусалиме или Тель-Авиве. Ведь ежегодная "квота" таких жертв возросла более чем вдвое с момента подписания Рабином и Пересом первых договоров с Арафатом. Причём убийцам удаётся порой скрываться на территориях, прежде считавшихся оккупированными, а теперь — автономными, — и сам я вполне могу понять Арафата, который не выдаёт их израильскому правосудию. Именно он блистательно отсутствовал на похоронах своего "личного друга" и солауреата по Нобелевской премии мира. И объяснил причину с ошеломляющей откровенностью: боязнь покушения.

Так что же, наспех вывести израильские войска с автономных территорий, которые станут суверенным арабским государством Палестина? Можно ли допустить, чтобы в обстановке арабской вражды и ненависти (взаимной — тоже, никакой народ не свят) вся центральная, наиболее населённая часть Израиля с его столицей оказалась бы буквально на границе. Возьмите линейку, измерьте "талию" страны без Западного берега Иордана (только так она доныне нанесена на российских географических картах) — результат ошеломляет: ширина от 14 до 20 километров. Лжедмитрий с жалкими пушчёнками стоял дальше от Кремля в своём Тушинском лагере (в черте нынешней Москвы)!.. А уж террорист-смертник, убеждённый, что шагает прямо в рай у гуриям, постоянно бок о бок со своими потенциальными жертвами.

Ну, а прогрессирующий, подобно параличу или опухоли, исламский фундаментализм, весь настоянный всё на том же гарантированном рае? Могло ли даже присниться, чтобы арабская страна, наиболее приближённая к европейской культуре, где некогда в городах проживало больше французов, чем арабов, — что Алжир будет объят гражданской войной "правоверных" с ещё более "правоверными"? Надо ли такие обстоятельства придвинуть вплотную к современному светскому (при всех крайностях) государству?

Надо ли, чтобы над самой плодородной частью крохотного Израиля, половину которого составляет пустыня, нависали бы чужие высоты, и земледелец в поле просматривался бы в оптический прицел? Какой соблазн хотя бы и для террориста-одиночки!.. Нынешний сирийский лидер (так теперь принято именовать диктаторов), готовый, вероятно, подписать формальный

мирный договор при полном отступлении Израиля с Голан, допустим, фигура надёжная. Да ведь он не вечен. Кто сменит его?

Дипломатические "успехи" Рабина-Переса объяснить несложно. Если победитель предлагает побеждённым всё, фактически ничего не требуя взамен, кроме хорошего отношения к себе, отказываться как-то немыслимо. Да и сколько всякого рода мирных договоров было подписано и разорвано самими арабскими странами, воевавшими друг с дружкой с применением самого что ни на есть неконвенционального оружия...

Переговоры Израиля с пораженческих позиций (как не поступает не только Армения в тяжбе с Азербайджаном, но и Абхазия, изгнавшая вдвое больше грузин, чем наличествует самих абхазов) тем более уникальны, что разом исчез с карты мира самый грозный его ненавистник — Советский Союз. Арабские лидеры задирались всякий раз как "шестёрки", вполне рассчитывавшие на всемогущего босса за их спинами. Спасая своих "друзей" советские вожди угрожали порой даже "ядерным возмездием" на пике израильских побед. Израильтяне всегда помнили, что крах противника не смеет быть окончательным, а уж проговориться в прессе, что в сбитых арабских "МиГах" сидели подчас русские пилоты, было просто немыслимо... Одна из воюющих сторон била козырями — другая не смела себе этого позволить.

Но мир вокруг ныне иной. И переговоры должны вестись на равных. А для этого требуется, чтобы побеждённая сторона, да ещё неправая шагнула первой. Таким было прибытие Анвара Садата в Иерусалим после поражения в войне Судного дня. Я сравнивал его с человеком, спустившим воду в унитазе — разом смывшем свои грязные дела. Но всё равно уступка Египту всего Синая была чрезмерной, буквально призом за отчаянную политическую отвагу, — хотя и не в считанных километрах Синай от сердца Израиля, а в сотне-полутора.

История нашего века знает парадоксальные сдачи позиций на переговорах. Невилл Чемберлен, британский премьер, в сентябре 1938 года вернулся из Мюнхена, размахивая бумажкой с подписью Гитлера: "Я привёз вам мир!" Он прожил после этого немногим более года, умер от рака. Надо думать, болезнь гнездилась в нём и тогда, когда он "сдавал" Чехословакию напористому фюреру. Президент Рузвельт, безропотно "сдавший" Сталину всю Центральную Европу (Восточная, по определению географов, была частью собственно СССР) накануне капитуляции

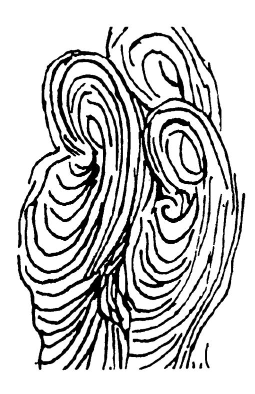
Германии, не прожил после этого и полгода. Уступал человек с психикой, подорванной телесной хворью. Теперь в Америке стало правилом информировать страну о здоровье её лидера — вплоть до пустяшного геморроя и плоскостопия всегда бодро улыбающегося Клинтона...

Мне довелось на протяжении часа-полутора почти лицом к лицу наблюдать Ицхака Рабина в Московской хоральной синагоге два года назад. Запомнилось даже и не по годам отёчное багровое лицо весьма пожилого человека. Лишь потом я узнал, что израильский премьер запойный курильщик, почти не расстававшийся с сигаретой; с ним случались даже никотиновые обмороки. Нельзя, конечно, тут идти на слишком далеко идущие выводы, кабы речь не о судьбах страны, где, между прочим, живёт мой сын. Ему вот-вот идти в армию. Какие границы он будет оборонять? Мыслима ли (тем паче так или иначе во вражеском окружении) страна-лабиринт, где часть палестинкой территории (Западный берег) должна сообщаться с другой (сектор Газы) через собственно Израиль? Где для еврейских поселений в глубине этих территорий уже прокладываются особые дороги, дабы не пересеклись потенциальные террористы и их возможные жертвы?.. Да почему бы не произвести непосредственный обмен земельными участками? Высокие Договаривающиеся Стороны словно бы напрочь забыли об этом...

Имеют палестинцы право на землю? Бесспорно, имеют. Они и живут на своей земле. Даже семья террориста-смертника, только что взорвавшего посреди города автобус с невинными людьми, семья, в открытую принимающая поздравления по поводу "геройства" сына, уже кейфующего в раю, — даже такая семья ещё ни разу не была подвергнута изгнанию.

Право на культурную автономию? Есть оно в полной мере. Более того, в израильских университетах введены курсы арабистики, исламской культуры...

Право на политическую автономию? Вероятно, и оно возможно, если сами арабы, никогда не имевшие и не имеющие теперь ни одного демократического государства, чувствуют себя к этому призванными. Не посетуют ли потом?.. Но такая автономия должна быть надёжно закреплена присутствием именно израильской армии. Изменятся времена, изменятся нравы — изменятся и обстоятельства. Не станем гнать коней. Что там впереди?..

ЦИФРЫ. ДАТЫ. ИМЕНА.

СМЕРТЬ АДМИРАЛА

Адмирал Джереми Майк Бурда был в глазах своих соотечественников настоящим героем. Обладатель 18 боевых наград, в том числе и двух "Золотых звёзд", — что может быть выше?!

В американской армии отношение к наградам особое. Офицеров, пойманных на незаконном присвоении наград, судит военный трибунал, после чего они, как правило, уходят со службы. Адмирал Бурда, человек долга и чести, знал, чем грозит ему эта сенсация. Прежде всего бесславием, позором. И не только ему, но и его семье — жене и четверым детям, а также матросам, уважением которых он очень дорожил.

Как это нередко бывает в подобных историях, трагическая кончина застрелившегося адмирала явилась в некотором роде и развязкой. Тот факт, что развязка эта несколько запоздала, тоже вписывается в сюжет.

Произошла ошибка, — только и всего. Уже после смерти адмирала нашлись свидетели его славного боевого прошлого, среди них и адмирал в отставке Зомвейт, готовый присягнуть в том, что ВСЕ награды покойного были им заслужены.

Утром 16 мая секретарю адмирала позвонили из еженедельника "Ньюсуик".

— Материал уже готов, — сказали ему, — теперь неплохо бы получить объяснения адмирала.

В 12:15 дня секретарь доложил адмиралу о телефонном звонке и обговорил с ним назначенное для встречи с журналистами время 14:30.

Адмирала время вполне устраивало. Но, судя по выражению лица, вспоминает секретарь, он был очень взволнован.

— Как мы справимся с этим? — спросил Бурда у секретаря и, не дожидаясь ответа, добавил, — я буду говорить правду.

Отказавшись от традиционного обеда в офисе, адмирал вышел, пообещав вернуться к 14:30. Сам сел за руль автомобиля, отпустив своего водителя. Тот, заподозрив неладное, поспешил на своей автомашине вдогонку за адмиралом, который, судя по всему, ехал домой (дом адмирала расположен неподалёку от его офиса). Водитель опоздал на считанные минуты. Как выяснилось впоследствии, Джереми Бурда застрелился в саду, из пистолета, принадлежавшего зятю. На его письменном столе были обнаружены два письма — одно жене и детям, другое — подчинённым.

— Он боялся, что среди журналистов и матросов найдутся такие, кто не поверит его версии, — прокомментировал случившееся один из коллег адмирала. — Он не хотел компрометировать флот, которым командовал, ибо знал, как опасны слухи.

Спустя сутки после кончины Бурды в его защиту выступили адмирал в отставке Зомвейт и капитан Джоб. По их словам, в отношении награды "ВИ" возможны были недоразумения. Одни командиры в те дни награждали своих подчинённых "письменно", другие — "устно", в зависимости от отношения начальства к бумажной волоките. В данном случае составом "преступления" явилось отсутствие каких-либо документов.

О "деле адмирала" впервые заговорили год назад. Так называемое "агентство новостей", стоящее, якобы, на страже интересов национальной безопасности, запросило у Пентагона информацию о представителях высшего звена комсостава. Напав на "след" адмирала, следователи уже не могли успокоиться. Их пыла не охладило и то, что Джереми Бурда, во избежание кривотолков, перестал носить те награды, которые и стали "камнем преткновения". Агентство же позаботилось о том, чтобы компромат, связанный с именем Бурды, попал в руки журналистов.

56-летний адмирал был одним из самых ярких представителей американской военной элиты, но, в отличие от многих, он составлял исключение в том смысле, что в одиночку прошёл весь путь от рядового матроса до командующего флотом и столь стремительному выдвижению обязан был исключительно своим способностям и качествам.

Два года назад Джереми Майк Бурда получил новое самое престижное и ответственное назначение, ставшее для него последним. В то время американский флот переживал не лучшие времена. В газетах было полным-полно статей о падении нравов в среде морских офицеров, о сексуальных домогательствах женщин — явлении, получившем широкое распространение...

Вскоре после назначения нового командующего о кризисе в американском флоте говорить перестали. Рядовые матросы видели в адмирале человека,

способного понять их проблемы. Коллеги ценили его профессиональный опыт. Президент Клинтон не раз отмечал высокую квалификацию адмирала и его... чувство юмора.

У Бурды было много планов. Успешно справившись с проблемой сокращения бюджета, он вынашивал замысел строительства гигантского авианосца, которому предстояло играть роль передвижной военной базы. Первый такой авианосец должен был появиться в 2000 году.

Впервые в истории американского флота на должность командующего был назначен еврей.

Адмирал не раз бывал в Израиле. В последний его приезд в нашу страну — в январе 1996 года — Бурду сопровождал военный атташе Израиля в Вашингтоне генерал Йорам Яир.

— Адмирал посетовал на то, что никогда не бывал в Иерусалиме, хотя посещал Израиль неоднократно, — говорит генерал Яир. — Я решил помочь ему наверстать упущенное. На военном самолёте мы покружили над Старым и новым городом. Увидев Стену Плача, адмирал прослезился.

— Несколько недель назад умер мой отец. Он мечтал побывать в Иерусалиме, но ему так и не довелось... Теперь я делаю это не только для себя, но и в память о нём...

Скорбная весть о самоубийстве адмирала повергла в шок как рядовых американцев, так и государственных деятелей. По мнению большинства, расследование журнала "Ньюсуик" сыграло свою роковую роль, даже если предположить, что у Бурды были другие причины, побудившие его уйти из жизни.

По специальному распоряжению министра обороны США Уильяма Перри на прошлой неделе состоялся воздушный парад, посвящённый памяти "короля матросов".

Президент Клинтон узнал о случившемся на встрече с бизнесменами... Он был растерян и потрясён. В некрологе президент отметил огромный вклад адмирала Бурды в развитие американского флота и выразил глубокое соболезнование членам семьи покойного.

19 мая на воинском кладбище в Арлингтоне состоялись похороны адмирала Джереми Майка Бурды.

По материалам
израильской печати
"Новости недели". 20 мая 1996

Сергей АРУТЮНЯН

"Я НАПОЛОВИНУ АРМЯНИН, МОЙ ФЮРЕР"

история одной забытой фотографии

В середине пятидесятых годов я работал в одном северном итальянском городке на постоянной советской выставке. Чуть поодаль от неё располагался огромный американский павильон, с сотрудниками которого время от времени приходилось контактировать, несмотря на строжайшее наблюдение соответствующих органов. На почве взаимовыручки (позаимствовать инструмент, подключиться к их сети во время неполадок etc.) я сдружился с парнем по фамилии Грей. Звали его Уильям, но, как и полагается американцам, представился он просто — "Билл".

Как-то я отправился на павильонском пикапе в Триест за приборным оборудованием, пересланным из Москвы через Румынию. Шофёром у меня был "вечный" работник нашей выставки — "транспортник Васин", постоянно сокращавший число своих трезвых, если можно так выразиться, человеко-часов. На перроне я встретил Билла, "обрадовавшего" меня новостью: "Накануне сильный ливень размыл несколько сот метров полотна под Триестом, и поезда с севера опоздают не меньше, чем на три-четыре часа". И так же невозмутимо представил стоявшего рядом рыжеватого паренька лет двадцати — "Шилдс Ваган". Третья буква его имени была произнесена с той "армянской" гортанной глуховатостью, что я почти уверился в его со мной единокровности. Непонятна была лишь фамилия — "Шилдс".

— Видите ли, — немного смущаясь, развеял он мои сомнения, — мой отец — армянского происхождения, и я крещён в армянской церкви в Провиденсе...

— Ду хосум эс айерен? — спросил я Вагана к крайнему удивлению Билла, привыкшего к тому, что в СССР живут одни русские.

— Кич мэ... — с дикцией, но неуверенно сразил он в свою очередь нашего общего американского приятеля.

"О чём это вы с ним говорите?" — ошарашено спросил он меня. Я похлопал по плечу Вагана и ответил Биллу: "Нашёл себе брата!" — не вдаваясь в подробности, что братья бывают не только единокровные, молочные и сводные. Практическая американская логика остального включить в свою систему не могла.

Получасом спустя я с "братом" и Биллом в его машине отправился к племяннице Вагана по отцовской линии — Такуи. Риск был довольно большим: отсутствие в течение целых трёх-четырёх часов с двумя гражданами США могло бро-

сить тень, а то и вовсе стать затмением "восходящему солнцу" моей служебной карьеры. Да и "транспортнику Васину" надо было как-то объяснить отъезд.

— Наверняка в злачное место! — сам подсказал выход Николай, и не оставалось ничего другого, как заговорщически подмигнуть и выдать ему двадцать пять тысяч лир (что-то около сорока рублей тех дней) на поддержание его реноме "стойкого борца за нетрезвый образ жизни".

— Только знай, — продолжал он напутствовать меня, — в городе всего два публичных дома с патентом на стерильность: один — на Бонелли, 4 — принадлежит мадам Шульц, а другой бордель — на Маркет-платц, но он дорогой, учти это...

— Да-да, конечно, учту, — быстро согласился я, оставляя его в полной уверенности, что, как и подобает экономному советскому человеку за границей, мы поедем к мадам Шульц.

Племянница Вагана — тикин Такуи, типичная армянка с красивыми распущенными волосами, — встретила нас более чем радушно. В меня она долго всматривалась, и с присущей женщине-армянке откровенностью произнесла по-армянски: "Я уверена, что вы армянин!" Рядом стоял её муж Перч — хорошо сложенный мужчина лет сорока. Было от чего прийти в удивление: в таком европейском неармянском регионе, как Северная Италия, за столом в одной комнате сидели сразу три армянина — Ваган, Такуи, Перч. А впрочем, был ещё и четвёртый — Сонгот, и пятый — автор этих строк. Сонгот, как и Ваган, был двоюродным братом Такуи и приехал к ней погостить из югославской Македонии. "Сонгот" — это был немецкий эквивалент его настоящего имени "Аствацатур" ("Богоданный" — а чем это не немецкое "Сонгот" — "Сын Бога").

— По какому случаю этот армянский сбор?! — бесцеремонно спросил Билл.

— Вчера было моё 30-летие, — как бы в оправдание ответила Такуи и продолжила, — мне очень хотелось, чтобы в этот день приехали братья — Ваган опоздал, но зато прибыл не один.

Неудовлетворённый и уже успевший поскучнеть Билл, сославшись на дела в городе, уехал, а мы перешли в гостиную, где воцарилось непривычное для этой семьи молчание. Между нами, мной и Ваганом — "англичанами" по языку, и Перчем и Сонготом — "немцами" — не было связующего мостика — Такуи, отправившейся готовить кофе. А мне, кроме этого бодрящего напитка, приготовила "лакомство" — рассказ о себе и братьях.

— Я, Ваган и Сонгот — родственники второго колена рода Ваганянов из Харпута. Дед наш, Сероб, держал крупнейший в этом городе магазин мануфактуры. Самая старшая из его дочерей — Макруи, Србуи и Такуи — мать Сонгота. Был у него и сын Вишт, названный так в знак печали о гибели при его родах нашей бабушки Анаит. Макруи, окончив в 1911 году Харпутский миссионерский колледж и став одним из первых в Турции дипломированных социологов-экономистов, через год стала женой Драго Шекербеговича, судейского сына на Скопье, отца Сонгота, происходящего из рода венгерских армян Алмаши, давних деловых партнёров Ваганянов. Страшную весть о погромах они узнали осенью пятнадцатого года, имея на руках четырёхлетнего Сонгота-Аствацатура и годовалую Анаит. Усилиями отца Драго через немецкое посольство в Стамбуле удалось вызволить только Србуи, мою мать, — одну-единственную в те дни тринадцатилетнюю девочку из всего рода Ваганянов. Србуи спрятали курды, у которых немцы её выкупили; после этого она целый год была невменяема. До 21-го года она жила с сестрой в Скопье, год спустя с мужем Вензелосом Раденмахером, сыном гречанки — хозяйки ювелирного магазина, — и австрийца — отставного офицера кайзеровской армии, отправилась в Вену. Два года спустя родилась я, носящая имя тёти, и бабушка открыла для моих родителей ювелирный магазин, действующий и поныне. Тогда же, в 1924-м году, нашёлся брат моей матери, Вишт — в Канаде, куда он был переправлен через сборочный пункт в Корди из песков Месопотамии миссионерами, но не согласился к нам вернуться. Обзавёлся семьёй, Ваган — его второй сын. Жаль только, что он так жестоко обошёлся с нашей армянской фамилией: вместо "Ваганян" какая-то непонятная — "Шилдс"!

Тут вместо Вагана почему-то оживился Сонгот. "Битте, Такуи..." — увлечённо прервал он сестру и долго тараторил, что она перевела очень коротко: "Я ношу эту фамилию "Ваганян" не в качестве дани моде — она для меня такая же основная, как и первая, отцовская, и я заслужил право на её ношение всей своей жизнью..."

— Он прав, — подтвердила Такуи, — никогда, даже в мусульманском окружении в Македонии, не скрывал Сонгот своё армянское происхождение и фамилию, и это зачастую вызывало раздражение..., но в основном друзья-мусульмане понимали его боль — так было и в военной академии, и в югославской армии. В тридцать лет он — командир полка, а идти в горы его пригласил, между прочим, сам Иосип Броз Тито.

При упоминании этой фамилии Сонгот посмотрел на меня, чтобы узнать, какое впечатление она произвела, затем перевёл взгляд на сестру и затара-

торил вновь. По лицу хозяйки я понял, что говорит он о чём-то необычайно интересном.

— Он чуть не забыл, — перевела Такуи, — что именно два армянина — Арам Озганян с Златко Пештмалджи — решили использовать для армии Тито опыт защиты армян из "Сорока дней Муса-дага" в ведении партизанской борьбы в горах. Они вышли на Тито с этим предложением, ему оно понравилось, и они смогли вынести из находящейся под надзором полиции сараевской квартиры Озганяна эту книгу Верфеля на немецком языке, организовать её перевод на сербско-хорватский и размножить фрагменты, касающиеся круговой обороны лагеря Багратяна. Будущий маршал и прочие военачальники югославской армии очень высоко оценили сделанное ими.

Ваган, ввернув в создавшуюся паузу "сорри", ушёл, и Такуи, без моей к тому просьбы, начала рассказывать об отце.

— Отец мой был крайне равнодушен к семье и провёл с моей матерью первые годы. В тридцатых увлёкся национал-социалистической демагогией и одним из первых вступил в ряды этой партии в Австрии. Затем стал преподавателем Академии Генштаба вермахта, дослужившись до группенфюрера. В сороковых годах пришло горькое разочарование в некогда обожаемом Гитлере и, как сила ненависти тем больше, чем была пламеннее любовь, — кинулся в другую крайность, в лагерь заговорщиков, готовивших в 44-ом убийство вождя. После провала отец был арестован и расстрелян, ему тогда было всего сорок шесть лет. Мать его, моя бабушка, узнав об этом, в одночасье скончалась от инфаркта.

Через отца я узнала моего мужа Перча. Был конец 43-го года, намечался новогодний бал в рейхстаге. Отец пригласил меня по телефону, пообещав послать за мной свой новый "Опель". Мать не стала отговаривать, наоборот — сказала, чтобы я надела новое выходное платье и ехала. Мне тогда было всего двадцать лет...

Наступила тишина: рассказчица погрузилась в приятные воспоминания, покачивая головой в такт вполголоса напеваемой мелодии, под которую она, наверное, вальсировала на балу. Мне было жаль выводить её из этого ностальгического забытья, и за эту неоправданную жалость пришлось поплатиться. На протяжении всего вечера молчавший хозяин вдруг заговорил, попросив супругу перевести.

— Знает ли наш гость о скрипаче Давите Давитяне, кем он был для искусства?.. Это был мой отец!.. — Перч прошёл в кабинет и вернулся с папкой, долго перебирал ворох недавних и уже начинающих желтеть фотографий и вытащил кар-

точку со скрипачом в бабочке. От своих московских друзей я знал об этом талантливом скрипаче из Германии, гастролировавшем во второй половине 10-х годов этого века и погибшем во Франции в начале 20-х.

— Да... он умер в 1921 году, не погиб, а умер от инфаркта. При нём была скрипка Страдивари, загадочно исчезнувшая после его смерти.

Перч шарил в фотографиях, словно тасуя колоду, желая показать отца более крупным планом, и вдруг в стопке мелькнуло фото с Гитлером. Да!.. Сам фюрер на снимке 12x24 пожимает руку молодому офицеру, другой рукой держа Железный Крест. Я машинально выхватил эту фотографию из альбома — хозяин резко посмотрел мне в глаза. На снимке рядом с вождём стоял Геринг с группой офицеров авиации. Перч всё так же проницательно смотрел мне в глаза.

— Не страшно сейчас держать дома фотографию с фюрером?

Перч понял мой вопрос без перевода и впервые, отвечая, обошёлся без помощи жены. Он ткнул пальцем на молодого офицера.

— Айд ес, ес ч'гитенал вах!..

Перч снисходительно усмехнулся моему предшоковому состоянию, скороговоркой сказал что-то жене и перевернул карточку.

— Это момент вручения второго Железного Креста Перчу Зудерману-Давитяну Адольфом Гитлером, собственноручно, в ознаменование особого события в люфтваффе рейха — уничтожения 600-го самолёта кавалером одного Железного Креста майором Перчем Зудерманом-Давитяном 19 ноября 1944 года... — прочла Такуи надпись, акцентируя фамилию мужа и произнося букву "т" глухо, с придыханием.

— Шестьсот или шестьдесят , — едва смог я переспросить. Адресат уяснил мой вопрос без посредничества, выведя моей ручкой "Паркер" на обороте папки цифру "613"*.

— Эти добавочные тринадцать, — переводила Такуи его объяснение, — были самыми тяжёлыми за все годы. Советы воевали в воздухе в последний год войны уже достаточно грамотно... Чтобы сбить эти "пост-крестовые" самолёты, я заменил три машины, и это стоило жизни двум ведомым, а всего их погибло за восемь лет войны сорок три...

— А машин сколько заменили?

---

* Для сравнения: трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб сбил 62 самолёта, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин — 59 самолётов, дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян сбил 13 самолётов и потопил свыше 50 кораблей и судов противника. С другой стороны: ас люфтваффе Эрих Хартман только за один день 24 августа 1944 г. сбил 11 советских самолётов. — *Ред.*

— Семьдесят восемь.

— Случалось ли по ошибке сбивать своих?

— Конечно, хотя и — к сожалению! Меня убедили в том, что я уничтожил шестнадцать единиц собственной боевой техники. Последнюю сбил во время кошмарных боёв под Курском, где за эти три дня я сделал около пятидесяти вылетов — садился, чтобы заправиться и заменить гашетки пулемётов, не каждый раз успев даже сбегать в туалет. Бутерброды с кофе я ел прямо за штурвалом, пока подлетал к месту боевых операций.

— Сколько на счету боевых вылетов?

— Точно не помню, газеты вели точный подсчёт — что-то вроде шести тысяч.

Да, этот немецкий стервятник унёс жизни шестисот тринадцати советских, английских, французских, американских и польских парней да вдобавок стал причиной гибели свыше полусотни немецких лётчиков. Только на него одного авиазаводы работали два года! Об этом я подумал, когда Перч, совсем как Тухачевский-эстет вырезал скрипки во время перемирия, снова спросил меня об отце: что я знаю о нём и откуда можно почерпнуть информацию. Я назвал фамилии некоторых музыкантов, он, удовлетворясь этим, записал их и продолжил разговор рассказом о своём происхождении.

— Тётя рассказывала, что они жили в очень большом турецком городе, если не самом большом. Наш дед Перч Давитян-старший основал ювелирную мастерскую-магазин в Берлине ещё в прошлом веке. Сама моракуйр окончила университет в Лейпциге, стала филологом и гордилась тем, что работала с самим Марквардтом, впрочем, ей не пришлось долго работать по специальности. Она вышла замуж и оставила работу; детей у неё не было, и она всецело посвятила себя моему воспитанию.

Отец мой, окончив консерваторию, очень быстро завоевал своим талантом признание и славу и... сердце моей матери — Герды Зудерман, певицы Берлинской оперы. Родился я в 1912 году, а через год мои родители расстались, и я, как сын скрипача Давита Давитяна, остался под присмотром нанятой няни, пока через три года на своё попечение меня не взяла тётя. Отец навещал меня очень редко, так что, если бы не фотография, наверное, лица его я не помнил бы. Зато часто приезжали дедушка с бабушкой по материнской линии. Отец моей матери был эльзасским немцем — обувным фабрикантом, бабушка — француженкой, содержательницей небольшой гостиницы.

— Не помешало ли такое смешение кровей карьере "арийского" лётчика? — прервал я его.

— Нисколько! Я жил жизнью обыкновенного немецкого мальчика, потом — юноши, затем — офицера, и никому дела не было до второй половины моей фамилии. Мне хотелось не только её носить, но и унаследовать профессию её носителя, моего отца. Я играл на скрипке очень даже прилично, но потом, когда я совершил свой первый самостоятельный полёт в восемнадцать лет, то понял — быть мне лётчиком! Хотя со скрипкой я не расставался никогда.

В день выпуска нашего потока в Академии был устроен традиционный вечер и концерт художественной самодеятельности с правом одного единственного номера для желающих выступить. Я исполнил на скрипке "Крунк" Комитаса под вокальный аккомпанемент моракуйр Перчуи. Успех номера был неописуем и прямотаки фантастичен. Меня долго просили сыграть на "бис", и я нарушил строгую традицию Военной академии вермахта. После номера за сцену ко мне пришёл дежурный офицер и пригласил в ложу к самому Адольфу Гитлеру! Он с ходу спросил меня: "Вы армянин?" "Наполовину, мой фюрер". Он хорошо был знаком с музыкой Комитаса и вообще с армянской тематикой. Фюрер беседовал со мной целых двадцать минут!.. В 1944 году, когда я получал из рук Гитлера второй Крест, он вспомнил меня и спросил" "Играете ли вы ещё Комитаса?" — добавив, что, наверное, "страшно было за это время". Он был прав: девять лет я не брал скрипку в руки.

— Вы знали что-нибудь об армянских лётчиках из других стран?

— Знал и слыхал о них, но очень поверхностно! Ну, Нельсон Степанян, имевший "дурную" славу на севере Восточной кампании. Он наводил ужас, в особенности на флоте. Его сбили истребители "особого" отряда, к каким относился и я. Обычным охотникам он был не по зубам. Из американцев — Макагян, Марсубян и, пожалуй, всё. Советских армян было больше, но их фамилий, к сожалению, не помню. Знал конструктора МИГ-3 и МИГ-5, брата большевистского лидера, очень крупного государственного деятеля.

Был такой эпизод. В декабре 1942-го года в зоне между Москвой и Ленинградом мы налетели на "стаю" русских ИЛов. Они, потеряв шесть машин, бросились врассыпную. Только один самолёт стойко пошёл... на меня. После потери ведомого, сбитого им, моё положение стало критическим. Слышу в наушниках: "Обер-лейтенант, разрешите прикончить, я справа, 17-ый..." Я наотрез отказался, мол, справлюсь сам. Целых шесть минут я "возился" с ним и всё-таки поджёг его мотор. Очередь прошла через кабину и, видимо, раздробила плечо этого храбреца. Жаль, но он собрался с силами и выбросился с парашютом. Мне очень хотелось

увидеть лицо этого по-настоящему отважного пилота, который, как мешок, повис на стропах парашюта... С головы слетела пилотка и из-под неё воздушным потоком обнажились чёрные, как смоль, волосы. И знаете? Я увидел молодое, открытое армянское лицо. Я, конечно, мог нажать на гашетку, следуя инструкции, но не пошёл на это. Я всё кружился вокруг него, не давая коллегам впасть в соблазн добить его, — пока он не приземлился. Мне очень хотелось, чтобы он остался жить, и ещё больше — узнать, кто он был.

— О пилотах вы говорите обстоятельно, а что для вас машина — она была для вас второстепенна?

— С машиной мне повезло, это факт! Профессиональным пилотом я стал в 1935 году, а за год до этого гениальный конструктор и не менее выдающийся предприниматель Вилли Мессершмидт подарил люфтваффе свою лучшую машину — истребитель МЕ-109. Я как будто был рождён для этой машины. В ней было всё гармонично, равнопрочно и расчётливо: скорость, высотный потолок, маневренность, удобная кабина. Целых десять лет эта кабина была моим родным местом "работы". В ней было холодно летом, во время жаркого боя, и — душно зимой после досадного промаха. Я поливал её стенки собственной кровью и непроизвольно — мочой, от чудовищного перенапряжения. Плакал от ужасной боли при ранении и смеялся, радуясь очередному сбитому самолёту... Я сажал свой "мессер" после боя буквально с пустым бензобаком, на одном колесе шасси — после тарана колёсами кабины самолёта противника (моя излюбленнейшая форма тарана), полностью опустошив свой боезапас, без хвостового оперения, одной лопасти винта, а то и вовсе без него, — как планер, используя инерцию направления ветра... как? — по одному только разумению Бога. Кувыркался раз пять на взлётно-посадочной полосе — оставался живым; кругом друзья из звена плачут, а я вылезаю из-под своего "мессера" и — смеюсь!

— Что скажете о машинах противника?

— Я не думаю, что ЯК-3 или ИЛ-2 — основные визави МЕ-109 — по своим конструктивным и лётным характеристикам были хуже, просто методика подготовки их пилотов и в особенности практика их выброса "пачками" в воздушный бой со сбалансированной по всем показателям немецкой авиацией приводила к фантастическим потерям русских. У нас в части за время боёв в Восточной кампании семь пилотов, включая меня, суммарно сбили около пяти тысяч самолётов!! Из них девяносто пять процентов — советских! Я по количеству сбитых самолётов не первый и не десятый, а всего-навсего — двадцать третий! Это значит, что двадцать два лётчика сбили больше, чем шестьсот тринадцать самолётов. Правда, к концу войны потери более-менее выровнялись, мы научили Советы воевать в воздухе не только количеством, но и мозгами.

Перч зевнул в кресле, бросил взгляд на стенные часы — было далеко за полночь, — и, потянувшись, поднялся с кресла.

— Если хотите, я оставлю в отведённой вам комнате несколько газет тридцатых-сороковых годов с иллюстрациями моих деяний в авиационной войне рейха.

Он вернулся с кипой газет — номерами "Нойе Люфтваффе" со статьями о "Вундер Ягдфлюгдзенге" Перче Зудермане-Давитяне. Я углублённо взялся за просмотр, Такуи же собиралась уходить, но муж задержал её и в последний раз за этот вечер попросил перевести.

— Учтите, я всем журналистам говорил, что моя фамилия состоит ровно из двух частей, и ни одна из них не второстепенная, тем более — не лишняя. Я предупреждал, что в случае нарушения моего желания, я откажусь от интервью вообще!

И, сказав "Гуте нахт", скрылся в спальне.

Утром, ровно в семь, как и обещал, заехал Билл. На станцию поехали с нами Сонгот и Перч. Билл без остановки тараторил о своих ночных похождениях, мы молча прикидывались внимательными слушателями.

Первым из поездов прибыл "Восточный" экспресс из Турции. Пошли провожать Сонгота. Напоследок он пригласил меня к своим родственникам в Триесте. Для этого ему пришлось мобилизовать все свои скудные знания английского языка. Сонгот уехал. Взял такси Перч.

— Скоро чемпионат мира по футболу в Берне, приезжайте, поедем на машине болеть за хорошую игру, — сказал он по-английски, стоически повторяя титанические усилия Сонгота, и исчез в машине.

Мы с Биллом достучались до немного протрезвевшего "транспортника Васина", потратившего выданные мною деньги с толком: в машине валялись бутылки из-под "Амаретто". Продрав глаза, он добродушно поинтересовался: "Товарищ лейтенант, где вы провели ночь — у мадам Шульц на Бонелли, 4?" "Нет, в заведении на Маркет-платц". "Я так и знал, — философски заключил "борец за нетрезвость", — что у вас, кавказцев, денег куры не клюют".

Мы втроём двинулись на перрон. Я всё думал о том, как бы записать услышанное мною на армянском языке и отослать письмом с почтой в Москву. Ну ладно, решил я, напишу в несколько приёмов, дома не разберутся, но всё равно не выбросят, и тут же я почувствовал, как это хорошо, когда твоя жена не умеет читать по-армянски.

"Урарту" (Ереван), 1995, № 51-52

Таль БЕШЕН

ЕВРЕЙ, БЛИЖЕ ВСЕХ ПОДОБРАВШИЙСЯ К БОГУ

Представьте себе такую картину: еврейский астронавт сидит в космическом корабле "Колумбия", облачённый в шорты (оказывается они именно так одеваются на борту космического корабля), держит в руках Тору и торжественным тоном на фоне звёзд зачитывает своим товарищам следующую цитату: "В начале сотворил Бог небо и землю..."

Если Бог действительно обитает там, в вышине, ему наверняка было бы приятно услышать священные слова с такого близкого расстояния. Но если даже его там нет, это всё-таки, перефразируя Армстронга, "маленький шаг для человечества, огромный шаг для еврейства". А другими словами — будьте покойны, космос уже тоже в наших руках.

Долгое время планировал 51-летний еврей Джефри Гофман, астроном и астронавт с 18-летним стажем (5 полётов в космос, 50 часов на борту космического корабля), акцию подъёма Торы в космос. Перед своим последним полётом в марте этого года он отыскал "кошерный" томик Торы карманного формата и продумал, какие главы зачитать в космосе. "Это задумывалось не как курьёз, — пояснил он. — Для меня это был символический акт. Астронавты — это люди, а люди, куда бы они ни попадали, несут с собой свою культуру. Я принёс в космос свой святой документ. Я уверен, что в будущем люди будут жить в космосе. Даже на Юпитере. А так как я хочу, чтобы и через сто лет евреи на Юпитере сохранили свою веру и традиции, то и делаю для этого то, что в моих силах. Каждый раз, летая в космос, я беру с собой святые для евреев предметы: мезузу, семисвечник, талит".

Несмотря на всё вышесказанное, трудно представить себе большего реалиста, чем Гофман. Он выпускник Гарвардского университета, доктор астрономии, владеет четырьмя языками. Женат на английской еврейке, у него двое взрослых детей. Увлекается спортом, особенно плаванием. И в то же время в Хьюстоне, где он живёт, Гофман регулярно посещает синагогу.

"Времена меняются, — говорит он, — раньше астронавтов набирали только среди лётчиков. Сегодня в этой сфере существует разделение. Пилоты управляют космическим кораблём, на борту которого находятся учёные, специалисты разных отраслей науки, занимающиеся своим непосредственным делом и не имеющие ничего общего со сложившимся стереотипом астронавта". Гофман не верит в астрологию ("Мне трудно понять, как Юпитер, находящийся так далеко от нас, влияет на меня лично"), не верит в пришельцев из иных миров и даже к весьма распространённому представлению, что Бог находится "там", в вышине, он относится с известной долей учёного скептицизма.

Гофман, по всей вероятности, — отличный учёный (хотя мама его надеялась, что он станет адвокатом). Ведь из сотен астронавтов, которые вертятся в

Хьюстоне, именно Гофмана выбирали для участия в пяти космических научных экспедициях за последние десять лет. Только два месяца назад он вернулся из своего последнего полёта, который, кстати, завершился серьёзной неудачей. Это была попытка соединить кабелем космический корабль со спутником. Но кабель длиною в 20 км оборвался, и спутник, на который было потрачено пять лет работы и десятки миллионов долларов, так и остался бесполезно болтаться в космосе. "Произошло короткое замыкание, и кабель расплавился, — объясняет он. — Это досадно, это удручает, но в нашей работе бывает и такое".

Вместе с тем Гофман считает, что ошибок в его отрасли допускать нельзя. Он, как и все остальные астронавты, был свидетелем катастрофы космического корабля "Челленджер". "Ведь к катастрофе привела неисправность одной из тысяч деталей: клапан у пылающего сопла не выдержал нагрузки".

— Для вас лично это было тяжёлой травмой?

— Конечно. Ведь жизнь астронавтов находится в руках тысяч людей, которые обеспечивают его безопасность. И во время полёта ничего другого не остаётся, как только надеяться на то, что они добросовестно выполнили свою работу.

На его визитной карточке с эмблемой НАСА лаконичная надпись: "Д-р Гофман. Астронавт". На обратной стороне визитки чудесная фотография, сделанная в декабре 1993 года: Гофман в скафандре в открытом космосе на фоне Земного шара возится с гигантским телескопом, который посылает на землю прекрасные снимки Марса, Юпитера и других планет.

— Что вы чувствовали там, в открытом космосе?

"Это действительно потрясающее ощущение. У нас на космических кораблях большие иллюминаторы, но нельзя сравнить плавание на прогулочном корабле со стеклянным дном и подводное путешествие с аквалангом.

— А не страшно там, снаружи, одному?

— Нет. Тот же самый скафандр, как и на тренировках на земле в условиях вакуума, вот только фон другой. Благодаря тренировкам, я чувствовал себя очень уверенно. Единственное, чего я боялся, так это того, что кто-нибудь там, внизу, передумает и отменит мой выход в открытый космос.

Когда Гофман был маленьким мальчиком из Бруклина, мечтавшим о космосе, астронавтов ещё не было и в помине. Свою тягу к космосу он обратил на изучение астрономии. Первые шаги человека по поверхности Луны он, как и все его однокурсники, увидел по телевизору. "Но, в отличие от них, я не удивился этому. Как будто всегда знал, что это должно произойти", — говорит Гофман.

В 1978 году, когда НАСА впервые объявила о наборе астронавтов, он подал заявление и был принят ещё с 35 кандидатами (из 8000). Семь лет до 1985 года провёл в ожидании своего первого полёта. Всё это время русские, соперники в "холодной войне", окружали свои запуски космических кораблей и спутников завесой секретности. "Сегодня русские космонавты работают с нами в тесном сотрудничестве, приезжают к нам тренироваться, и это поразительно, — улыбается он. — Иногда мне кажется, что, если бы мой дедушка не эмигрировал из Латвии в Америку, я бы мог попасть сейчас в Хьюстон в качестве русского космонавта".

Но в одном нет сомнения: Гофман горд свой принадлежностью к еврейскому народу. Его брат изучал в Израиле медицину, сын проводит в Израиле школьные каникулы, а сам Гофман, приезжая сюда, привозит какой-нибудь сувенир из космоса в дар местным музеям. На прошлой неделе он приехал сюда в составе делегации еврейского благотворительного фонда на празднование 3000-летия Иерусалима.

Гофман говорит, что, когда космический корабль пролетает над Израилем, он всегда с любопытством смотрит вниз, пытаясь отыскать знакомые места. "Кстати, существует расхожая фраза, будто сверху наш мир выглядит, как мир без границ, — замечает он. — Это наблюдение очень поэтично, но абсолютно неверно. Из космоса границы между государствами можно определить с большой лёгкостью. А одной из самых легко определяемых границ является граница между Израилем и Египтом. Там, где кончается зелёный цвет и начинается коричневый, там и есть граница".

Так же, по его словам, можно определить границы между Мексикой и Гватемалой или Анголой и Намибией.

Опровергает он и представление о том, что единственное творение рук человеческих, видимое из космоса, — это Великая Китайская стена. "Сверху видно очень много свидетельств человеческой деятельности: города, дороги, — говорит он. — А вооружённым глазом можно даже увидеть движущиеся предметы, такие, например, как колонны автомашин".

Что видно ещё? "Вред, наносимый человеком, — с горечью отвечает Гофман. — Загрязнённый воздух, исчезающие леса. Дым над Бразилией, где сжигают деревья. Или взять, к примеру, Мадагаскар, когда-то полностью покрытый лесом. Сейчас это голая земля. Реки, текущие там, имеют красный оттенок из-за эрозии почвы.

Оттуда, сверху видно, насколько мы уязвимы. Эта голубая оболочка, которую мы называем небом, из космоса кажется ничтожной. Она настолько тонка, что её с трудом можно различить. А с другой стороны, ощущаешь, какое же чудо эта наша Земля во враждебной нам Вселенной, и понимаешь, как важно беречь её".

— Так что, по-вашему, на других планетах жизни нет?

— С точки зрения науки, возможно, и есть, так как химический состав галактики однороден, а есть ещё 50 миллиардов галактик с планетарными системами и условиями, подходящими для возникновения жизни. Но учёных больше всего волнует вопрос о разумных существах. Ведь разум на Земле существует относительно недавно. Какую эволюционную функцию он в себе несёт? Сохранится ли он?

Не нужно быть дипломированным психологом, чтобы понять, что рассмотрение жизни на Земном шаре с такого ракурса отражается на психике. Поговаривают, что среди астронавтов очень высок процент разводов, что многие из них кидаются в мистику или в поэзию. "Насчёт разводов — это миф, — утверждает Гофман, который долгие годы состоит в счастливом браке. — В сущности, процент разводов среди астрономов такой же, как и среди остального населения, — около 35 %. Просто об астрономах в этой связи больше говорят. Ну а что касается поэзии

или искусства, то увлечение ими для астронома вполне естественно. Хочется приобщить людей к тому, что видишь и чувствуешь. Я, например, пытаюсь сделать это посредством фотографии. Если бы мне было дано, я бы рисовал или писал. А вообще, надо уметь отделять работу от личной жизни. Не тащить с собой работу домой".

— А что значит в вашем понимании "Тащить с собой работу домой"? Возвращаться домой в скафандре?

— Видите ли, ко мне как к астронавту люди, конечно, относятся по-особому. Нужно прилагать усилия, чтобы это не отражалось на личных отношениях. Я стараюсь, насколько это возможно, жить нормальной жизнью. На моих детей моя профессия не производит никакого впечатления, ну а жена и вовсе ею недовольна. Она выходила замуж за учёного-астронома, а все эти полёты в космос и опасности ей совершенно не по душе. Она никогда не присутствует на старте моих космических кораблей. Боится.

Полёт в космос в марте этого года был, по всей вероятности, последним в карьере Гофмана. Никто ему ничего об этом не говорил, есть в НАСА астронавты и постарше его (хотя их и немного), но он сам чувствует, что пришло время уходить. Возможно, он займётся исследовательской работой. Или вернётся к чистой науке.

"А в общем, мне очень повезло с моей космической карьерой, — говорит он. — Я участвовал в интереснейших полётах, набрал очень много лётных космических часов. Единственное, чего у меня не было, так это полугодового пребывания на космической станции. Но такое бывает только на русских станциях, а туда я залезть не могу: они спроектированы под рост не более 180 см, а я выше". (Рост Гофмана — 187 см.)

— О чём вы будете больше всего тосковать, навсегда расставшись с космосом?

— Пожалуй, о чувстве невесомости. Это непередаваемое наслаждение — закрыть глаза и парить. Поэтому в момент посадки, когда тело вновь приобретает тяжесть, всегда становится немного грустно.

И всё же Гофман, человек уравновешенный, не намерен тосковать. "До того, как стать астронавтом, я увлекался альпинизмом, — говорит он. — Это очень похоже: ты стоишь на вершине, смотришь вниз на расстилающиеся внизу красоты и знаешь, что не можешь оставаться там вечно. Наступает момент, когда нужно спускаться".

"Новости недели", 23 мая 1996

Майк РЕЗНИК

БОГ И МИСТЕР СЛАТТЕРМАН

рассказ

Бог решает, что Ему пора вмешаться, и Он говорит: "В последний раз смеялся ты над именем Моим!"

А мистер Слаттерман, он словно и не замечает, что стол, за которым бросают кости, исчез вместе со стоящими вокруг людьми, смотрит Богу в глаза и отвечает: "Я не упоминал твоего имени всуе, особенно, если ты тот, за кого я тебя принимаю, а потом, если тебя не затруднит свериться со стенограммой, то сказал я вот что: "Ребёнку нужна новая пара обуви".

И грозно смотрит на него Бог, и голос Его подобен грому.

— Как смеешь ты говорить со Мной в подобном тоне!

Мистер Слаттерман, прищурившись, очень уж ярок свет, исходящий от Всевышнего, не лезет за словом в карман.

— А нечего обвинять людей в том, что они не делали. И вообще, не верю я в тебя.

— Вера твоя значения не имеет, — у Бога складывается ощущение, что доводам Его недостаёт убедительности. — Ты не чтил установленный Мною священный день отдохновения и нарушал Мои законы, которые Я передал Моисею. Ты бельмо у Меня на глазу!

— Секундочку, секундочку! — взвивается мистер Слаттерман. — Барменам тоже надо как-то жить, не правда ли? Если бы не твоё желание обречь всех на адские муки, а иначе чем объяснить всё то, что вытворяет налоговая инспекция, тогда я бы не пахал по субботам, как проклятый, и мог бы даже поиграть в гольф.

Монолог этот выводит Бога из Себя, Ему уже не надо притворяться, что Он сердится, а потому Он возглашает:

— Да как язык твой...

— Не хотелось прерывать... — вклинивается мистер Слаттерман, которому всё-таки несколько не по себе, — но нельзя ли не столь высокопарно?

Бог, Он смотрит на Слаттермана, устало вздыхает, заставляет Себя упокоиться, прежде чем продолжить.

— Бернард Слаттерман, — проникновенно так, словно священник на воскресной мессе, — жизнь твоя прошла в погоне за земными удовольствиями и твоей бессмертной душе грозит серьёзная опасность. По всему выходит, что ждут её вечные муки.

— Так-то лучше, — уверенности у мистера Слаттермана заметно прибавилось. — Учитывая, кто ты есть и всё такое, можешь звать меня Берни.

— Ты понимаешь, что Я тебе говорю? — грохочет Бог.

— Мне представляется, что разговор беспредметен, если я уже умер, — отвечает мистер Слаттерман. — А раз мы затронули эту тему, должен отметить, что ты поступил жестоко и бесчувственно, призвав меня к себе в такой момент.

— Ты не умер.

Мистер Слаттерман с трудом удерживает готовое сорваться с языка ругательство и ограничивается суровым взглядом.

— Уж не хочешь ли ты сказать, стоя передо мной и сияя, как медный таз, что ты оторвал меня от игры потехи ради, когда на кону стояли три "штуки", и я наверняка выкинул бы шесть очков?

— Ты выкинул бы семь, — не без ехидства отвечает Бог.

— Четыре и три или пять и два? — желает знать Слаттерман.

— Шесть и один. — Бог чувствует, что теряет контроль над ситуацией.

— Я в это не верю, — говорит мистер Слаттерман.

— Я никогда не лгу, — Бог выпрямляется в Свой немалый рост.

— Да что же это получается! — вопит мистер Слаттерман. — Подложить такую свинью. И кому? Мне, отличному парню, который в жизни и мухи не обидел, да ещё создан по твоему образу и подобию.

И Бог, который уже ругает Себя за то, что не придал человеку большего сходства с рогатой жабой или коалой (тогда бы Он слышал этот упрёк гораздо реже), говорит: "Ты похож на Меня гораздо меньше, чем многие, да и не помню Я, что создавал тебя".

А мистер Слаттерман, он хищно вперивается в Бога.

— Ты уж, пожалуйста, с этим определись. Создавал ты меня или нет?

— Да, да, разумеется, создавал, — идёт Бог на попятную. — Я лишь сказал, что не помню, как это случилось.

— Я так и думал! — победно восклицает мистер Слаттерман. — Тебе пришлось встать очень рано, чтобы найти время для Берни Слаттермана, — он чешет затылок, а Бог молча смотрит на него, не зная, что и сказать. — Так на чём мы остановились? А, вспомнил. Почему ты выбрал меня? Почему этого предупреждения не слышат от тебя убийцы и двоеженцы, адвокаты и прочие дегенераты?

— Потому что им по определению суждено гореть в аду, а у твоей души ещё есть шанс на спасение.

Мистер Слаттерман скептически смотрит на Бога.

— Ты уверен, что вытащил меня не за тем, чтобы получить квалифицированный совет, какое вино следует покупать, а какое — нет?

— Ты здесь потому, что ты плоть от плоти Моей и твоя душа — частица Моей души, а ко всем Моим детям Я питаю безграничную любовь и сострадание, — Он выдерживает паузу, прежде чем признать. — Хотя иной раз никакого терпения не хватает.

Тут мистер Слаттерман смотрит на Бога с таким видом, будто он сморозил какую-то глупость, и отступает на пару шагов.

— Давай-ка не вспоминать о любви и сострадании, когда мы говорим о делах. — И многозначительно добавляет. — Особенно о любви.

— Как низки твои помыслы, — в голосе Бога слышится отвращение.

— Да ну? Я, между прочим, не соблазнял девственницу и у меня нет внебрачных детей, — он переходит на шёпот. — Как-нибудь ты должен рассказать мне, как ты это сделал. Видишь ли, в таверну каждую субботу приходит одна девушка, которая утверждает, что бережёт себя для первой брачной ночи и...

— Хватит! — кричит Бог, багровея и гадая, как это разговор о душе мистера Слаттермана привёл к обсуждению весьма деликатного происшествия, имевшего место много лет назад, когда Бог был помоложе и куда более порывистым.

Мистер Слаттерман пожимает плечами и ухмыляется с таким видом, будто иной реакции он и не ждал.

— Раз не хочешь, замнём. Но уж и ты не спрашивай меня, как смешивать коктейли. В конце концов, профессиональные секреты могут быть у каждого.

Бог приходит к выводу, что Он уже стар для подобных дискуссий, но решает предпринять последнюю попытку.

— Слушай Меня, Бернард Слаттерман. Твоя душа в опасности, но Я даю тебе шанс.

— Послушать тебя, так Небеса это какой-то ломбард, — заявляет мистер Слаттерман.

— Небеса — абсолютное совершенство, — сурово отвечает Бог. — Я их создал.

На лице мистера Слаттермана отражается сомнение.

— Одно не обязательно следует из другого. Ты ведь создал и Феникс, штат Аризона, не говоря уже о Чикаго.

— Нет в тебе веры, — бормочет Бог, чувствуя, аргумент этот слабоват, а разговор всё более выходит из-под Его контроля.

— Не будешь возражать, если я закурю? — Слаттерман достаёт из кармана пачку "Кэмела".

Бог рассеянно кивает и Слаттерман закуривает. Тут же спохватывается, предлагает сигарету Богу.

— Ни в коем разе! — отказывается Всевышний, и Слаттерман, пожав плечами, убирает пачку в карман.

— Значит, — продолжает он, решив, что Бог парень-то неплохой, только очень много работающий, — устроился ты неплохо, так?

— О чём ты? — удивляется Бог.

— О Небесах, — отвечает мистер Слаттерман. — Разве мы не о них говорим?

Бог решает, что проще отвечать на вопросы мистера Слаттермана, чем пытаться удержать разговор в определённом русле. Кроме того, Он не уверен, стоит ли душа мистера Слаттермана таких усилий.

— Рай великолепен.

— Места много?

— Больше, чем может вообразить себе человек, — с законной гордостью отвечает Бог.

— Да? И на скольких акрах ты выращиваешь зерновые?

Бог явно сбит с толку.

— Ни на одном, — у него возникает ощущение, что Он отстаёт от времени.

— То есть у тебя одни пастбища? — по лицу мистера Слаттермана видно, что тот удивлён столь неэффективным использованием угодий.

— Небеса — это райские луга, — объясняет Бог.

Мистер Слаттерман хмурится.

— Да, да, прекрасно. Но вот соевые бобы в этом году подорожали на тридцать процентов.

— Если Мне понадобятся соевые бобы, Я их сотворю, — раздражённо отвечает Бог.

— Но вам всё равно придётся собрать и подработать их. Сколько вы платите своим работникам?

— Херувимы работают бесплатно, — отвечает Бог, задаваясь вопросом, сколько же всё это будет продолжаться.

— Бесплатно? — повторяет мистер Слаттерман, и Бог видит, что его слова произвели должное впечатление. — А как смотрят на это власти?

Бог тяжело вздыхает.

— Власти — это Я.

Мистер Слаттерман кивает.

— Ну, конечно. Я забыл, — он тушит окурок и закуривает следующую сигарету. — А как насчёт дьявола?

Бог недоумённо смотрит на него.

— А что насчёт дьявола?

— Ну, Сатана, как известно, правит в аду, не так ли? А ад сотворил ты. Мне представляется, что это довольно-таки ценная недвижимость, — он выдерживает паузу, чтобы Бог мог поспеть за ходом его мыслей. — Сколько он тебе платит за аренду?

Неожиданно Бог улыбается.

— Клянусь Собой — восклицает Он. — Никогда не думал об этом! — тут Он мрачнеет. — Но к чему мне деньги?

— Ни к чему, — соглашается мистер Слаттерман. — Так что придётся прибегнуть к бартеру. Он использует то, что принадлежит нам, следовательно, мы должны получить то, чем пользуется он.

— Мы? — кустистые брови Бога изумлённо изгибаются.

— Совершенно верно, — кивает мистер Слаттерман. — Ты и я в этом деле в доле. Так что нужное нам есть у Сатаны?

— Ничего, — отвечает Бог, чувствуя, что события разворачиваются слишком уж быстро.

— А вот и нет, — торжествует мистер Слаттерман. — У него есть рабочая сила, люди. Души, если угодно.

Бог глубоко вздыхает, медленно выпускает воздух из груди.

— Не нужна мне никакая сила. Я — Творец.

Мистер Слаттерман улыбается.

— Именно об этом я и толкую. Очень уж ты распыляешься. Ты должен взять на себя общее руководство, а текучку переложить на кого-то ещё. Как только я попал сюда, уж не знаю, куда, я сказал себе: "Берни, может тебе не след упоминать об этом, поскольку ты здесь ненадолго и вообще не пойми кто, но очень уж измученным выглядит Бог. Похоже, он перетрудился". Эти самые слова я себе и сказал.

Бог признаёт, что у Него действительно сложилось ощущение, будто Он взвалил на себя слишком большую ношу.

Мистер Слаттерман сочувственно кивает.

— Естественно, взвалил, да и причины более чем понятны. Я хочу сказать, быть Богом куда тяжелее, чем простым барменом, и, готов спорить, привилегий у тебя негусто, — он оглядывается в поисках стула, который тут же возникает как по мановению волшебной палочки, садится. Рядом из воздуха появляется второй стул, на который усаживается Бог. — Я, разумеется, рад помочь советом, — продолжает Слаттерман, наклонившись вперёд, — но на самом деле тут нужен опытный адвокат, специализирующийся на трудовом законодательстве.

— Не иначе, как у тебя есть кто-то на примете, — сухо бросает Бог.

— По правде говоря, едва ли кто справится с этим делом лучше брата моей жены Джека.

— Душу Джейкоба Вайзермана уже не спасти. Она обречена на вечные муки, — сурово отвечает Бог.

— Меня-то он не надул, не так ли? — внезапно спрашивает мистер Слаттерман.

— Возможно, это единственный грех, который не числится за ним.

На лице мистера Слаттермана отражается облегчение.

— Тогда никаких проблем нет.

Всевышний качает головой.

— Я же тебе сказал: его душа обречена на вечные муки.

— Послушай, — гнёт своё Слаттерман, — люди, чьи души должны попасть на небо, могут продать их Сатане, так? Так почему же Джейк, душе которого прямой путь в ад, не может продать свою душу тебе в обмен на свои услуги?

Бог вроде обдумывает эту идею, безусловно для Него новую, а мистер Слаттерман откидывается на спинку стула.

— Разумеется, что-то должно перепасть и мне, раз уж я свёл вас вместе.

— Или твоей бессмертной душе? — предлагает Бог.

Мистер Слаттерман улыбается.

— Душе, разумеется, тоже, но я имею в виду ту игру, к которой ты меня вернёшь, когда мы покончим с делами.

Бог недовольно качает головой.

— Участие в азартной игре — грех.

Мистер Слаттерман поживает плечами.

— Так-то оно так, но учитывая просроченные счета, что лежат на моём столе, и людей, которые останутся голодными, если я им не заплачу, играть и проигрывать куда больший грех, чем играть и выигрывать, — он бросает на Бога короткий взгляд. — Разумеется, если тебя мучает совесть, можем забыть об этом.

Бог смотрит на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Всё-таки Мне трудно поверить, что ты одно из Моих созданий, — наконец, изрекает Он.

Мистер Слаттерман хмурится.

— Ты же не собираешься вновь потчевать меня всей этой метафизикой, не так ли?

Бог вздыхает.

— Полагаю, что нет, — признаёт Он.

— Чудесно, — улыбается мистер Слаттерман. — Так я выкину шесть?

Бог какое-то мгновение разглядывает свои длинные, совершенные пальцы и решает, что Ему пора подумать и об отпуске. А в этом случае Ему необходимо подобрать замену. В конце концов, этому человеку не занимать уверенности в себе, он знает, чего хочет, и, естественно, он сможет работать в тесном контакте с Джейкобом Вайзерманом, пока тот будет вести деликатные переговоры, необходимость в которых давно назрела.

— Три и три тебя устроят? — спрашивает Всевышний. — Или ты предпочтёшь два и четыре?

Пер. с английского Дмитрия Вебера

О "ЗОКАХ"

О **"зоках"** я впервые услышал в Баку — так называли почему-то некоторых армян сами армяне. На вопрос об этом этнониме отвечали по-разному. "Есть такая область в Армении..." "Армянские цыгане...", но, насколько я знаю, армянские цыгане именуются "боша". "Скупые (вариант "жадные") армяне..." (в отличие от всех остальных — щедрых). Наконец, зоки — "армянские евреи". Такая разноголосица меня очень заинтересовала. Однако всё, что удалось узнать позже из различных источников, сводится к следующему.

Во-первых, действительно есть в Армении небольшой район, шутливо именуемый в народе "Зокланд" — нечто наподобие грубого русского "Хохландия".

Во-вторых, по устному сообщению раввина бакинской синагоги ашкеназийских евреев рабби Цви, название "зоки" представляет собой аббревиатуру трёх древнееврейских слов — "*зэ́ра ко́деш Йисраэ́ль*" — "*семя святое Израиля*" и обозначает тех евреев, которые в незапамятные времена поселились в Армении и, став армянами по языку, культуре (и религии?), сохранили воспоминания о своих иудейских корнях (точно так же, по словам раввина, и горские евреи — **таты** — именуются "**ба́ки**" — "бней *ко́деш Йисраэ́ль*" — "*сыны святыни Израилевой*", откуда якобы, и происходит название города Баку).

В-третьих, существует особый диалект арамейского языка, на котором говорят ассирийские евреи Ирака, тысячи лет назад принявшие ассирийскую культуру и речь, но оставшиеся верными иудаизму, — они возводят себя к десяти "потерянным коленам" Израиля и живут в г. За́хо на реке Малый Хабур (топоним За́хо// диалектн. Зо́кко перекликается с "зоки" — см. Церетели К.Г., "Современный ассирийский язык", М., 1964, стр. 10, а также Segal J.B., "Neo-Aramaic proverbs of the Jews in Zakho", Journal of Near Eastern Studies, Chicago, vol. XIV, 1955, № 4).

В-четвёртых, из услышанных мною воспоминаний пожилых армян — выходцев из Ирана — явствовало, что некоторые жители, торговцы армянских кварталов Тегерана и других городов этой страны ещё перед Второй мировой войной соблюдали

иудейские религиозные обычаи: каждую пятницу после полудня они запирали лавки и шли в синагогу к вечерней молитве (иудейская суббота начинается с вечера пятницы).

В-пятых, сохранились сообщения еврейских путешественников разных веков о том, что в некоторых областях Армении женщины в приготовлении пищи следовали предписаниям иудейской традиции "кошера", хотя не могли объяснить этих своих действий, получив такие навыки по наследству от матерей (ср. "Еврейская Энциклопедия", СПб, 1909-1913, т. 7, стр. 144).

В-шестых, есть информация о том, что жителей г. Ван, который считают древнейшим городом Армении, окрестные армянские крестьяне еще в начале XX в. называли "евреями" (Г.Саркисян, "Тигранакерт", М., 1960, стр. 57).

Все эти разрозненные сведения, может быть, находятся в какой-то связи с известными переселениями иудеев в Армению при царе Тигране II Великом (95-56 гг. до н.э.) и в последующее время. По свидетельству историка Фавстоса Бузанда, в IV в. евреи составляли большинство населения шести крупнейших городов Армении, их численность превышала миллион человек (Г. Саркисян, "Тигранакерт", стр. 53-60). Что это были за евреи: исповедовали они иудаизм или христианство, или были последователями иудео-христианства, оставшимися, при вере в Евангелие, явными или тайными приверженцами Торы? И имеют ли "зоки" какую-либо преемственную связь с ними? Вопрос весьма интересный, особенно если поднять его на страницах журнала "НОЙ"! Очень прошу всех, кто каким-либо образом (по родству, знакомству, научным занятиям, случайным сведениям) соприкасался с "зоками" или со связанной с ними проблематикой, откликнуться на заданный вопрос и внести свою лепту в эту, насколько мне известно, неизведанную область армянской этнографии.

Дмитрий Щедровицкий.

О ШАШКАХ

Г-н редактор!

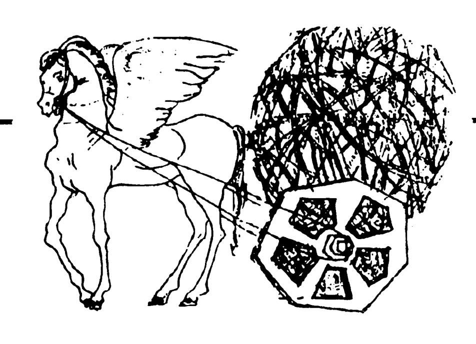
В № 4 журнала "НОЙ" была напечатана моя заметка об армянских шашках тама. Но есть ещё одна игра, в летопись которой золотыми буквами вписаны имена евреев и армян, — я говорю о шашках. Многократными чемпионами СССР по русским шашкам были Виталий Габриэлян и Юрий Арустамов, звание чемпиона мира по т. наз. "бразильским" шашкам трижды завоёвывал Александр Шварцман. Но, конечно, самые популярные в мире — стоклеточные шашки, они так и называются международные (хотя сравнительно недавно они назывались польскими). И вот почему. Утверждают, что их придумал некий французский офицер, а помогал ему в этом польский поручик из свиты Марии Лещинской, в честь которой галантный француз назвал их польскими.

Недавно газета "Вечерняя Москва" опубликовала интересную гипотезу. Оказывается, аббат Фариа — лицо реальное. Хосе Кустодио де Фариа объявился в Европе, а именно в Лиссабоне в 1771 г., когда ему было пятнадцать лет. Он оказался очень способным человеком, серьёзно изучал теологию и медицину. Приняв сан священника, он начал службу при королевском дворе, но вскоре всё бросил и отправился во Францию, где с головой окунулся в революцию. Жизнь подбрасывала ему множество приключений, в том числе заключение в Бастилию. Здесь он и изобрёл стоклеточные шашки. А Александр Дюма обессмертил его знаменитым романом "Граф Монте-Кристо".

Первым чемпионом мира по стоклеточным шашкам стал француз **Исидор Вейс** (1867-1936). Кажется, он был шапочником — не то шил шляпы, не то (вероятнее всего) торговал ими, но страстью его были шашки. И.Вейс стал ярким представителем, а точнее творцом композиционной школы. Его игра изумляла не только современников, но и поныне восхищает всех любителей шашек.

Вейс продержался на шашечном троне до 1912 г., когда его сменил голландец Герман Гогланд (1892-1955). В списке чемпионов среди тех, кто покорил вершину, — пятикратный чемпион мира Исэр Куперман, чемпионы мира Анатолий Гантварг и Александр Дыбман.

Вениамин Городецкий,
гроссмейстер, экс-чемпион СССР

ПРАЗДНИК ПЕРЕВОДЧИКА

ДАНТЕ Алигьери (1265-1321)

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

АД

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Дойдя до середины нашей жизни,
Я вдруг заметил, что в лесу блуждаю,
Путь истинный во мраке потеряв.
4 Мучительно и страшно вспоминать
Зловещие нехоженые дебри.
Страшнее их, должно быть, только смерть!
7 Одна лишь мысль о них приводит в трепет.
Но должен я о Зле поведать прежде,
Чем найденное Благо возвестить.
10 Как в этот лес попал, — не понимаю
И рассказать об этом не сумею.
Я двигался, должно быть, как во сне.
13 Теперь же увидал высокий холм,
Поднявшийся над бездной беспросветной,
Которая мне сердце разрывала.
16 И были плечи крепкие холма
Озарены сияньем той лампады,

Которая всегда укажет путь.
Мой страх прошёл немного, улеглось
Тревожное предчувствие беды,
Навеянное ночью непроглядной.
Пловец, что, задыхаясь, всё же выплыл
Из разъярённых волн на берег, смотрит
Как зачарованный на злое море.
И я, ещё от страха не оправясь,
Взглянул назад, на сумрачную чащу,
В которой, видно, гибель неизбежна.
Потом, чуть отдохнув, по косогору
Стал подниматься, твёрже ставя ноги,
Стремясь скорей взойти на светлый холм.
И вот, едва лишь стал подъём крутым,
Явилась рысь, проворна и ловка,
Мой взор прельщая шкурою пятнистой.
И не метнулась прочь, меня заметив,
А нагло преградила путь к вершине
И стал я к лесу пятиться тогда.
Но было утро, солнце восходило
В кругу тех звёзд, что рядом с ним сверкнули
В весенний день, когда любовь Творца
Впервые привела в движенье мир.
И этот час, и это время года
Внушили бы надежду на спасенье,
Но появилась новая угроза —
Передо мной возник ужасный лев.
Снедаем злобой, голову вздымая,
Он направлялся прямо на меня.
От этой злобы воздух задрожал.
Затем другого зверя я увидел —
Волчицу жадную. Вся алчность мира
Должно быть, в худобу её вселилась.
Она была поистине ужасна
И многих погубить уже успела.
Тут я пришёл в отчаянье, подумав,
Что уж теперь на гору не взойти.

55 Кто, наживая, весело смеётся,
Когда настанет тяжкая минута
Рыдает горько, потеряв добро.
58 В таком я положенье оказался
Теснимый шаг за шагом прочь от солнца
Волчицей, не дававшей и вздохнуть.
61 Я был уже разбит и падал в пропасть!
Тогда предстал передо мною тот,
Кто очень долго для меня был нем,
64 Да и сейчас ещё не слишком ясен.
Его увидя в этом диком месте,
Вскричал я громко: "Дух иль человек!
67 Кто бы ты ни был, сжалься надо мною!"
Он отвечал: "Я человеком БЫЛ —
Отца и мать Ломбардия вскормила,
70 И оба по рожденью мантуанцы.
Я родился при Цезаре, но поздно,
И жизнь свою под Августом провёл.
73 Тогда не знали истинного Бога.
Поэтом был я и воспел Энея,
Пришедшего сюда из гордой Трои,
76 Когда её разрушили враги.
Но почему во мрак ты отступаешь
И не восходишь на вершину эту —
79 Обитель счастья, правды и добра?"
"Так, значит, ты — Вергилий, тот источник,
Откуда пролилась на мир река
82 Словес высоких? — молвил я смущённо.
— Искусства цвет и слава — ведь тебя,
Просеяв всю поэзию, избрал я
85 Наставником своим — ты мой певец!
Я долго изучал твой стих прекрасный,
И тем пером, что принесло мне славу,
88 Твоя рука водила! Но сейчас —
Ты видишь зверя, что меня теснит?
Так помоги, прославленный мудрец!
91 Я трепещу от головы до пят!"

"Когда от леса хочешь уберечься,
Тебе придётся в дальний путь пойти. —
Ответил он, мои увидев слёзы.
— Ведь эта тварь, которой ты боишься,
С дороги не сойдёт, к холму не пустит,
И если ей удастся — загрызёт!
Она коварна, зла и ненасытна,
Со многими зверьми уже спозналась
И многих развратит. Лишь Волкодав,
Кого влекут не земли и не деньги,
А добродетель, мудрость и любовь,
Её прогонит и спасёт страну,
Ради которой Эвриал и Нис,
Турн и Камилла жизни не щадили.
Он будет гнать волчицу до тех пор,
Пока она не возвратится в ад,
Который, чёрной завистью исполнен,
Послал её, чтоб погубить людей.
Что до тебя, то лучше бы всего
Последовать за мной. Поводырём
Я стану, поведу тебя туда,
Где раздаётся безнадежный вопль.
Увидишь ты отверженных, что тщетно
Вторую смерть в отчаяньи зовут.
Узришь и тех, кому огонь — отрада,
Дающая надежду на блаженство.
Потом сумеешь к избранным подняться,
Но будет там поводырём твоим
Та, что меня достойнее и чище —
И ей тебя я вверю, уходя.
Господь везде, но трон Его в Раю.
Блаженны те, кого Он избирает!"
Я отвечал: "Поэт, во имя Бога,
Которого при жизни ты не знал,
Молю тебя, спаси меня от зла,
Того, что есть, и худшего, быть может.
Веди меня туда, куда зовёшь.
Хочу увидеть райские врата

И тех, о ком ты прежде говорил."
Тогда он вышел в путь, и я за ним.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

День удалялся, и темнело небо,
Всех тварей отрывая от трудов
И к отдыху зовя — мне одному
Нелёгкая дорога предстояла,
Да тягостное зрелище страданий.
Я попытаюсь рассказать о них.
О музы, помогите мне! О разум!
Ты отмечаешь всё, что ни увидишь.
Яви теперь величие своё!
Я начал так: "Поэт и проводник!
Доверив мне свершить великий путь,
Ты взвесил ли достоинства мои?
Ты, правда, говорил, что сын Анхиза,
Ещё подвержен тлению, спускался
В нетленный мир и был там наяву.
Но если даже Враг Всего Дурного
Такую милость оказал Энею,
Никто не усомнится в том, припомнив,
Кто был Эней и кто его потомки.
Ведь он избранник Неба, предок римлян,
Создатель государства, что затем
Опорой стало для святого трона.
К тому ж в тобой воспетом нисхожденьи
Узнал он то, что принесло ему
(А, значит, и святейшему престолу)
Победу долгожданную. Потом
В другом загробном царстве побывал
Апостол Павел, "Избранный Сосуд",
Чтоб истинную веру укрепить.
Но я ведь не Эней и не апостол.
Зачем идти мне? По какому праву?

Ни сам я не поверю, ни другие
В то, что достоин миссии такой.
Боюсь, не совершаю ли ошибку,
Предавшись всей душой твоей затее.
Ты мудр и понимаешь это сам".
Так в наступивших сумерках в душе
Возникли мысли новые, иные,
Я колебаться стал и сомневаться
И, передумав, отвергал я то,
За что вначале быстро ухватился.
"Коль правильно тебя я понимаю, —
Ответил добрый дух, — Ты поражён
Внезапной трусостью. Она способна,
Путь преграждая подвигам великим,
Любого превратить в тупую тварь,
Лишённую божественного света.
Но чтоб освободить тебя от страха,
Открою почему я здесь. Хотел
Ещё при встрече рассказать об этом.
Я к тем принадлежу, кому за гробом
Не испытать ни райского блаженства,
Ни адской муки — и ко мне спустилась
Прекрасная блаженная душа.
Я сразу захотел ей подчиниться.
Глаза блистали ярче звёзд, а голос —
Воистину небесный! — произнёс:
"О милый мантуанец, ты, чья слава
Заполонила христианский мир
И только вместе с ним угаснуть может —
Знай, что любимый мой попал в беду.
Он одинок, отрезан путь к спасенью,
Испуганный, он повернул назад.
Боюсь, что я и так уж слишком поздно
Услышала о горестях его.
Прошу тебя, приди к нему на помощь
И вразуми своей искусной речью.
Спаси страдальца и утешь меня!

Я — Беатриче и пришла оттуда,
Куда всегда мечтают возвратиться.
Любовь меня заставила сойти.
Когда же снова Господа увижу,
Тебе хвалу при нём произнесу".
Она умолкла, и ответил я:
"О добродетель, лишь тобой владея
Людское племя будет совершенней
Всех, кто в подлунном мире обитает.
Достаточно желанья твоего,
И так его исполнить я хочу,
Что сетую уже на промедленье.
Скажи мне только, как решилась ты
Спуститься в нашу мрачную страну?"
"Всё до конца стремишься ты познать. —
Промолвила она. — Отвечу кратко:
Не зная страха, я вошла сюда.
Бояться должно лишь того, что может
Вред причинить. Благодаренье Богу,
Я создана такой, что ваши страсти
Меня не задевают, и огонь
К моим стопам не смеет прикоснуться.
Та, что одна лишь приговор суровый
Вольна смягчить, прониклась состраданьем,
Увидев, как беспомощен мой друг,
И, обратившись ко святой Лючии,
Сказала ей: "Он был тебе так предан,
Приди к нему на помощь и спаси".
Лючия, что помочь всегда готова,
Отправилась туда, где я сидела
С библейскою Рахилью, и сказала:
"О, Беатриче, лик твой увидав,
Как не воздать Всевышнему хвалу?
Но что же не поможешь ты тому,
Кто любит так тебя, кто над толпою
Благодаря тебе одной вознёсся?
Не слышишь разве плач его? Не видишь

Грозящий жертву поглотить поток,
Что яростью и морю не уступит?
Средь всех, кто помышлял творить добро
Или бежать от зла, никто вовеки
Не торопился так, как я — и вот
Сюда пришла я, возложив надежды
На речь твою, которую почётно
И слушать, а не то что говорить".
Сказав, она печально отвела
Глаза, теперь блестящие от слёз.
Я поспешил исполнить волю Неба,
Пришёл освободить тебя от твари,
Путь преградившей к радостной горе.
Так в чём же дело? Почему ты медлишь?
Откуда появилась эта трусость?
Где пыл твой, где уверенность в себе?
Ведь три благословенные души
Пекутся о тебе в чертогах райских,
И буду я с тобой, как обещал!"
Под ледяным дыханьем ночи сникнув,
Цветы, едва лишь высветлит их солнце,
Раскроются и выпрямятся вновь,—
Так и моя усталая душа
Очнулась, в сердце вспыхнула отвага,
И я сказал уверенно и твёрдо:
"Благословенна та, что помогает,
И ты, о благородный дух, который
Так быстро внял её словам правдивым.
Твоя же речь меня так вдохновила,
Что я отныне укрепился вновь
В решении своём первоначальном.
Идём же, цель у нас теперь одна,
Мой поводырь, владыка и наставник!"
Так я сказал, и тотчас мы вдвоём
Возобновили свой нелёгкий путь.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

ПЕРЕД ТОБОЮ ВХОД В СТРАНУ СТРАДАНИЙ,
ПЕРЕД ТОБОЮ ВХОД К МУЧЕНЬЯМ ВЕЧНЫМ,
ПЕРЕД ТОБОЙ К ПОГИБШИМ ДУШАМ ВХОД.
4 БОЖЕСТВЕННАЯ МОЩЬ, ВЕРХОВНЫЙ РАЗУМ
И ПРЕДНАЧАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ ВОЗДВИГЛИ
ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ МЕНЯ.
7 ДРЕВНЕЙ МЕНЯ ЛИШЬ АНГЕЛЫ, НО АД
БЕССМЕРТЕН, КАК ОНИ, И ПОТОМУ
СЮДА ВХОДЯ, С НАДЕЖДАМИ РАССТАНЬСЯ.
10 Вот надпись, что прочёл я на вратах,
И были буквы тёмными от гнева.
"Учитель! — я воскликнул. — Страшно это!"
13 Но он без промедленья отвечал:
"Сомнения оставь ты за порогом
И малодушье вовсе истреби!
16 Я говорил уже об этом месте,
Где ты увидишь грешников злосчастных,
Свет Господа утративших навек".
19 Потом он ободрил меня улыбкой,
Взял за руку и ввёл в ужасный мир.
Рыданья, вздохи, жалобные стоны
22 В беззвёздном тёмном небе отдавались
И у меня перехватило горло.
Проклятия на всех земных наречьях,
25 Чудовищные вопли, крики боли,
Хрипенье, визг и беспрестанный стук
Не то шлепков, не то пощёчин звонких
28 Сливались в неумолчный общий гул
В тяжёлом плотном воздухе, для взора
Почти непроницаемом — как смерч!
31 И я, чей ум сковало заблужденье,
Сказал: "Учитель, что это за звуки?
Каких людей здесь одолела боль?"
34 Он отвечал: "Такой судьбой презренной
Казнятся те, что прожили свой век,

Не заслужив ни славы, ни позора.
И в этот хор унылый вплетены
Те ангелы, что были не за Бога,
И не за Сатану, а за себя.
Ничтожные! Их небеса изгнали,
И адское горнило не приемлет,
Чтоб, видя их ничтожество, не стал
Собой гордиться грешник настоящий!"
А я: "Учитель, что их заставляет
Так горько и неистово вопить?"
Ответил он: "Скажу без лишних слов.
Их участь и горька и беспросветна.
На смерть — и то надежды нет. Они
Завидуют любой другой судьбе.
Их имена потомству не остались,
От них и суд и милость отвернулись,
Что говорить о них? Взглянул — и прочь!"
Тут я увидел знамя. Словно вихрь,
Кружась, оно летело и, казалось,
Нигде остановиться не могло.
За ним толпа огромная неслась.
Не думал прежде я, что смерть способна
Скосить такое множество людей.
Сперва я никого не узнавал.
Потом увидел тень того, кто, струсив,
Себя отказом громким обесславил.
И тотчас я с уверенностью понял,
Что вижу пред собою жалкий сброд,
Равно противный Дьяволу и Богу.
Презренные, что на земле не жили,
А ползали, теперь, обнажены,
Бежали под укусами слепней,
И струйки крови вместе со слезами
Сбегали по телам вплоть до лодыжек,
Где множество червей справляло пир.
Я отвернулся и увидел берег
Реки широкой и людей вблизи.

73 И молвил: "Сделай милость, объясни,
Кто эти? И при скудном освещеньи
Заметно как торопятся они
76 Скорее переправиться. Зачем?"
Он отвечал: "Причину ты поймёшь,
Когда поближе подойдём. Узнай —
79 Перед тобою берег Ахерона!"
Тогда, глаза смущённо опустив,
Боясь его вопросами тревожить,
82 Я замолчал. И мы пришли к реке.
Навстречу лодка двигалась. Гребец,
Седой старик, неистово кричал:
85 "Неправедные души, горе вам!
Увидеть небо не надейтесь больше!
Я вас перевезу в обитель тьмы!
88 В огонь и лёд! А ты, душа живая,
Прочь отойди от этих мертвецов!"
Но я не отступил, и он добавил:
91 "Иным путём, через врата иные
И в лодке попроворнее моей
Помчишься ты — а здесь прохода нет!"
94 Но вождь сказал ему: "Харон, уймись!
Ведь Тот, Кто может делать всё что хочет
Так пожелал! И более ни слова!"
97 Седые лохмы на висках гребца,
Что стали дыбом, тут же улеглись,
И лишь глаза сверкали красным светом.
100 А души, изнурённые, нагие,
Напуганы Харона злобным воплем,
Бледнея в страхе и стуча зубами,
103 Кляли и небо и весь род людской,
И час, и место своего рожденья,
Родителей и роковое чрево,
106 Что породило их далёких предков.
Потом, рыдая громко, сбились в кучу
На гневном берегу, что ждёт того,
109 Кто, Бога позабыв, живёт как хочет.
Глаза гребца горели, словно угли.
Как птицелов своею дудкой птичек
112 Он взглядом только грешников собрал.

А тех, кто мешкал, подгонял веслом.
Как осенью с дерев слетают листья,
Один вслед за другим, покуда ветвь
Не сбросит наземь весь убор нарядный,
Так это семя сорное Адама
По одному ссыпалось в утлый чёлн.
Мы, наконец, отчалили, но прежде
Чем добрались до берега другого
На этом уж скопился новый люд.
"Сынок, — сказал Учитель, — побуждает
Господне правосудье не бежать,
От кары, а стремиться к ней, и те,
Кого и смерть не примирила с Богом,
Спешат скорее реку переплыть.
А праведной душе здесь ходу нет.
И если на тебя Харон сердит,
Сам должен понимать причину злости".
Едва он кончил, тёмная река
Так содрогнулась, что и до сих пор
Как только вспомню, в пот меня бросает.
Над горемычным краем пролетел
Внезапный вихрь. В нём молния сверкнула.
И я тогда упал, лишившись чувств,
Как будто сном внезапным поражённый.

Пер. с итальянского Ан.Фридмана

ОТ РЕДАКЦИИ

От всего сердца поздравляем нашего давнего автора и друга с завершение труда, которому он посвятил многие годы, — не думая, будет ли опубликован его полный перевод "Комедии" Данте (оказывается, автор озаглавил её именно так, а "божественной" её назвали за совершенство, мудрость, красоту), ждёт ли его слава и награда.

Спасибо, дорогой Анатолий Аронович, что в минуты отчаяния и усталости вы не опустили руку, возделывавшую не пашню — бескрайнюю равнину, что у вас хватило сил, терпения и веры в своё призвание.

ИЗ СТАРОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В предлагаемую подборку входят стихи еврейских поэтов, созданные в период с первых веков новой эры до позднего средневековья. Это прежде всего молитвы, большей частью анонимные.

Самая древняя из представленных здесь молитв, Кадди́ш, требует некоторых комментариев. Каддиш (арам. "*святой*") — еврейское богослужебное славословие, сложенное на арамейском языке. Оно существует в нескольких разновидностях и наиболее известно как поминальная молитва. Однако Каддиш представляет собою лишь прославление Бога, без упоминаний о смерти или умершем. По преданию, мир стоит только благодаря тому, что молящиеся произносят фразу "пусть благословляется великое имя Его вовек и во веки веков". Слова "пусть святится великое имя Его" и "пусть настанет Царство Его" перекликаются с христианской молитвой "Отче наш", возникшей в ту же эпоху, что и Каддиш.

О поэте по имени Яннай нам известно очень мало. Скорее всего, он жил в VI веке в Палестине и был кантором.

Шмуэль Ханагид (993-1056 гг.), живший в мусульманской Испании, — первый крупный поэт "золотого века". Он был также визирем и полководцем.

По мнению многих специалистов, Йехуда Галеви (род. до 1075 г., умер после 1141 г.) — лучший еврейский поэт послебиблейского периода. Он родился и прожил бо́льшую часть жизни в Испании, был известным врачом. На склоне лет он отправился в Палестину и во время этого путешествия умер.

Элиэзер Азикри (1533-1600 гг.), один из мудрецов Цфата, известен в первую очередь как создатель гимна "Друг души, милосердный Отец!"

Все эти стихотворения, кроме Каддиша, переведены мною с древнееврейского (иврита).

АНОНИМ

КАДДИШ

Пусть возрастает, пусть святится
великое имя Его
в мире, сотворённом волей Его!
Пусть настанет Царство Его
при жизни вашей,
в дни ваши
и при жизни всего дома Израилева,

без промедления,
очень скоро.
Скажите "аминь"!

пусть благословляется
великое имя Его
вовек и во веки веков!

Пусть будет благословляемо и хвалимо,
венчаемо и возносимо,
восхваляемо и прославляемо,
превозносимо и воспеваемо
имя Святого Благословенного —
превыше всех благословений и песнопений,
превыше всех похвал и утешений,
воспеваемых в мире.
Скажите "аминь"!

Пусть снизойдёт на нас с небес великий мир
и принесёт жизнь нам и всему Израилю.
Скажите "аминь"!

Установивший мир на высотах
подарит мир нам и всему Израилю.
Скажите "аминь"!

* * *

Повелитель всех миров!
Не на праведность свою надеемся,
обращаясь к Тебе с мольбою,
а на великое твоё милосердие.

Чтó мы и чтó наша жизнь?
Чтó наше благочестие и праведность?

Чтó наша сила и мощь?
Что скажем Тебе, Бог наш
и Бог наших отцов?

Ведь сильные — ничто пред Тобою,
славные — будто их и не было,
мудрецы — как неучёные,
а разумные — как лишённые разума!
Все дела их — ничто,
дни их жизни пусты пред Тобою.
Человек не лучше скота,
ибо всё — пустое.
Но чистая душа даст ответ и отчёт
перед троном Твоей славы.
Все народы — ничто пред Тобою,
ибо сказано: "Народы — капля из ковша,
пыль на чаше весов,
и соберёт Он острова, как песчинки".

* * *

Мы согрешили хуже любого народа.
На нас позор, как ни на одном из племён.
Где теперь наша радость?
Мы грешники, и наши сердца печальны.
С горечью смешались наши желанья,
и наша краса померкла.
Наш святой Храм
разрушен по нашей вине.
Обитель Всевышнего
в развалины обратилась.
Красота нашей земли
досталась иному народу.
Наша сила — в плену у чужестранцев.

* * *

Ангела смерти Господь к Моисею послал
и повелел: "Будь с Моисеем ласков.
Скажи ему, что его душе пора
передо Мной предстать".
И с тех пор у Израиля не было
пророка, как Моисей.

Прилетел ангел смерти к терновому кусту.
"Не видал ли ты, куст, великого Моисея?"
Куст ответил: "Я его не видал
с того дня, как Господь явился ему во мне".
И с тех пор у Израиля не было
пророка, как Моисей.

Ангел смерти спросил у моря: "Где Моисей?"
Море сказало: "Я не видало его
с того дня, как он рассёк меня пополам
и погубил Великого Змея*.
И с тех пор у Израиля не было
пророка, как Моисей.

Ангел смерти взревел и устремился к горе Синай.
"Не знаешь ли ты, Синай, где Моисей?"
Синай ответил: "Я не видал его с того дня,
как он ступил на меня, чтобы принять Тору".
И с тех пор у Израиля не было
пророка, как Моисей.

А Тот, кому хоры ангелов поют,
уже взял Моисееву душу поцелуем.

---

* Великий Змей — фараон. (*Прим. перев.*)

ЯННАЙ

* * *

От Неба — к Небесам Небес,
и выше — в заоблачный Мрак,
и дальше — в небесный Храм,
и ещё выше — в Чертог,
оттуда — к вышнему Своду,
от Свода — на Равнину Небес,
с Равнины — к Трону славы
и ввысь — до Колесницы!

Кто же подобен Тебе,
кто сравнится с Тобой?
Кто узрел и коснулся Тебя
и посмел встретить Твой взор?
Кто сумеет Тебе возразить
и проникнет в мысли Твои?

Как летишь Ты на херувимах,
как паришь на ветрах!
Твой путь — сквозь бурю,
Твой путь — по водам,
и сонмы огней — Твои посланцы,
Бесчисленные огни
превратились в мужчин и женщин,
стали яростными ветрами,
чтобы творить Твою волю
с трепетом и восторгом.

* * *

Огонь, что истребляет огонь,
пылает во влажном и сухом,

горит в дыму и в снегу,
подобен недвижному льву,
являет тысячу лиц
и не угаснет вовек.
Странствующий пожар,
в котором — трепет и мощь,
летящий огненный смерч,
огонь, что не питаем ничем,
обновляется каждый день
и не рождён от огня.
Вселенскою пальмой — его языки,
стаями молний искры летят;
чернее воронова крыла
и радуги ярче тот огонь.

Шмуэль ХАНАГИД

* * *

Ты сказала: "Радуйся! До пятидесяти лет
ты дожил без забот". А ведь для меня
нет разницы: что мои годы,
что годы Ноя... В этом мире
я живу только мгновением, а оно
лёгким облачком улетает прочь.

* * *

В этой жизни ты как в тюрьме.
Смотри же, глупец: со всех сторон
небо! Беги со всех ног —
сумеешь ли вырваться за его пределы?

Йехуда ГАЛЕВИ

* * *

К источнику подлинной жизни я стремлюсь:
годы пустые смоет его вода.
Узрю своего Царя, а иного царя
не полюблю и не устрашусь никогда.
Мечтаю увидеть Его хотя бы во сне —
и пусть этот сон продлится навсегда!
Если увижу Его в сердце своём,
то внешний мир исчезнет без следа!

* * *

Заря нашей жизни — как сон.
Проснись же скорее, душа!
Юность соломою прочь улетит.
Канет бесследно волос чернота —
истину нам седина возвестит.
И словно птица — ночную росу,
стряхнуть времена душа поспешит,
свободною птицей в небо свободы
прочь от грехов и дней воспарит —
за сонмом всех душ освобождённых
к чертогу Царя свой полёт устремит.

* * *

Не верь временам, в них правды нет.
Бесконечен мой труд и краток мой день.
Поучая ближнего, человек говорит:
"Не греши, к небу руки воздень!"

Но оправдывает собственный грех:
"Всё делает Бог, человек — лишь тень".

Элиэзер АЗИКРИ

* * *

Друг души, милосердный Отец!
Призови меня волю Твою исполнить —
примчится раб Твой быстрее оленя,
пред славой Твоей преклонит колени,
и Твоя любовь его переполнит:
она слаще любого мёда.

Ты славен, прекрасен, Ты — свет миру,
душа любовью к Тебе больна.
Скорее, Боже, её излечи —
сделай так, чтобы свет узрела она!
И тогда к ней вернётся здоровье —
она будет служить Тебе вовек.

Пусть возгорится Твоё милосердие:
я — потомок того, кого Ты возлюбил!
Мечтал он увидеть славу Твою —
и наконец Ты его посетил.
Боже, Ты — счастье моего сердца!
Не медли, явись скорее и мне!

Воздвигни надо мной Свой шатёр!
Засияет земля, возликует наш взор —
будем радоваться и веселиться в Тебе!
Не медли, уже приблизился срок —
обрадуй меня, как в прежние дни!

Пер. и вступление Андрея Графова

Герман ГЕССЕ (1877-1962)

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Из колбы размышлений и из книг,
на склоне лет, порою беспристрастной,
труд мудрости создаст седой старик
и обовьёт лозой его прекрасной.

Студент, в пылу архивы перерыв,
тьму книг прочтя и завершив ученье,
ещё в желанье славы не остыв,
напишет гениальное творенье.

А мальчик в рот соломинку возьмёт —
и мыльных пузырей взлетает стая...
и маленький пузырик гимн поёт,
весь мир живой души в себе вмещая.

Они в мечтах, все трое — так им мнится,
творят миры из пены — сладок бред.
А им всё только сон волшебный снится...
А в их стараньях вовсе смысла нет...
Но в них себя узнает вечный свет,
и,улыбнувшись, ярче разгорится.

ИГРА В БИСЕР

И музыку вселенной будем слушать,
и музыку старинных мастеров,
на пир прекрасного из ласковых миров
великих предков вызывая души.

Высок язык магического знака.
Стихию жизни, тайный смысл числа,
с незыблемостью круга Зодиака,
структура формул в ясность облекла.

Созвездья формул звучны, как кристалл.
Служеньем им — смысл нашей жизни стал.
И я их круг вовеки не покину,
лишь кану в их святую середину.

ПЛАЧ

Быть — не дано нам. Мы всегда — река.
Нам так легко в любую форму вплыть:
в день, в ночь, в собор, в пещеру, в облака.
Пройдём насквозь, томясь желаньем — быть.

Из формы в форму будем мы идти.
Ни дома нет у нас, ни счастья, ни беды.
Ни хлеба в поле нет, ни плугу — борозды.
Везде чужие мы. Всегда в пути.

Что Бог задумал с нами, как нам знать?
В его руках — игрушка мы из глины,
немой комок, без слёз и сердцевины.
Он нас, слепив, не станет обжигать.

Застыть бы в камне! И хоть так продлиться!
По вечному тоска в нас велика.
А нам дано дрожать и в страхе биться.
А разве может отдохнуть река?

Пер. с немецкого Нины Кан

СОДЕРЖАНИЕ

ISBN 5-7270-0012-2

Обложка художника
Марка Ибшмана

Набор, вёрстка, оформление выполнены
в издательстве "НОЙ"

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020338 от 26.12.1991 г.

Формат 60x84/16
Бумага офсетная
Заказ 89

Цена свободная
Тираж 999 экз.

113534 Москва, а/я 11

НОЙ
נח
יט